

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакцію Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ II

Г О Д Ъ   Ш Е С Т О Й

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія С. Н. Худекова. Владимірскій пр., № 12

1896

Печатано по распоряженію Императорскаго Спб. Русскаго Географическаго Общества.

ОТДѢЛЪ I.

Грихья-сутры, какъ источникъ для исторіи индоевропейской бытовой культуры.

Сравнительное языкознаніе со своими неопровержимыми выводами о родствѣ индоевропейскихъ языковъ, вызвало къ жизни новую науку, которая имѣетъ цѣлю возстановить первоначальную жизнь праиндоевропейскаго народа. Если путемъ сравненія словъ индоевропейскихъ языковъ можно возстановить слова праязыка, изъ которыхъ развились слова сравниваемыхъ языковъ, то совершенно естественно является вопросъ: не свидѣтельствуютъ-ли эти слова о томъ, что праиндоевропейскій народъ зналъ предметы, называемые ими? Отвѣчать на этотъ вопросъ отрицательно невозможно. А отсюда очень легко сдѣлать выводъ (мы не касаемся при этомъ вопроса, насколько справедливъ такой выводъ), что путемъ сопоставленія словъ мы можемъ дойти и до возстановленія всей обстановки жизни нашихъ индоевропейскихъ предковъ: окружавшей ихъ природы, ихъ утвари, образа жизни, занятій, обычаевъ, религій и проч. Такія мысли и вызвали довольно рано попытки нарисовать по возможности полную картину жизни праиндоевропейскаго народа. Здѣсь мы не будемъ входить въ критику добытыхъ такимъ путемъ свѣдѣній, а укажемъ только на одну слабую сторону этихъ изслѣдованій. Уже съ самыхъ первыхъ шаговъ нашей науки стала сказываться неполнота добытыхъ свѣдѣній. Добываемые съ большимъ трудомъ остатки обще-индоевропейской культуры оказывались настолько бѣдны, что изъ нихъ нельзя было склеить и плохой мозаичной картины. Если эта картина все-таки получалась, то только благодаря болѣе или менѣе живой фантазіи ея творцовъ. Однако такое положеніе не могло долго просуществовать, такъ какъ фантазіи очень скоро разрушались при малѣйшемъ прикосновеніи критики. Поэтому самые серьезные представители новой науки рѣшили ограничиваться пока добываніемъ новыхъ

данныхъ для будущей картины или возстановлять ее при помощи другихъ болѣе надежныхъ средствъ, чѣмъ собственная фантазія. Такъ, напр., во второмъ изданіи своей книги «*Sprachvergleichung und Urgeschichte*» Шрадеръ сопоставляетъ данныя, добытыя лингвистическимъ путемъ, съ остатками швейцарскихъ свайныхъ построекъ и высказываетъ предположеніе, что это и есть остатки культуры общихъ предковъ европейской группы индоевропейскихъ народовъ. Онъ же пользуется еще и сравнительнымъ изученіемъ обычаевъ этихъ народовъ. Однако, какъ мнѣ кажется, о значеніи этого подспорья при возстановленіи картины первоначальной общей жизни индоевропейцевъ у нашихъ изслѣдователей нѣтъ опредѣленнаго, точнаго представленія. Мнѣ кажется даже, что сравнительное изученіе обычаевъ оказывало ученымъ услугу помимо ихъ собственнаго сознанія: сопоставленія извѣстныхъ сходныхъ обычаевъ существуютъ уже, и изслѣдователь, сопоставляя слова, вкладываетъ въ нихъ содержаніе, извѣстное уже ему изъ сопоставленія обычаевъ. Такимъ образомъ выводъ, къ которому приходитъ ученый, до извѣстной мѣры уже существовалъ въ сравниваемыхъ обычаяхъ. Поэтому мнѣ кажется необходимымъ остановиться на этомъ вопросѣ, и онъ прямо приведетъ насъ къ нашей темѣ.

Какъ странно было-бы въ настоящее время сказать, что цѣль сравнительнаго языкознанія заключается въ возстановленіи языка, которымъ говорили наши общіе предки. Центръ тяжести науки въ настоящее время перешелъ на сравнительное изученіе фактовъ отдѣльныхъ языковъ. Если при этомъ мы приходимъ къ тому заключенію, что въ праязыгѣ существовала такая-то система звуковъ, тая-то формы словъ и такіа-то синтаксическія сочетанія, то это есть результатъ нашего изслѣдованія, результатъ очень важный, но почему мы стали-бы придавать ему значеніе цѣли всего изслѣдованія? Неужели только потому, что это древнѣйшая доступная намъ ступень въ историческомъ развитіи индоевропейскихъ языковъ? Этого, конечно, еще очень мало. Въ настоящее время никто не станетъ спорить противъ того, что возстановленіе праязычныхъ формъ находится въ полной зависимости отъ точности изслѣдованій отдѣльныхъ языковъ. Поэтому сравнительный языковѣдъ обыкновенно восходитъ къ древности отъ фактовъ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языковъ. Совершенно тоже самое можно сказать и о сравнительномъ изученіи обычаевъ индоевропейскихъ народовъ. Нельзя сказать, чтобы возстановленіе картины жизни индоевропейцевъ составляло цѣль этого изученія. Это—самая трудная задача его, къ рѣшенію которой мы можемъ прійти только путемъ тщательнаго сравнительно историческаго изслѣдованія обычаевъ отдѣльныхъ индоевропейскихъ народовъ. И это совершенно понятно. Картина жизни индоевропейцевъ должна быть возстановлена; ея не существуетъ на са-

момъ дѣлѣ. Всякое возстановленіе зависитъ отъ точности нашихъ знаній въ тѣхъ областяхъ, которыя даютъ матеріалъ для возстановленія этой картины. Словомъ сказать, нельзя называть цѣлью науки возстановленіе картины жизни индоевропейцевъ уже потому, что въ этой картинѣ не будетъ и не можетъ быть ничего новаго для насъ. Въ ней будетъ только то, что мы съумѣли добыть изъ изученія обычаевъ отдѣльныхъ индоевропейскихъ и не индоевропейскихъ народовъ. Однимъ словомъ изученіе должно быть направлено не на тѣ отдѣльныя стороны обычаевъ, которыя даютъ поводъ къ сопоставленіямъ, а на изученіе обычаевъ отдѣльныхъ индоевропейскихъ народовъ, — изученіе по возможности всестороннее, т. е. въ связи со всѣми окружающими обычаями условіями жизни даннаго народа. Я потому обращаю особенное вниманіе на это послѣднее требованіе, что возведеніе какого-нибудь обычая въ достоинство индоевропейскаго обычая ни на іоту не двигаетъ впередъ нашего знанія. Это только фигуральное выраженіе того факта, что данный обычай мы находимъ у многихъ индоевропейскихъ народовъ. Наше пониманіе обычая остается все на той же примитивной ступени, на которой было и раньше. А изслѣдованіе обычая въ его исторической обстановкѣ и сравненіе аналогичныхъ обычаевъ (тоже предварительно обслѣдованныхъ) другихъ индоевропейскихъ народовъ, дастъ намъ не только выводы относительно принадлежности обычая къ праиндоевропейской старинѣ, но и прочныя историческія точки опоры для объясненія возникновенія и развитія этого обычая. Наконецъ задача наша усложняется еще и тѣмъ, что мы должны здѣсь болѣе, чѣмъ въ сравнительномъ языкознаніи, считаться съ возможностью заимствованія обычая у другого народа. Здѣсь не лишнимъ будетъ обратить вниманіе на существенную разницу между результатами, добытыми сравнительнымъ языкознаніемъ и результатами изслѣдованія индоевропейской культуры. При помощи сравнительнаго языкознанія мы научились возстановлять праязычныя формы, совершенно отличныя отъ исторически засвидѣтельствованныхъ формъ отдѣльныхъ языковъ. Между тѣмъ мы не имѣемъ до сихъ поръ ничего въ области изслѣдованій индоевропейской культуры, что можно было-бы сравнить съ вышеупомянутыми выводами языкознанія. Мы просто переносимъ на индоевропейцевъ нѣкоторыя историческія черты, — ступень, на которой находилось и языкознаніе. Этотъ фактъ по моему сильнѣе всего свидѣтельствуетъ о недостаточности сравнительно-исторической разработки обычаевъ индоевропейскихъ народовъ. Всѣ эти соображенія заставляютъ насъ признать, что въ настоящее время мы пожалуй не можемъ и мечтать о рисовавшейся прежде нашему воображенію картинѣ, а должны всѣ свои силы направить на изученіе обычаевъ отдѣльныхъ индоевропейскихъ народовъ. Это положеніе не ново. Его высказалъ напр. Шра-

деръ, въ упомянутой уже книгѣ. Но высказывается это тамъ нѣсколько иначе и при томъ такъ, что по моему мнѣнію все значеніе этого положенія теряется. На стр. 351 Шрадеръ говоритъ: «Мы будемъ... исходить изъ результатовъ сравнительнаго языкознанія... Но такимъ образомъ мы исполнили только половину нашей задачи. Прежде всего вопросъ будетъ заключаться въ томъ, чтобы въ историческомъ преданіи индоевропейцевъ найти остатки первобытной жизни, на которые указываютъ факты языка. Къ сравнительному языкознанію при изслѣдованіи праиндоевропейской исторіи должно присоединиться сравнительное изученіе старины» (*vergleichende Alterthumskunde*). Здѣсь, слѣдовательно, за языкознаніемъ признается руководящая роль, которой оно по моему никогда не можетъ имѣть. Это, конечно, не лишаетъ его того значенія, которое оно должно имѣть въ ряду другихъ фактовъ, но мы не можемъ предпочитать факты языкознанія другимъ прямымъ свидѣтельствамъ.

Я сдѣлалъ это небольшое введеніе для того, чтобы выяснитъ ту точку зрѣнія, съ которой долженъ оцѣнивать изслѣдователь индоевропейской культуры памятники отдѣльныхъ народовъ, служащіе источниками нашихъ свѣдѣній объ индоевропейской культурѣ. Съ этой именно точки зрѣнія мы и будемъ оцѣнивать одинъ изъ важныхъ источниковъ древне-индійской культуры, именно грихья-сутры, т. е. правила домашнего ритуала. Совершенно понятно, что мы должны прежде всего обратить вниманіе на условія, среди которыхъ сложился этотъ разрядъ памятниковъ. Грихья-сутры относятся къ тому періоду древне-индійской жизни, который обыкновенно называется періодомъ сутръ. Онъ характеризуется появленіемъ сборниковъ краткихъ правилъ (*sūtra* и значитъ «нить, правило»), касающихся всѣхъ сторонъ индійской частной религіозной и общественной жизни. Сборники эти представляютъ своды по возможности всего того, что было выработано предшествующей культурой. Составлены были они учеными по тому времени брахманами. Это обстоятельство оказало довольно сильное вліяніе на наши памятники. Въ этой частѣ жрецовъ сосредоточивалась вся тогдашняя наука, въ ней же развилась довольно рано религіозная философія, философія жертвы. Эта философія оказывала сильное вліяніе на религію индусовъ, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ она дошла до насъ. Мы конечно не можемъ сомнѣваться, что существовали кромѣ того и другія религіозныя теченія, живѣе сохранившія старыя преданія, но вообще вліяніе брахманства несомнѣнно. Само оно дѣлилось на множество различныхъ толковъ, но это дѣленіе не основывалось на какихъ-нибудь коренныхъ различіяхъ, а ограничивалось только разницей въ мелочахъ обрядовой стороны религіи. Однимъ

словомъ брахманство очевидно перерабатывало старинные предметы религіи по своимъ философско-религіознымъ воззрѣніямъ. Прimitивная брахманская философія конечно не могла достигнуть полной независимости отъ стариннаго преданія, которое и давало матеріалъ для ихъ размышлений. Такимъ образомъ она старается разъяснить преданіе, придать тотъ или другой смыслъ обряду. Конечно о систематическомъ объясненіи всѣхъ обрядовъ не можетъ быть и рѣчи; но несомнѣнно, мнѣ кажется, работа мысли сказывалась также и въ томъ, что нѣкоторые обряды отвергались, если казались несоотвѣтствующими, противорѣчащими какому-нибудь положенію. Попытки эти вообще рѣдки и робки, въ особенности въ самый древній періодъ, но такіе факты, какъ появленіе буддизма, джайнизма и другихъ противныхъ брахманству сектъ, дошедшихъ до отрицанія древнихъ божествъ свидѣтельствуютъ о развитіи этого духа критики и отрицанія. Такого направленія дѣятельности брахмановъ въ философско-религіозной области. Въ области жизни общественной вліяніе ихъ сказывалось въ дружномъ отстаиваніи своего первенства между всѣми другими кастами и въ неустанномъ и беззащитчивомъ выставленіи себя на первый планъ, требованіи себѣ всевозможныхъ даровъ и приношеній. Во всемъ видны слѣды той мирной борьбы, которую вели брахманы противъ другихъ кастъ. Они сознательно стремились къ захвату въ свои руки всей религіозной области, которая тогда сплеталась многочисленными нитями со всѣми другими сферами жизни. Брахманы проповѣдовали, что они нужны вездѣ, что безъ нихъ не можетъ обойтись никто, такъ какъ они одни—хранители всѣхъ знаній вообще, и въ особенности знанія, какъ нужно приносить жертву, безъ которой не обходился ни одинъ даже самый обыденный случай жизни. Такимъ образомъ главный пунктъ, на который направлялась ихъ атака, была жертва: завоевавши этотъ пунктъ легко можно было управлять и главенствовать во всѣхъ другихъ сферахъ. О сознательности такихъ завоевательныхъ стремленій свидѣтельствуетъ напр. тотъ фактъ, что брахманы дѣйствовали дружно, и если одинъ брахманъ почему-либо отказывался совершить жертвоприношеніе для индуса, то ни одинъ другой брахманъ уже не соглашался совершать для него жертвоприношенія. Конечно не честолюбіе было главнымъ двигателемъ этихъ завоевательныхъ стремленій: мы имѣемъ множество неопровержимыхъ доказательствъ того, что такимъ двигателемъ было корыстолюбіе. Уже въ Ригъ-ведѣ мы находимъ насмѣшки надъ брахманами, которые подобно плотникамъ, ищущимъ, не прогнилъ-ли гдѣ-нибудь домъ, высматриваютъ, не найдется-ли кто, кому нужно было-бы совершить торжественное жертвоприношеніе. И во всѣхъ дошедшихъ до насъ памятникахъ мы находимъ прославленіе особенно щедрыхъ къ брахманамъ лицъ, а

описанія жертвенныхъ ритуаловъ никогда не забываютъ прибавить, что долженъ получить за такую то жертву брахманъ, при чемъ обыкновенно предупредительно разрѣшается давать и больше. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, очевидно имѣющихъ въ виду менѣе богатыхъ жертвователей, разрѣшается давать и меньше, но давать все-таки необходимо. Я остановился на этой характерной чертѣ брахманства потому, что она особенно рѣзко сказывается въ грихья-сутрахъ, и имѣетъ для насъ значеніе при критикѣ тѣхъ свѣдѣній, которыя мы получаемъ изъ этого памятника. Первое, что подпало подъ власть брахманства, были наиболѣе торжественныя жертвоприношенія, а именно жертвоприношеніе сомою, которое такъ прославлено въ Ригъ-ведѣ. Завоеванія свои брахманы распространяли захватывая въ свои руки прежде всего руководство въ подобныхъ торжествахъ. Изъ случаевъ частной жизни отдѣльнаго человѣка, какъ кажется, прежде всего стали соединяться съ жертвоприношеніемъ сомою—свадьба и погребеніе (см. Oldenberg, Sacred Books of the East. vol. XXX introd. стр. X). Такимъ образомъ брахманы уже проникли въ частную жизнь. При дальнѣйшихъ ихъ захватахъ труднѣе всего давалась имъ въ руки повседневная жизнь человѣка. Здѣсь они болѣе всего были связаны преданіями, переходившими по наслѣдству отъ родителей къ дѣтямъ. Бороться съ ними имъ было не подъ силу, и они ограничивались только тѣмъ, что стремились, и иногда съ успѣхомъ, присвоить себѣ то или другое мѣсто въ этомъ домашнемъ ритуалѣ. Въ грихья-сутрахъ мы часто встрѣчаемъ заявленія, что для такого-то обряда долженъ быть приглашенъ брахманъ, но ему предписывается только слѣдить за правильностью совершенія обряда и получить за это подарокъ. Въ такихъ случаяхъ совершенно ясно, что мы имѣемъ дѣло съ насильственнымъ захватомъ брахманами того мѣста, которое прежде принадлежало главѣ семьи; это тѣмъ болѣе ясно, что сами брахманы признавали существованіе различій между обычаями различныхъ родовъ, слѣдовательно ихъ руководство есть только довольно прозрачная придирка къ случаю. Грихья-сутры, обыкновенно предписываютъ угощеніе брахмановъ, смотря по средствамъ домохозяина, послѣ всякаго обряда домашнего культа (Gobh. I, 1, 6); между тѣмъ мы знаемъ, что большинство домашнихъ обрядовъ совершалъ хозяинъ дома самъ. Такое же вторженіе брахмановъ мы видимъ въ слѣдующемъ предписаніи грихья-сутры, приписываемой ученому Āpastamb'ya: «Женихъ долженъ послать нѣсколькихъ друзей (для сватовства), знающихъ веды», т. е., конечно, брахмановъ. Комментаторы этого правила прибавляютъ, что за неимѣніемъ брахмановъ, можно посылать и другихъ друзей—не брахмановъ (см. Āp. 4, 1, и Winternitz Das Altindische Hochzeitsrituell S. 21, 39). Вообще для насъ огромную важ-

ность имѣютъ такіа уступки, какъ напримѣръ только что упомянутая. Какое значеніе имѣетъ въ такомъ случаѣ предписаніе сутры, если разрѣшается въ концѣ концовъ поступать, какъ хочешь? Это опять таки одинъ изъ обыкновенныхъ пріемовъ брать подѣ свое покровительство совершеніе обряда. И такъ во всемъ: на все брахманъ хочетъ наложить свою руку. Но домашній ритуаль оказываетъ имъ довольно сильное сопротивленіе именно въ силу своего частнаго характера, въ силу того, что этотъ ритуаль былъ неразрывно связанъ съ преданіями даннаго рода, куда брахманъ не могъ ворваться уже потому, что онъ не принадлежалъ къ этому роду. Поэтому здѣсь онъ ограничивался только ролью ассистента и старался по мѣрѣ силъ подѣ тѣмъ или инымъ предлогомъ урвать свою долю. Къ такимъ неразрывно съ родомъ связаннымъ обрядамъ домашняго культа относилось и почитаніе предковъ. Брахманъ не могъ совершать этихъ обрядовъ, потому что не принадлежалъ къ роду, не былъ потомкомъ тѣхъ лицъ, кому приносилась жертва; но, не будучи потомкомъ, онъ ухитрился изображать самихъ предковъ. Между обрядами культа предковъ мы находимъ обрядъ, называемый *egāddha*, въ которомъ предкамъ приносятъ въ жертву пищу; но здѣсь въ качествѣ предковъ фигурируютъ брахманы, которые и сѣдуютъ приносимую пищу. Слѣдовательно, и здѣсь брахманъ появляется въ видѣ позднѣйшаго украшенія обряда. Ольденбергъ въ уже цитированномъ выше введеніи къ своему переводу грихья-сутръ (стр. XXI) предполагаетъ, что многіе обряды, изложенные въ грихья-сутрахъ, были, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ они дошли до насъ, первоначально совершаемы только въ томъ случаѣ, если совершающій ихъ надѣялся такимъ путемъ достигъ какихъ нибудь особенныхъ преимуществъ. Предположеніе это очень вѣроятно для нѣкоторыхъ обрядовъ. Въ грихья-сутрахъ мы дѣйствительно встрѣчаемъ отдѣлы, гдѣ говорится о жертвахъ, соединенныхъ съ особыми желаніями, и эти жертвы легче всего было взять подѣ свое покровительство брахманамъ. Въ виду всего того, что было раньше сказано о дѣятельности брахмановъ, мнѣ кажется, что мнѣніе Ольденберга нужно измѣнить слѣдующимъ образомъ: не совершающій жертву надѣялся получить особенныя выгоды отъ даннаго способа принесенія жертвы, а брахманы распространяли ту мысль, что они знаютъ особенно благодѣтельные способы принесенія жертвы. Очень вѣроятно, что именно такимъ путемъ удалось брахманамъ отвоевать нѣкоторыя области домашняго культа.

И такъ при разборѣ данныхъ, добытыхъ изъ грихья-сутръ, мы всегда должны отдѣлять позднѣйшее—брахманское отъ стараго, перешедшаго по преданію. Конечно самое брахманство, его раздробленіе на разнообразныя школы и взаимное отношеніе школъ между собою—все это можетъ составлять

предметъ изслѣдованія, но для изслѣдованія индоевропейской бытовой культуры вопросы эти интересны постольку, поскольку они научаютъ его отдѣлять старое отъ новаго, т. е. раскрываютъ древнѣйшую доступную намъ исторію обряда на индійской почвѣ. Такимъ образомъ для такого изслѣдователя наиболѣе цѣнными оказываются именно тѣ памятники, гдѣ старое сохраняется въ наибольшей чистотѣ и гдѣ его легче всего отдѣлить отъ новаго. Мы видѣли, что грихья-сутры и въ томъ и въ другомъ отношеніи представляютъ большія преимущества передъ другими памятниками. Относительно того, что онѣ сохранили въ себѣ очень древнія преданія, мы имѣемъ, какъ мнѣ кажется, даже прямое указаніе. Грихья-сутра *Āpastamb'ya* въ одномъ мѣстѣ говоритъ: «обычаямъ нужно научиться отъ женщинъ» (Ар. 2,15). (Здѣсь говорится специально о свадебныхъ обычаяхъ; но то же примѣнимо и ко многимъ другимъ отдѣламъ грихья-сутръ). Понимать это нужно въ томъ смыслѣ, что тѣ обычаи, для которыхъ нѣтъ особыхъ предписаній въ сутрахъ, остаются въ полномъ распоряженіи самихъ совершающихъ обрядъ. Главными же носителями преданій являются женщины, и потому брахманъ совѣтуетъ учиться обычаямъ у нихъ. Но несомнѣнно, что и сами брахманы, предписывавшіе извѣстные обряды, учились имъ у женщинъ: иначе они не давали бы такой рекомендаціи. И въ этомъ я вижу несомнѣнное доказательство того, что брахманство сохранило домашніе обряды въ наибольшей чистотѣ: оно само признало здѣсь своимъ источникомъ преданіе.

Теперь мы перейдемъ къ вопросу, каковъ именно фактический матеріалъ даютъ грихья-сутры. Для этого намъ нужно сдѣлать краткій обзоръ ихъ содержанія. Грихья-сутры дошли до насъ въ различныхъ редакціяхъ, принадлежащихъ различнымъ брахманскимъ школамъ. Но не смотря на это ихъ содержаніе во всѣхъ редакціяхъ одно и то же. Конечно существуетъ различіе въ большей или меньшей подробности описанія обрядовъ, въ тѣхъ или другихъ мелочахъ, которыя быть можетъ основывались на разнообразіи мѣстныхъ обычаевъ, наконецъ главнымъ образомъ въ порядкѣ распредѣленія матеріала. Но все это нисколько не нарушаетъ тождественности ихъ содержанія, обусловленной главнымъ образомъ всеобщимъ распространеніемъ однихъ и тѣхъ же обычаевъ. Даже порядокъ изложенія, при многочисленныхъ отклоненіяхъ, остается всетаки въ существѣ тѣмъ же: обыкновенно описываются обряды въ томъ порядкѣ, въ какомъ они должны располагаться въ жизни самостоятельнаго домохозяина. Разница заключается только въ томъ, что одна редакція принимаетъ одну, другая другую исходную точку въ жизни человѣка. Такъ однѣ сутры начинаютъ изложеніе со свадьбы, другія—со времени обученія мальчика. Въ зависимости отъ этого части переставляются конечно, но по-

рядовъ ихъ въ сущности не нарушается. Для того чтобы дать представление о содержаніи грихья-сутрѣ, рассмотримъ подробнѣе содержаніе одной изъ нихъ, именно приписываемой брахману Gobhila и принадлежавшей къ школѣ Sāma-веды.

Сутра начинается съ самыхъ общихъ опредѣленій о томъ, когда можно совершать домашніе обряды, т. е. какіе дни и мѣсяцы считаются благопріятными для этого, какъ долженъ держать себя совершающій обрядъ. Всякій домашній обрядъ соединенъ съ опредѣленнымъ даромъ брахманамъ и за нимъ слѣдуетъ угощеніе брахмановъ. Такъ какъ всѣ домашніе обряды соединены съ жертвой, для которой необходимъ домашній огонь, то за этими общими предписаніями слѣдуетъ описаніе обряда разложенія огня. Его разводитъ человекъ, окончившій ученіе, когда онъ собирается вступить въ бракъ. На этомъ домашнемъ огнѣ совершаетъ домохозяинъ свои ежедневныя утреннія и вечернія жертвы. Жертвы эти состоятъ въ приношеніи приготовленной или не приготовленной пищи въ даръ вечеромъ — огню, а утромъ — солнцу. Ихъ могла совершать и жена домохозяина. Послѣ принесенія этихъ жертвъ, жена говоритъ, что їда готова, и домохозяинъ молча совершаетъ приношенія различнымъ низшимъ божествамъ, которымъ предписываетъ давать часть отъ всякой пищи, даже специально приготовленной для приношенія предкамъ. Далѣе къ такимъ же постояннымъ жертвоприношеніямъ относятся и совершаемыя въ дни новолунія и полнолунія. Въ самый день новолунія и полнолунія хозяинъ и его жена должны поститься: иначе ихъ жертва не достигнетъ цѣли, они не будутъ любезны людямъ, и ихъ потомство будетъ становиться все хуже и хуже. Слѣдующую ночь они должны провести на голой землѣ цѣломудренно и не спать все время, а частью спать, частью проводить время въ чтеніи благочестивыхъ разсказовъ. Затѣмъ послѣ обычной утренней жертвы, но до полудня, приносится торжественная жертва, для которой приглашаются брахманы. Жертва готовится изъ растопленного масла, сезамоваго масла, кислаго молока и сладкаго молока или каши изъ зеренъ съ медомъ. Жертва приносится съ особую обстоятельностью и повторяется отъ двухъ до пяти разъ. То, что остается отъ жертвы, хозяинъ отдаетъ брахману. Про эту жертву говорятъ: «я буду доволенъ такъ, какъ будутъ довольны брахманы», и потому хозяинъ долженъ стараться хорошимъ угощеніемъ привлечь на свою сторону брахмановъ (Gobh. I, 9, 3 5). Кромѣ того за это жертвоприношеніе брахману полагается полная мѣра приготовленной или неготовленной пищи. Можно давать и больше, напр. итѣкй Судасъ сынъ Пиджавани далъ сто тысячъ мѣръ. Въ случаѣ, если хозяинъ не можетъ достать жертвенной пищи или необходимаго для жертвы брахмана, онъ можетъ совершить жертву и позд-

нѣе, хотя бы листьями травъ и деревьевъ, пригодныхъ для жертвы, а въ крайнемъ случаѣ даже одною водою.

Таковы постоянныя наиболѣ частыя жертвы, приносимыя самостоятельнымъ хозяиномъ. Затѣмъ описывается свадьба. Подходящую невѣсту выбираетъ человѣкъ, знающій это дѣло, по извѣстнымъ признакамъ; если же вопросъ не ясенъ, то она выбирается по жребію. Потомъ невѣсту ея близкій родственникъ моетъ, произнося соответствующія слова. Затѣмъ передъ домомъ на расчищенномъ мѣстѣ ставятъ домашній огонь. Невѣсту одѣваютъ въ новое платье, и тогда женихъ беретъ её за руки. Потомъ невѣста зернами совершаетъ жертвоприношеніе въ огонь, и женихъ обводитъ невѣсту вокругъ огня. Жертва и хожденіе вокругъ огня повторяются три раза. Послѣ этого невѣсту ведутъ въ дому почтеннаго брахмана. Тамъ её сажаютъ на разостланную красную воловью шкуру. Невѣста, сядя на ней, дожидается появленія звѣздъ. Женихъ приноситъ шестикратную жертву масломъ и показываетъ невѣстѣ (уже поднявшейся съ воловьей шкуры) полярную звѣзду, которая должна давать невѣстѣ своею неподвижностью примѣръ постоянства. Три дня послѣ этого женихъ и невѣста должны спать вмѣстѣ на землѣ, соблюдая цѣломудріе, и не ѣсть ничего соленого. Возвращеніе брачной пары домой сопровождается тоже особыми обрядами, при чемъ предусмотрѣны даже такіе мелкіе случаи, какъ поломка оси. Когда они возвращаются домой, то благочестивыя, имѣющія дѣтей, жены брахмановъ встрѣчаютъ молодую, сажаютъ её на воловью шкуру и даютъ ей на колѣна мальчика, держащаго цвѣтокъ лотоса. Послѣ того молодой приноситъ восьмикратную жертву масломъ, и молодая торжественно кланяется наиболѣ почетнымъ родственникамъ жениха.

Свадебные обряды индусовъ уже не разъ служили предметомъ изслѣдованія. Хаазъ, Веберъ, Винтерницъ и Шрёдеръ указывали на параллели въ обычаяхъ другихъ индоевропейскихъ народовъ. Повидимому нѣкоторые изъ описанныхъ обрядовъ восходятъ къ индоевропейской старинѣ. Таковы, по мнѣнію Винтерница, нѣкоторыя подробности сватовства, баня невѣсты, обычай брать невѣсту за руку, обведеніе ея вокругъ огня, сидѣніе ея на шкурѣ, забрасываніе зернами (о которомъ наша сутра не упоминаетъ), наконецъ, быть можетъ и обычай давать на руки невѣстѣ мальчика. Но вообще эти результаты нельзя считать вполне достаточными: требуется еще обследовать вопросъ о связи всѣхъ этихъ обычаевъ между собою, дабы выяснить ихъ генезисъ. Послѣ такого изслѣдованія, можно надѣяться число подобныхъ праиндоевропейскихъ обычаевъ значительно увеличится, и тогда быть можетъ разъяснится и связь отдѣльныхъ церемоній и первоначальная основа всего свадебнаго ритуала.

Даже сугра описываетъ обряды, совершаемые во время беременности жены домохозяина. На третьемъ мѣсяцѣ беременности совершается обрядъ, которому приписывается такая сила, что послѣ его совершенія долженъ родиться непременно мальчикъ. Для этого обряда въ сутрѣ дается даже два рецепта, отражающіе вѣроятно какіе-нибудь мѣстные различія въ обрядахъ. Понятна важность этого обряда, если припомнить, что пріобрѣтеніе сына поставляется даже въ обязанность каждому индусу. На четвертомъ, шестомъ или восьмомъ мѣсяцѣ беременности совершается обрядъ расчесыванія пробора; отзвукъ того же обычая быть можетъ сохранился въ распространенномъ у насъ обычаѣ расчесывать молодухѣ волосы на двѣ косы. Затѣмъ слѣдуютъ обряды, сопровождающіе рожденіе сына. Ему дается два имени, одно во время его появленія на свѣтъ: это имя остается никому неизвѣстнымъ, кромѣ родителей, а другое дается на десятый или сотый день или же черезъ годъ послѣ рожденія. Все это сопровождается жертвами въ честь соотвѣствующихъ божествъ. На третьемъ году жизни мальчика совершается обрядъ стрижки волосъ, для котораго приглашается цирюльникъ съ бритвою. Волосы обстригаются по обычаю даннаго рода и семьи; потомъ обстриженные волосы кладутъ на коровій навозъ и зарываютъ въ землю. Слѣдующее важное событіе въ жизни мальчика это отдача его въ обученіе брахману. Для мальчика изъ касты брахмановъ обученіе начинается съ восьмого года послѣ зачатія, для касты вайновъ—съ одиннадцатаго, а для касты мѣщанъ—съ двѣнадцатаго. Мальчику тщательно обстригаютъ голову, одѣваютъ въ новыя одежды. Брахманъ, его будущій учитель, даетъ своему ученику новое имя, беретъ его за руку и даетъ ему краткія наставленія объ его будущихъ обязанностяхъ. Ученика опоясываютъ поясомъ и даютъ ему деревянную палку. Онъ проситъ милостыни у своей матери и подругъ и остальную часть дня проводитъ стоя и въ молчаніи. Съ этого обряда начинается періодъ обученія. На шестнадцатомъ году совершается обрядъ бритья бороды совершенно такъ же, какъ и обрядъ стрижки волосъ. Обученіе бываетъ очень различно, смотря по желанію и положенію обучающагося. Оно можетъ длиться отъ одного года до двѣнадцати лѣтъ. По окончаніи этого срока ученикъ приноситъ почетный даръ своему учителю, выбираетъ съ его разрѣшенія себѣ будущую жену и тогда приступаетъ къ обряду, заканчивающему обученіе. Съ особенною торжественностью онъ развязываетъ поясъ, угощаетъ брахмановъ, ему стригутъ волосы на головѣ и на тѣлѣ, брѣютъ бороду, обрѣзаютъ ногти, и тогда онъ купается; поэтому человѣкъ, окончившій обученіе, называется «выкупавшійся»—*snataka*. Такому человѣку предписывается солидное поведеніе: онъ не долженъ бѣгать, даже если дождь идетъ; не долженъ ягать, смотрѣть въ колодезь, ѣсть разо-

грѣтую пищу и т. под. мелочи. Этимъ собственно и заканчивается жизненный кругъ индуса: мы опять приходимъ къ свадьбѣ, о которой было говорено выше. Но остаются еще нѣкоторые очень важные обряды, не имѣющіе такого постоянного характера и не такъ тѣсно связанные съ жизнью домохозяина. Тутъ идутъ и различныя предписанія въ родѣ того, какъ достигнуть благополучія въ воровьемъ хозяйствѣ, какую жертву нужно приносить, если занимаешь деньги, различныя жертвы въ случаяхъ особенныхъ желаній, выборъ мѣста для постройки дома и самая постройка его, пріемъ почетнаго гостя, жертвы при посѣвѣ и жатвѣ. Но тутъ же излагаются и особыя жертвы въ различные мѣсяца года, приносимыя различнымъ божествамъ, между которыми особенно важны приношенія душамъ предковъ.

Таково содержаніе грихья-сутрѣ. Уже изъ этого бѣлаго обзора его видно, каковъ богатый фактический матеріалъ даютъ они. Кроме того нужно указать еще и на то, что они даютъ много свѣдѣній и о матеріальной обстановкѣ индусовъ, чего конечно при пересказѣ содержанія нельзя было передать.

Итакъ наши выводы слѣдующіе: Богатыя фактическія данныя бытовой жизни древнихъ индусовъ сохранились въ грихья-сутра въ наибольшей полнотѣ и неприкосновенности. Вліяніе брахманства не могло затемнить первоначальнаго значенія домашнихъ обрядовъ, и потому изслѣдователю сутрѣ сравнительно легче отдѣлать старое отъ новаго и такимъ образомъ достигъ возможнаго выясненія исторіи обрядовъ и ихъ первоначальнаго смысла. Къ сожалѣнію, почти всѣ работы европейскихъ санскритистовъ имѣютъ характеръ только пересказа содержанія сутрѣ и индійскихъ комментаріевъ къ нимъ, и удѣляютъ слишкомъ мало мѣста изслѣдованію исторіи обрядовъ. Мнѣ кажется, что только этимъ путемъ, привлекая конечно и данныя этнологіи, мы можемъ надѣяться на выясненіе индоевропейской основы обрядовъ и ихъ значенія, которое часто уже не ясно самимъ совершающимъ эти обряды.

Д. Кудрявскій.

Декабрь, 1896 года.

Великорусскія фамиліи и ихъ происхожденіе.

Историко-этнографическій очеркъ.

Вопросъ о происхожденіи великорусскихъ фамилій до сихъ поръ еще не былъ затронутъ никѣмъ изъ нашихъ изслѣдователей, не смотря на то, что вопросъ этотъ въ историческомъ отношеніи представляетъ весьма значительный интересъ.

Въ силу этого мы и считаемъ лишнимъ съ своей стороны высказать здѣсь нѣсколько соображеній относительно происхожденія и характера нашихъ великорусскихъ фамилій.

Фамилія, какъ показываетъ это уже и самое значеніе этого слова (familia—семейство, фамилія, родъ) есть ничто иное, какъ прозвище цѣлаго рода, передающееся отъ родоначальника къ его потомкамъ. За неимѣніемъ подѣлю рукою достаточно историческихъ данныхъ мы не можемъ съ точностію опредѣлить, когда появился на Руси обычай называть человѣка кромѣ его личнаго имени или прозвища еще родовымъ прозвищемъ или фамиліей. Во всякомъ случаѣ въ XII вѣкѣ обычая этого, повидимому, еще не было. Лѣтописи, упоминая о различныхъ русскихъ князьяхъ, называютъ этихъ князей только по имени и отчеству, для отличія же ихъ другъ отъ друга упоминаютъ нерѣдко объ имени дѣда даннаго князя или о мѣстѣ его княженія. «Въ лѣто 6693 Святославичъ Игорьъ, внукъ Олговъ, поѣха изъ Новгорода, мѣсяца апрѣля въ 23 день» ¹⁾, читаемъ мы въ лѣтописномъ сказаніи о «полку Игоревѣ».

Обычай присоединять къ личному имени или прозвищу извѣстнаго человѣка еще и родовое его прозвище, какъ намъ кажется, стоитъ въ тѣсной связи съ существовавшимъ на Руси обычаемъ именовать лицо двумя именами, языческимъ и христіанскимъ вмѣстѣ. Въ древней Руси обычай этотъ почти не встрѣчается: народное или языческое имя стоитъ постоянно отдѣльно ²⁾.

¹⁾ Полное собраніе русскихъ лѣтописей, т. II, 129—134 стр.

²⁾ «Замѣтки о собственныхъ именахъ въ великорусскихъ былинахъ» А. И. Соболевскаго, «Живая Старина», 1890 г., вып. II, стр. 99.

Съ XV в. князья и бояре начинают именоваться двумя именами, христіанскимъ и языческимъ вмѣстѣ; эти языческія имена и переходятъ затѣмъ въ фамиліи (Даніиль Щена — Щенятевы и т. д.), какъ мы увидимъ ниже.

Съ XVI в. употребленіе фамилій между высшими классами общества уже широко распространено; мы говоримъ: «между высними», такъ какъ низшіе классы и даже средніе до самыхъ позднѣйшихъ временъ фамилій почти никогда не употребляли, а если и употребляли, то очень рѣдко, называясь въ дѣловыхъ бумагахъ только по имени, рѣже по имени и отчеству ¹⁾. Даже и въ настоящее время среди крестьянъ нерѣдко можно встрѣтить не имѣющихъ фамилій, а подписывающихся въ дѣловыхъ бумагахъ и письменныхъ сношеніяхъ только именемъ и отчествомъ. Последнее нерѣдко переходитъ затѣмъ въ фамиліи: Павелъ Ивановъ, Петръ Михайловъ. Въ средѣ духовенства до половины нынѣшняго столѣтія было въ обычаѣ писаться только однимъ именемъ безъ отчества напр., попъ Михаилъ, іерей Василій, старецъ Евфремъ, а до второй половины XVII в. иногда и уменьшительнымъ: пономарь Матвѣйко, попъ Иванко и т. д. (преимущественно въ челобитныхъ и т. п. просительныхъ бумагахъ) ²⁾. Неимѣніе духовенствомъ фамилій и послужило поводомъ къ обычаю каждому мальчику, поступающему въ духовное училище или семинарію, давать вновь фамилію, обычаю существовавшему до половины текущаго столѣтія и въ настоящее время искоренившемуся вполне, вслѣдствіе законодательныхъ распоряженій. Все великорусское духовенство въ послѣднее время имѣетъ свои фамиліи, переходящія затѣмъ, согласно закону, въ родъ — отъ отца къ сыну.

Фамиліи среди служилого сословія, точно также, какъ и фамиліи среди «высшихъ классовъ», т. е. бояръ, дворянъ и имевитыхъ купцовъ встрѣчаются еще въ XVII в.: «Андрей Челяпъ, Иванъ Пѣнкинъ, дьякъ Анисимъ Невѣжинъ, подъячій Александръ Ершовъ» ³⁾, читаемъ мы въ скръпкахъ официальныхъ бумагъ XVII столѣтія.

За послѣднее время, благодаря существующимъ узаконеніямъ, вслѣдствіе развитія грамотности въ народѣ, вслѣдствіе всесословной воинской повинности, а также вслѣдствіе развитія въ народѣ письменныхъ дѣловыхъ сношеній, число «безфамильныхъ» даже среди крестьянъ все болѣе и болѣе уменьшается. Прой-

---

¹⁾ Обычай называть лица низшихъ сословій въ дѣловыхъ бумагахъ только однимъ именемъ исчезаетъ уже во второй половинѣ XVIII вѣка, какъ это видно изъ писцовыхъ книгъ и т. п. документовъ этого времени.

²⁾ Обычай этотъ исчезаетъ во второй половинѣ XVII в.

³⁾ Грамота преосвященнаго Іоны митрополита Ростовскаго, Исаковой пустыни. Грамота царя Алексѣя Михайловича 7171 г. и др. «Пошехонская Исакова пустынь, Ярославской епархіи, Ярославль 1877.

дѣтъ еще нѣсколько десятковъ лѣтъ и лицо, не имѣющее фамиліи, будетъ рѣдкостью.

Такова въ общихъ чертахъ исторія великорусскихъ фамилій, какъ прозвищъ.

Отноительно происхожденія этихъ фамилій можно привести слѣдующія соображенія:

1. Нѣкоторыя великорусскія фамиліи происходятъ отъ мѣста жительства родоначальника означенной фамиліи. Дѣдъ пишущаго настоящіе строки по мѣсту своего рожденія с. Семеновскаго, Пошехонскаго уѣзда, Ярославской губерніи носилъ фамилію Семеновскій. Въ настоящее время намъ извѣстенъ одинъ о. діаконъ Пошехонскаго уѣзда, не имѣвшій ранѣе фамиліи и принявшій затѣмъ фамилію Георгіевскій, по мѣсту своего рожденія (с. Егорій въ Яловцѣ или Давыдовское чтѣ въ Яловцѣ). Такимъ образомъ можетъ быть объяснено происхожденіе фамилій: Шуйскій, Ростовскій, Бѣлосельскій, Черкасскій, Пошехоновъ, Ярославскій, Давыдовскій, Патраболовъ (Патраболъ с. въ Пош. у., Ярославской губерніи), Волоцкой, Туношенскій (с. Туношна, Ярославской губ.) и т. д. ¹⁾ Нѣкоторые изъ такихъ фамилій представляютъ изъ себя видоизмѣненное наименованіе городовъ, селъ и деревень, служившихъ мѣстомъ рожденія родоначальниковъ означенныхъ фамилій или мѣстомъ ихъ жительства, таковы напр. фамиліи, упомянутыя нами выше. Другія фамиліи произошли отъ наименованія различныхъ областей, земель и т. д. откуда вышли родоначальники этихъ фамилій, таковы напр. фамиліи Волинскихъ, Ухтомскихъ, Ордынскихъ и т. д. Къ слову нелишнимъ считаемъ замѣтить, что не всегда подобнаго рода фамиліи указываютъ на мѣсто рожденія или жительства родоначальника фамиліи: нерѣдко они указываютъ только на то, что родоначальникъ этотъ владѣлъ только извѣстнымъ селомъ, городомъ или деревней, давшей затѣмъ ему фамилію.

2. Множество фамилій произошло также отъ отчества, имени или прозвища одного изъ родоначальниковъ извѣстной фамиліи. Таковы общераспространенныя фамиліи Андреевыхъ, Андроновыхъ, Антоновыхъ, Арсеньевыхъ, Аванасьевыхъ, Александровыхъ, Борисовыхъ, Максимовыхъ, Николаевыхъ и т. д. Превращеніе отчества родоначальника въ фамилію рода намъ приходилось наблюдать и въ недавнее время нѣсколько разъ среди нашего купечества, духовенства, а также среди крестьянъ и мѣщанъ. Въ с. Давыдов-

---

¹⁾ Мы беремъ для примѣра фамиліи только дѣйствительно существующія, но отнюдь не вымышленныя. Фамиліи мы беремъ изъ адресъ-календарей, газетъ, списковъ гласныхъ, присяжныхъ засѣдателей и т. п. источниковъ, очень, прибавимъ, немногочисленныхъ.

скомъ въ Яловцѣ, Пошехонскаго уѣзда, Ярославской губ. намъ извѣстенъ безфамильный крестьянинъ, принявшій на себя по своему отчеству фамилію Евгеньевъ, дѣти и внуки этого крестьянина носятъ въ настоящее время уже фамилію Евгеньевыхъ. Въ г. Пошехонѣ купецъ Григорій Ѳеодоровичъ положилъ начало фамиліи Ѳеодоровыхъ, крестьянинъ д. Ежова, Давыдовской волости, Ѳеодоръ Васильевъ положилъ начало фамиліи Васильевыхъ. Такихъ примѣровъ можно привести безчисленное множество.

Безъ сомнѣнія весьма многія изъ нашихъ старинныхъ фамилій получили свое начало подобнымъ же образомъ отъ отчества родоначальника извѣстной фамиліи.

Такъ какъ въ обществѣ очень часто встрѣчались лица, имѣвшія одинаковое имя, то для отличія ихъ другъ отъ друга въ житейскихъ и официальныхъ документахъ, какъ мы уже видѣли и выше ¹⁾, стало необходимымъ упоминать объ имени отца или даже дѣда данныхъ лицъ. «Михайло Губа Микулинъ сынъ, Иванъ Жиха Власьевъ сынъ, Гурей Малюта Фомина сынъ, Кошкинъ; Шарапъ Васильевъ сынъ», читаемъ мы въ актахъ Ѳеодотова-Чеховскаго ²⁾.

Какъ въ нынѣшнее время, такъ и въ старину имя отца родоначальника могло переходить въ прозвища, а затѣмъ и въ фамилію. Михайло Микулинъ сынъ могъ называться просто Михайло Микулинъ ³⁾ и это отчество Микулинъ въ качествѣ прозвища переходило уже затѣмъ на дѣтей этого Михайлы. Такимъ образомъ возникала фамилія Микулинъ. Такъ какъ въ XVI—XVII вв. было въ обычаѣ у высшихъ классовъ писать свое отчество на «вичѣ», то неудивительно и происхожденіе великорусскихъ фамилій съ подобнымъ окончаніемъ. Такія фамиліи въ Великороссіи встрѣчаются впрочемъ довольно рѣдко, за то въ юго-западной Россіи они обычное явленіе ⁴⁾. При этомъ, съ своей стороны мы считаемъ нужнымъ замѣтить, что съ теченіемъ времени въ нашемъ дѣлопроизводствѣ официальномъ прежнее прибавленіе къ имени лица «сынъ такой то» стало относиться уже не къ отчеству этого лица, а къ его фамиліи. «Сказка объ Ершѣ Ершовичѣ, сынѣ Щетинниковѣ», «Иванъ Васильевъ, сынъ Квасоваровъ» ⁵⁾, «Петръ Ѳеодоровъ, сынъ Масловъ».

---

¹⁾ Полное собраніе русскихъ лѣтописей, т. II, 129—134 стр.

²⁾ Акты Ѳеодотова-Чеховскаго, I, 70 и далѣе.

³⁾ Въ обиходной жизни у крестьянъ отчество и употребляется, какъ родовое прозвище: «Вавиличъ», называютъ обыкновенно дѣтей Вавилы. Жена носитъ прозвище по имени мужа: Степаныха, Вавилиха (жена Степана, Вавилы) или же по его фамиліи Шалаыха (Шалаева), Громыха (Громова).

⁴⁾ Таковы напр. фамиліи Мамоничей и нѣк. другія.

⁵⁾ «Житіе и страданіе преподобномученика Адріана игумена Пошехонскаго».

Очень многія изъ великорусскихъ фамилій произошли и отъ языческихъ, нехристіанскихъ именъ, носимыхъ въ старину родоначальниками этихъ фамилій, или же отъ прозвищъ этихъ родоначальниковъ.

Относительно нехристіанскихъ именъ, употреблявшихся въ Россіи, мы считаемъ нужнымъ замѣтить слѣдующее:

Въ первое время послѣ принатія на Руси христіанства языческія имена вполне замѣняли собою христіанскія, отодвигая послѣднія на задній планъ. Такъ намъ извѣстенъ Чеголь (щеголь)—писецъ словъ Григорія Богослова въ XI в., Воронъ—писецъ житія Саввы Освященнаго XIII—XIV в. Документы XV—XVII в., особенно московскіе имѣютъ подобныя имена въ большомъ количествѣ. Въ нихъ упоминаются Баринъ Филиповъ, Горностай Гавриловичъ, Заяцъ Захарыинъ, Овца Владиміровъ, Паукъ Ивановъ, Волкъ Курицынъ. XVI и XVII вв. были у насъ временемъ сильнаго распространенія этихъ именъ. Въ это время языческія имена стали употребляться наряду съ христіанскими и принимать нѣрѣдко характеръ прозвищъ. Въ прошломъ вѣкѣ нехристіанскія имена встрѣчаются уже довольно рѣдко, хотя и въ текущемъ столѣтіи встрѣчались и встрѣчаются среди нашего народа имена языческія (укажемъ напр. на такія имена, какъ Любимъ, Гордѣй, Маргарита и т. п.).

Съ полнѣйшею вѣроятностію можно предположить, что значительная часть языческихъ, некалендарныхъ именъ въ XV—XVI в. давалась какъ прозвище ребенку при самомъ его рожденіи, вслѣдствіе тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ, бывшихъ при его рожденіи. Такъ какъ обстоятельства при рожденіи ребенка бываютъ довольно ordinарны, то и языческія имена этого ряда наиболѣе употребительныя имена. Таковы имена: Бажень (желанный), Жданъ (жданный), Нежданъ (нежданный), Ночай (нечаянный), Первый, Второй, Третьякъ, Четвертый, Пятый, Шестой (очевидно, который ребенокъ въ семьѣ), Меньшой, Суббота и т. п. Сопровождалось ли нареченіе этого имени-прозвища ребенку какими-нибудь обрядами или же нѣтъ, мы не можемъ до сихъ поръ сказать по этому поводу ничего положительнаго.

Нѣкоторые нехристіанскія имена могли даваться ребенку уже послѣ его рожденія, а иногда и взрослому человѣку. Имена эти обозначаютъ характеръ или занятія человѣка или тому подобныя обстоятельства. Таковы имена Безсонъ, Молчанъ, Утѣшъ, Быкъ и др. въ этомъ родѣ. Всѣ эти имена-про-

---

Яросл., 1877 г. Это произошло отъ безграмотной постановки знаковъ препинанія. Первоначально писалось: «Иванъ Васильевъ сынъ, Квасоваровъ», затѣмъ: «Иванъ Васильевъ сынъ Квасоваровъ», а потомъ уже: «Иванъ Васильевъ, сынъ Квасоваровъ».

звѣща, если были мѣтки, не только удерживались за человѣкомъ, но даже и совершенно замѣняли его христіанское имя. Въ нашихъ деревняхъ и глухихъ уѣздныхъ городахъ встрѣчаются и нынѣ лица, извѣстныя подъ именемъ Мокрицы, Кипариса, Моржухи, Махалы и т. п. Иногда бываетъ, что весь уѣздный городъ знаетъ какого нибудь Махалу, но христіанское его имя иногда знаютъ въ городѣ не болѣе двухъ трехъ человѣкъ. Точно то же самое, конечно только въ большемъ размѣрѣ, могло быть и въ прежнее время. Такія прозвища въ то время попадали даже и въ официальные документы: формы стариннаго дѣлопроизводства не соотвѣтствовали нынѣшнимъ по своей строгости и точности. Въ старинныхъ писцовыхъ книгахъ можно встрѣтить иногда сполна имя, отчество и прозвище лица, иногда только прозвище, а иногда наконѣцъ только имя лица.

Очень можетъ быть, что многія некалендарныя имена могли даваться въ XVІІ—XVІІІ в. вмѣсто христіанскихъ именъ самими священниками по невѣжеству этихъ священниковъ. Припомнимъ, что даже въ первой половинѣ текущаго столѣтія понадобились неоднократные указы Св. Синода о томъ, чтобы приходскіе священники давали имена дѣтямъ только тѣ, какія находятся въ святцахъ. Доселѣ напр. довольно распространено имя Маргариты, имя некалендарное, несуществующее въ церковныхъ святцахъ. Очевидно, что нареченіе священниками языческихъ именъ вмѣсто христіанскихъ еъ прежнее время было явленіемъ довольно обычнымъ.

Такъ какъ употребленіе некалендарныхъ именъ въ прежнее время было весьма распространено, то неудивительно, что многія изъ такихъ некалендарныхъ именъ, носимыхъ родоначальниками фамилій, дали затѣмъ начало этимъ фамиліямъ. Можно съ полною увѣренностію сказать, что половина извѣстныхъ намъ некалендарныхъ именъ XVІ—XVІІ в. легла въ основу различныхъ великорусскихъ фамилій.

Для примѣра укажемъ только на извѣстныя намъ языческія имена XVІ в., давшія начало различнымъ великорусскимъ фамиліямъ ¹⁾:

Адашъ (Адашевъ), т. е. сынъ Адаша,	Бажень (Баженовъ), Барсукъ (Барсуковъ),	Безобразъ (Безобра- зовъ),
Алмазь (Алмазовъ),	Басманъ (Басмановъ),	Безсонъ (Безсоновъ),
Асанъ (Асановъ),	Бахтіаръ (Бахтіаровъ),	Бѣлій (Бѣляевъ),

¹⁾ Писна эти мы выбрали изъ списковъ языческихъ некалендарныхъ именъ въ XVІ в., напечатанныхъ въ Этногр. Обзор. за 1893 г. № 1 и 3. Фамиліи, происшедшія отъ этихъ именъ, можно найти въ адресъ-календарѣ Ярославской губ. за 1889 г. Большинство же этихъ фамилій встрѣчается повсемѣстно въ великорусскихъ губерніяхъ.

Багоръ (Багровъ),
 Богатырь (Богаты-
 ревъ),
 Булатъ (Булатовъ),
 Булгакъ (Булгаковъ),
 Бурнашъ (Бурнашевъ),
 Бухара (Бухаринъ),
 Безстужъ (Безстужевъ),
 Большой (Большовъ),
 Будиль (Будиловичъ),
 Быкъ (Быковъ),
 Веригъ (Веригинъ),
 Вешнякъ (Вешняковъ),
 Ворошило (Вороши-
 линъ).
 Воинъ (Воиновъ),
 Верещагъ (Вереща-
 гинъ),
 Внукъ (Внуковъ),
 Волынецъ (Волынцевъ),
 Гвоздь (Гвоздевъ),
 Голова (Головинъ),
 Горбатый (Горбатовъ),
 Горяинъ (Горяиновъ),
 Гридя (Гридинъ),
 Губа (Губинъ),
 Гуляй (Гуляевъ),
 Гордй (Гордѣевъ),
 Грязной (Грязновъ),
 Добрыня (Добрынинъ),
 Дорохъ (Дороховъ),
 Дроздъ (Дроздовъ),
 Дружина (Дружининъ),
 Дунай (Дунаевъ),
 Душа (Душинъ),
 Дѣй (Дѣевъ),
 Ежъ (Ежовъ),
 Жданъ (Ждановъ),
 Жукъ (Жуковъ),
 Замятня (Замятинъ),
 Заяцъ (Зайцевъ),

Злоба (Злобинъ),
 Зоря (Зоринъ),
 Истома (Истоминъ),
 Каблукъ (Каблуковъ),
 Казаринъ (Казари-
 новъ),
 Калина (Калининъ),
 Капуста (Капустинъ),
 Квашня (Квашнинъ),
 Китай (Китаевъ),
 Кокоръ (Кокоревъ),
 Колобъ (Колобовъ),
 Курба (Курбатовъ),
 Лизунъ (Лизуновъ),
 Лопата (Лопатинъ),
 Любимъ (Любимовъ),
 Ляпунъ (Ляпуновъ),
 Меньшикъ (Меньши-
 ковъ),
 Молчанъ (Молчановъ),
 Мамонъ (Мамоновъ),
 Мансуръ (Мансуровъ),
 Масло (Масловъ),
 Мизинъ (Мизиновъ),
 Мордвинъ (Мордви-
 новъ),
 Мосоль (Мосоловъ),
 Надѣй (Надѣинскій),
 Невзоръ (Невзоровъ),
 Нежданъ (Неждановъ),
 Неклюдъ (Неклюдовъ),
 Нечай (Нечаевъ),
 Некрасъ (Некрасовъ),
 Немиръ (Немировъ),
 Обида (Обидинъ),
 Одинецъ (Одинцовъ),
 Ощера (Ощеринъ),
 Образецъ (Образцовъ),
 Олтухъ (Алтуховъ),
 Опицферъ (Апцы-
 феровъ),

Первой (Первовъ),
 Первуша (Первушинъ),
 Постникъ (Постни-
 ковъ),
 Пѣшка (Пѣшкинъ),
 Ратай (Ратаевъ),
 Рудакъ (Рудаковъ),
 Русинъ (Русиновъ),
 Рычко (Рычковъ),
 Ратманъ (Ратмановъ),
 Рюмя (Рюминъ),
 Саблукъ (Саблуковъ),
 Салтанъ (Салтановъ),
 Смага (Смагинъ),
 Смирной (Смирновъ),
 Страхъ (Страховъ),
 Субота (Суботинъ),
 Севринъ (Севриновъ),
 Суворъ (Суворовъ),
 Суханъ (Сухановъ),
 Сапунъ (Сапуновъ),
 Смола (Смолинъ),
 Суморокъ (Сумороковъ),
 Сурьянинъ (Сурьяни-
 новъ),
 Томило (Томилинь),
 Третьякъ (Третьяковъ),
 Тучко (Тучковъ),
 Тихоміръ (Тихоміровъ),
 Тишина (Тишининъ),
 Торопъ (Тороповъ),
 Тугаринъ (Тугари-
 новъ),
 Уланъ (Улановъ),
 Урусъ (Урусовъ),
 Ушакъ (Ушakovъ),
 Фуникъ (Фуниковъ)¹⁾,
 Худякъ (Худяковъ),
 Чернай (Черняевъ),
 Чижъ (Чижовъ),
 Шарапъ (Шараповъ),

¹⁾ Фамилія Фуниковыхъ была въ XVI в. «Синодикъ царя Іоанна Васильевича Грознаго», присланный въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь.

Шестагъ (Шестаковъ),
Ширяй (Ширяевъ),
Шемяка (Шемякинъ),

Шипко (Шипкинъ),
Юда (Юдинъ),

Ярецъ (Ярцевъ),
Якушъ (Якушкинъ).

Для примѣра мы привели здѣсь только незначительную часть некалендарныхъ именъ, давшихъ начало различнымъ великорусскимъ фамиліямъ. Проф. А. И. Соболевскій въ статьѣ своей «Замѣтки о собственныхъ именахъ въ Великорусскихъ Былинахъ» (Жив. Стар. 1890 г. вып. II) указываетъ множество великорусскихъ фамилій, происшедшихъ исключительно только отъ былинныхъ именъ, употреблявшихся въ прежнее время вмѣсто христіанскихъ именъ или наряду съ христіанскими именами. Таковы напр. Чуриловы, Дюковы, Буслаевы и мн. др.

Подобнымъ же образомъ нѣкоторыя великорусскія фамиліи произошли отъ личныхъ прозвищъ; иногда эти прозвища, соединяясь съ фамилією, образовали двойную фамилію. Такъ напр. намъ извѣстно, что одинъ изъ предковъ Кутузовыхъ носилъ прозвище Голенища; потомки этого Голенища впоследствии и стали носить фамилію Голенищевыхъ-Кутузовыхъ.

Какимъ образомъ давались прозвища въ старину, объ этомъ по аналогіи можно заключить, что они давались такъ же, какъ даются эти прозвища и нынѣ. Производя по этому поводу наблюденія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Ярославской губерніи, мы пришли къ тому выводу, что прозвища, даваемые простымъ народомъ другъ другу, указываютъ: а) на происхожденіе лица изъ извѣстной мѣстности, какъ напр. Рязанка ¹⁾, Москвовка и т. п., б) на занятія лица—Кузнецъ, Скорнячиха и т. д., в) на наружность, характеръ и нѣкоторыя личныя качества даннаго лица такъ, напр. Бѣлоусъ, Моржуха, Махала, Багоръ и т. п., г) на любимыя поговорки извѣстнаго лица. Такъ напр. крестьянинъ, употреблявшій часто въ разговорѣ поговорку: «малина въ ротъ», получаетъ прозвище «малина»; другой, имѣвшій обыкновеніе къ дѣлу и не къ дѣлу говорить поговорку «елка-палка», получаетъ прозвище «елка-палка» и т. д. Иногда прозвище дается вслѣдствіе извѣстныхъ происшествій съ даннымъ лицомъ, такъ напр. одинъ крестьянинъ, сдѣлавшій попытку украсть на базарѣ сазана и уличенный на мѣстѣ преступленія въ кражѣ, получилъ въ округѣ кличку «сазана», которая и осталась за нимъ до самой его смерти. Другой, извѣстный намъ, крестьянинъ подобнымъ же образомъ получилъ кличку Клинку.

Многія изъ такихъ прозвищъ на нашихъ глазахъ перешли въ фамиліи,

---

¹⁾ Лица, носящія приводимыя здѣсь прозвища, извѣстны намъ лично.

такъ напр. изъ прозвища Бѣлоусъ образовалась фамилія Бѣлоусовыхъ (Пом. у. Яр. губ.). Съ полнѣйшею вѣроятностію мы можемъ заключить по аналогіи, что и въ прежнее время очень многія прозвища дали начало различнымъ великорусскимъ фамиліямъ. Это, какъ мы видѣли выше, находитъ себѣ подтвержденіе и въ историческихъ данныхъ.

3. Въ числѣ великорусскихъ фамилій встрѣчается, наконецъ, множество фамилій, происшедшихъ отъ иностранныхъ словъ,—это фамиліи, по преимуществу, великорусскаго духовенства. Представители этихъ фамилій, оставляя иногда духовное сословіе и переходя въ другія сословія, положили начало дворянскимъ, купеческимъ и мѣщанскимъ фамиліямъ съ иностраннымъ корнемъ.

Выше мы уже говорили, что въ прежнее время наше духовенство даже въ дѣловыхъ бумагахъ никогда не писалось по имени и фамиліи, а всегда только по имени. Неудивительно, что у большинства нашего сельскаго духовенства даже въ началѣ текущаго столѣтія не было фамилій ¹⁾. Вслѣдствіе то этого и возникло въ великорусскихъ духовноучебныхъ заведеніяхъ обыкновеніе каждому вновь поступающему въ училище мальчику давать фамилію. Фамилію давалъ мальчикамъ начальникъ учебнаго заведенія, т. е. смотритель или ректоръ, и фамилія эта оставалась за мальчикомъ на всю его жизнь. Такъ какъ обычай этотъ существовалъ среди духовенства до послѣдняго времени, то и въ настоящее время въ средѣ духовенства можно встрѣтить братьевъ, носящихъ различныя другъ отъ друга фамиліи или фамилію, отличную отъ фамиліи отца.

Такъ пишущій эти строки носитъ фамилію Баловъ, тогда какъ дѣдъ его носилъ фамилію Семеновскій. Въ настоящее время въ Пошехонскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи намъ извѣстны два родные брата священника: одинъ изъ нихъ носитъ фамилію Меценатовъ, другой Минервинъ.

Давая вновь поступающимъ мальчикамъ фамиліи, смотрителя и ректора духовноучебныхъ заведеній обращали свое вниманіе: на то село, откуда происходилъ мальчикъ, или на рѣку, при которой это село стоитъ—отсюда многочисленные Бѣлосельскіе, Красносельскіе, Великосельскіе, Лаостскіе, Обнорскіе и т. д., рѣже обращалось вниманіе на наружныя или внутреннія качества ученика (Красавинъ, Бѣловзоровъ, Высоцкій). Иногда давались имена по двана-

---

¹⁾ Къ вопросу о древнерусскихъ некалендарныхъ именахъ. Этн. Обзор. 1893 г. № 3-й. Этногр. Обзорѣніе 1893 г. № 1-й. Библиографъ 1890 г. №№ 7-й и 8-й. Извѣстія Общества Археологій, Исторіи и Этнограф. при Имп. Казанск. Университетѣ т. IX в. 1-й

²⁾ Въ дѣловыхъ бумагахъ пятидесятихъ г.г. многіе священники подписывались просто іерей Василій, іерей Михаилъ.

десятымъ праздникамъ (Рождественскій, Срѣтенскій, Благовѣщенскій, Воскресенскій, Вознесенскій, Успенскій, Воздвиженскій, Введенскій), по днямъ недѣли (Субботинъ, Пятницинъ) и т. д. Существуетъ анекдотъ, что одинъ смотритель училища называлъ семерыхъ, вновь поступившихъ учениковъ, послѣдовательно по днямъ недѣли: Воскресенскій, Понедѣльниковъ и т. д., кончая Субботинимъ.

Чаще же всего въ данномъ случаѣ брали въ руки латинскую и греческую грамматику. Такъ какъ латинскій языкъ въ тѣ времена въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ изучался гораздо тщательнѣе нежели греческій, то и латинскихъ фамилій въ средѣ великорусскаго духовенства мы встрѣчаемъ гораздо болѣе нежели греческихъ.

Изъ латинскихъ фамилій мы встрѣчаемъ множество фамилій, происшедшихъ отъ именъ существительныхъ, какъ напр. Агриколянскій, Юнонинъ, Вестинъ, Фортунатовъ, Минервинъ, Кустодіевъ, и т. п., отъ именъ прилагательныхъ—Пріоровъ, Меліоранскій, Мизеровъ, Ляборіозовъ, отъ глаголовъ—(причастій и пр.) Беневоленскій, Сперанскій, Флоровскій и наконецъ отъ другихъ частей рѣчи.

Изъ фамилій, происходящихъ отъ греческой основы, мы можемъ указать на фамиліи: Сферинъ, Неофитовъ, Неокесарійскій, Митропольскій, Миропольскій, Критировъ, Каллистовъ, Исполатовъ, Аристовъ и т. п.

Иногда фамиліи заимствовались изъ церковнославянскаго языка (Езерскій, Воезерскій), гораздо рѣже они заимствовались изъ новыхъ языковъ, по той простой причинѣ, что новые языки фактически почти не изучались въ духовноучебныхъ заведеніяхъ—семинаріяхъ и училищахъ. Среди такихъ фамилій можно встрѣтить и такія фамиліи, какъ напр. Грандвильяжскій, объяснить происхожденіе которыхъ не всегда удастся и специалисту филологу.

Такимъ образомъ получало еще недавно свои фамиліи почти все наше великорусское духовенство; очень многія изъ этихъ фамилій, какъ мы сказали выше, встрѣчаются въ настоящее время не только среди духовенства, но и среди другихъ сословій.

Таково происхожденіе большинства великорусскихъ фамилій, имѣющихъ латинскія, греческія и рѣже французскія и нѣмецкія основы.

Не слѣдуетъ забывать и того, что нѣкоторыя русскія фамиліи представляютъ изъ себя въ основѣ своей чисто иностранныя фамиліи, подвергшіяся измѣненію согласно требованіямъ русскаго языка. Такія измѣненія дѣлаютъ иногда иностранную фамилію почти вполне неузнаваемою. Припомнимъ, какъ изъ

иностранной фамилии Монсъ современники сдѣлали Монсовъ или даже Монцовъ¹⁾.

Такія фамиліи получали свое начало отъ иностранцевъ, переселившихся въ прежнее время въ Россію на постоянное жительство.

Такимъ же образомъ можно объяснить и нахожденіе среди великорусскихъ фамилій несомнѣнно малорусскаго происхожденія: путемъ ассимиляціи фамилій эти, оканчивающіяся обыкновенно на *о*, приобрѣтали затѣмъ великорусское окончаніе *овъ*, принимая вполне характеръ великорусскихъ фамилій. Такимъ образомъ изъ малорусскихъ фамилій Хоменко, Угнивенко, Ыниниченко получились великорусскія: Хоменковъ, Угнивенковъ, Ыниниченковъ.

Таково происхожденіе большей части великорусскихъ фамилій—прозвищъ. Конечно, многія фамиліи могли происходить и другимъ, можно сказать случайнымъ образомъ (воля высокопоставленнаго лица, и т. п.), но мы имѣемъ въ виду только общее правило, исключенія же оставимъ въ сторонѣ.

Что касается до формы великорусскихъ фамилій, то давно уже замѣчено, что большая часть этихъ фамилій оканчивается на *овъ* или *евъ*—Карповъ, Карцевъ и т. д., гораздо рѣже встрѣчаются окончанія *ѣевъ* и *инъ* и еще рѣже *ой*, *ый* и *ичъ*²⁾.

Двойныя фамиліи (напр. Мусинъ-Пушкинъ) встрѣчаются не особенно часто, большинство ихъ представляютъ изъ себя фамиліи дворянскія.

Въ заключеніе нашей замѣтки мы не лишнимъ считаемъ сообщить, что въ предѣлахъ Ярославской губерніи мы встрѣчали нѣсколько лицъ, имѣю-

---

¹⁾ Такимъ же образомъ, какъ намъ извѣстно, изъ еврейской фамиліи Мовшевичъ, получилась великорусская фамилія Машѣвъ (г. Пошехонье) или изъ польской Дзавульскій—Зѣвульскій. Иногда подобныя искаженія фамилій производились и самими владѣльцами извѣстной фамиліи, которымъ она почему либо не нравилась. *Лет.*—Срвн. Хо м у то в ъ изъ Г а м и л ь т о н ѡ в ѡ, по народной этимологіи, какъ въ Петербургѣ Лещик о в ѡ переуко в ѡ (Лестоковъ), островъ Го л о д а й (отъ владѣльца англичанина Н о л у д а у), есть случаи и прямыхъ переводовъ иностранныхъ фамилій: такова новѣйшая дворянская фамилія Бо л о т о в ы х ѡ (не имѣющая ничего общаго съ родомъ Болотовыхъ, давшимъ извѣстнаго автора драгоценныхъ мемуаровъ XVIII в.)—отъ франц. эмигр. de la Magée. *Ред.*

²⁾ По формѣ своей большинство фамилій — прилагательныя относительныя, указывающія на принадлежность сына отцу. Такъ какъ отъ очень многихъ личныхъ прозвищъ невозможно произвести именъ прилагательныхъ съ обычными окончаніями на *овъ*, *евъ* и т. д., то отсюда объясняется и происхожденіе фамилій съ нѣсколько странными окончаніями на *аго* и т. п. Такъ напр. Мертваго, т. е. сынъ Мертваго (Мертвый—личное прозвище отца), Долгово, Яшево, Попихъ (старушка по прозвищу «Попиха», сынъ одной изъ нихъ, воспитанный обѣими сестрами, носитъ прозвище Попихъ), Сухово (вм. Сухаго) и т. д. *Лет.* Довольно распространены, именно въ Сибири, и фамиліи на ихъ: Островскихъ, Молодыхъ, Окладныхъ, какъ бы въ отвѣтъ на вопросъ: «вы чѣ ихъ будете»? *Ред.*

щихъ въ одно и то же время сразу двѣ фамиліи: одну такъ сказать официальную, въ дѣловыхъ сношеніяхъ, другую же житейскую, подъ которою и извѣстны эти лица въ обществѣ. Такъ напр. Семеновъ и Шибневъ, Золотовъ и Копотилловъ, Сѣдельниковъ и Штыкинъ и др. Большинство извѣстныхъ намъ лицъ, имѣющихъ по двѣ фамиліи, принадлежитъ къ купеческому или мѣщанскому сословіямъ.

Вторая изъ этихъ фамилій обыкновенно есть ничто иное, какъ личное прозвище, данное иногда самому лицу, обладающему двумя фамиліями, а иногда его отцу или даже дѣду.

А. Баловз.

Знахарство въ Скопинскомъ и Данковскомъ уѣздахъ Рязанской губерніи.

Въ нашей періодической печати очень часто высказывается желаніе поближе познакомиться съ народными лѣкарями и, съ такъ называемыми, народными средствами лѣченія, а иногда высказывалось даже мнѣніе, что эти лѣкарственные народные средства гораздо даже лучше и дѣйствительнѣе, чѣмъ тѣ, которыя предлагаются врачами. Въ публикѣ же, какъ мнѣ извѣстно, подобное мнѣніе о народныхъ средствахъ лѣченія держится очень давно и, кажется, очень крѣпко. Служа девятый годъ земскимъ пунктовымъ врачомъ, я не разъ могъ наблюдать самъ, а такъ же и слышать отъ больныхъ, чѣмъ лѣчатъ наши такъ называемые народные лѣкаря, и по этому, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ моего участка и, вообще, въ окрестности его мнѣ удалось узнать кое-какія подробности объ этомъ лѣченіи. А узнать, чѣмъ лѣчатъ знахари, дѣло не легкое, потому что лѣченіе это производится обыкновенно тайнымъ образомъ, скрытно. Вотъ тутъ-то земская практическая медицина и можетъ оказать нѣкоторую услугу. Дѣйствительно, всякому земскому врачу постоянно приходится сталкиваться, въ особенности въ деревнѣ, съ этими народными лѣкарями, а подъ часъ и терпѣть отъ ихъ дѣятельности большой ущербъ въ дѣлѣ лѣченія народа. Чтобы до нѣкоторой хоть степени показать, какъ грубо и подобострастно крестьянинъ, по своему невѣжеству, вѣритъ иногда своему знахарю, а не врачу, я приведу здѣсь два примѣра изъ моей практики. гдѣ, не смотря на прямую бьющуюся въ глаза пользу отъ специфическихъ притомъ лѣкарствъ,—баба или мужикъ приписываетъ эту пользу не лѣкарству, взятому на пунктѣ, а своему доморощенному лѣкарю, своему знахарю. Такъ однажды приходитъ ко мнѣ баба — сифилитичка. Ей назначается мною извѣстное антисифилитическое, ртутное лѣченіе. Послѣ того баба эта приходитъ въ другой разъ.—«Ну что, какъ дѣло?» спрашиваю я ее.—«Да не помогаетъ!»—говоритъ баба.—«А какъ же носъ-то твой вѣдь хорошій сталъ?» А у больной, надо замѣтить, до этого былъ преотвратительный, весь въ сифилитическихъ язвахъ, носъ.—«Да это-то вѣрно», отвѣчаетъ баба;—«только это не отъ твоего лѣкарства, а отъ того, что тамъ у насъ бабка-лѣкарка научила меня его, носъ-то, слюнами мазать.—«Ну такъ ты и

мажь его слюнями, благо помогаетъ, а моего то лѣкарства не бери!»! говорю я.—«Нѣтъ, ужъ ты дай и своего еще!»!—отвѣчаетъ баба. Или вотъ другой случай. Жѣнщина очень сильно заболѣваетъ въ полую воду, такъ что проѣхать къ ней нѣтъ никакой возможности. Приходитъ на пунктъ ея мужъ пѣшкомъ и проситъ жѣнѣ лѣкарства за глаза. У крестьянъ иногда это бываетъ все одинаково: посмотрѣлъ докторъ больного, или нѣтъ, и убѣдить въ противномъ бываетъ подъ часъ очень трудно. Я спросилъ про болѣзнь. По признакамъ, у больной, по моему, былъ сочленовный ревматизмъ, почему я и назначилъ ей принимать салициловый натръ и далъ еще и растиранья. Послѣ того приходитъ мужъ больной въ другой разъ.—«Ну что»? спрашиваю я его.—«Да ломъ-то (ломота) немного поутихъ».—«Ну такъ чтоже?—значить лѣкарство-то было ей въ пользу».—«Да я не знаю, говорить мужикъ, я ломъ-то призывалъ къ ней заговорщика заговаривать. Ломъ-то отъ этого и утихъ». По окончаніи покой воды я всетаки самъ ѣздилъ къ этой больной. У ней дѣйствительно оказался сочленовный ревматизмъ да еще съ осложненіемъ,—въ видѣ воспаленія костнаго мозга (*osteomyelitis*), гдѣ, какъ извѣстно и салициловый-то натръ, считающійся специфическимъ средствомъ отъ ревматизма, мало помогаетъ. А заговорщикъ, оказывается, однимъ своимъ словомъ помогъ. Само собой разумѣется, что несмотря на трудный случай ревматизма, салициловый натръ сдѣлалъ свое дѣло, уменьшивъ и опухоли суставовъ и сильныя боли. Но что тутъ сдѣлаешь? По мужику—помогъ больной его заговорщикъ. На этотъ разъ я подкрасилъ микстуру съ салициловымъ натромъ и далъ мужику еще того-же салициловаго натра; а неподкрашенное лѣкарство больная пожалуй теперь и пить не будетъ. Спустя нѣкоторое время больная эта совсѣмъ выздоровѣла. Такихъ примѣровъ я могъ бы привести. понятно, цѣлую массу. Но однимъ словомъ сказать въ деревнѣ почти не бываетъ ни одного больного, который раньше или позже не пользовался бы у своего знахаря. Столкновенія, говорю, постоянныя. Вредъ отъ знахарей, какъ будетъ видно изъ подробнаго ихъ описанія, громадный, а отсюда и интересъ къ вопросу о знахаряхъ, по моему мнѣнію, долженъ быть очень большой.

Прежде, чѣмъ перейти къ частному описанію всѣхъ нашихъ народныхъ лѣкарей, я долженъ предварительно сдѣлать ихъ общую классификацію, которая, при томъ, много поможетъ лучшему ихъ описанію и пониманію.—Итакъ,—всѣ наши народные лѣкаря раздѣляются въ нашемъ районѣ, хотя я думаю, что и вездѣ тоже самое, на 1) собственно знахарей и знахарокъ, 2) заговорщиковъ, 3) кровопускателей или рудометовъ, 4) юродивыхъ и угадовъ и 5) колдуновъ. Я постараюсь описать каждый изъ этихъ видовъ народныхъ лѣкарей порознь, причемъ юродивые и

угады, какъ имѣющіе между собой много общаго, отнесены мною къ одной категоріи.

I.

Знахари и, большею частію, прекрасная половина человѣческаго рода, — знахарки, т. е. деревенскія бабки и городскія мѣщанки, лѣчатъ у насъ въ деревнѣ, въ большинствѣ случаевъ, несчастныхъ сифилитиковъ, сифилидологи по преимуществу.

Сифилисъ (siphilis) въ деревнѣ («дурная болѣзнь», по деревенскому названію), — это своего рода Божій бичъ! Кто имъ въ деревнѣ не страдалъ и не страдаетъ! Имъ страдаютъ и грудныя дѣти, и 70-ти, 80-ти лѣтніе старухи и старики, имъ въ деревнѣ страдаютъ иногда цѣлыми семьями, иногда человѣкъ въ 20 и болѣе. Болѣзнь невыносимая, потому что сама не проходитъ, а съ каждымъ днемъ напротивъ все дѣлается хуже и хуже. Въ деревнѣ быстро всѣ узнаютъ, сторонятся, воды изъ колодезя не даютъ, а то еще призовутъ съ двумя десятскими на сходку и проч. въ этомъ родѣ. Врачей и теперь на весь уѣздъ двое-трое, а въ прежнее время, до введенія земскихъ учрежденій, и совсѣмъ ни одного не было. Тутъ по неволѣ пойдешь лѣчиться къ знахарямъ. Хотя, впрочемъ, нынѣ этого и нельзя сказать, что повелѣніе идутъ къ знахарямъ сифилитики лѣчиться. Большею частью нынѣ ходятъ къ знахарямъ по своей доброй волѣ, потому что въ народѣ уже изстари укоренилось свое собственное мнѣніе, что знахарь лучше доктора и скорѣй помогаетъ. А «скорѣй» вылѣчиться отъ «дурной», — это общее желаніе всѣхъ сифилитиковъ, и этому ихъ желанію сильно потворствуютъ и сами знахари, давая больнымъ слишкомъ большія дозы лѣкарства. Извѣстно, что для того, чтобы вылѣчить сифилисъ со всѣми его первичными, вторичными и третичными проявленіями, нужно времени, приблизительно, годъ. Это въ счастливыхъ, конечно, случаяхъ, а то и цѣлые годы сифилисъ не вылѣчивается, а иногда такъ, какъ извѣстно, и совсѣмъ остается въ организмѣ, въ такъ называемой, скрытной, латентной формѣ. Вотъ этой то продолжительности теченія болѣзни и не любятъ сифилитики. Имъ, обыкновенно, хочется вылѣчиться отъ такой ужасной болѣзни сразу. Да хотѣніе это и понятно, въ данномъ случаѣ, само по себѣ, но тутъ оно приводитъ, по большей части, къ печальнымъ, а вовсе не къ хорошимъ результатамъ.

Для того, чтобы показать, какъ велика охота у сифилитиковъ къ большимъ дозамъ лѣкарства изъ желанья, конечно, поскорѣе вылѣчиться, я приведу здѣсь примѣры изъ своей практики. Такъ въ деревнѣ Арцибасовѣ

мужикъ принесъ домой изъ нашей аптеки 30 пилюль изъ сулемы (*hydrargyrum sublimatum corrosivum*). Ему велѣно было по одной пилюль глотать утромъ и вечеромъ, а онъ сразу ихъ всѣ развелъ водой и половину бутылки заразъ и выпилъ. Баба прибѣгаетъ за мной, вся въ слезахъ.—«Что такое»? спрашиваю я ее.—«Да съ Онисимомъ моимъ сдѣлался геморой!»—«Какой такой геморой»?—«Да съ нимъ этотъ геморой и раньше былъ», отвѣчаетъ баба. Я понялъ скоро, въ чемъ тутъ дѣло, потому что припомнилъ, что Онисимъ вчера былъ у меня, и ему дано лѣкарство отъ сифилиса. Бѣгу сей часъ же въ деревню (спасибо въ нашей деревнѣ дѣло было), и моимъ глазамъ представилась ужасная картина остраго отравленія ртутью. Мужикъ этотъ (онъ громаднаго при томъ росту) еле сидитъ на задникѣ, и его всего, что называется, корѣжитъ, т. е. постоянныя судороги, сильная рвота. На окнѣ я замѣтилъ бутылку съ какимъ-то лѣкарствомъ.—«Что это»? я спрашиваю.—«Это мы ваше лѣкарство развели!»—«И онъ это половину выпилъ»? спрашиваю я.—«Да!» робко отвѣчаетъ баба. Кончилась эта исторія тѣмъ, что я Онисима насилу-насилу привелъ въ себя рвотными и молокомъ, взбитымъ съ яичнымъ бѣлкомъ. Вѣрно оказалось, что съ Онисимомъ геморой раньше былъ, какъ говорила мнѣ баба, потому что Онисимъ у насъ раза четыре уже былъ на пунетѣ, а отсюда, каждый разъ, и геморой его. Другой подобный случай былъ въ селѣ Дегтярѣ. Баба—сифилитичка, съ тою же цѣлю,—поскорѣй вылѣчиться отъ «дурной», проглотила заразъ тоже пилюль изъ сулемы, по $\frac{1}{10}$ грана каждая, пять штукъ, какъ она сама говорила, а вѣроятно больше.—«Что-же было отъ этого? спросилъ я ее.—«Да насилу молокомъ отпояли!» отвѣчаетъ баба и при этомъ еще улыбается.

Охоту къ сильнодѣйствующимъ лѣкарствамъ и къ большимъ дозамъ можно, говорю, наблюдать чуть не у каждого сифилитика. Такъ я прежде давалъ для смазыванья сифилитическихъ опухолей въ заднемъ проходѣ (*condilomata lata*) лянисъ, разведенный водой (20 gran. lapis'a на унцію воды). Но потомъ вздумалъ для той же цѣли давать сулему, разведенную въ спиртѣ (*скрупулъ sublimati на унцію спирта*). Лѣкарство это удивительно, какъ поправилось всѣмъ больнымъ, какъ очень сильное средство и скоро помогающее, въ особенности, если кто очень усердно мажетъ. Помню одного больнаго кузнеца изъ села Р—а. Разъ дали ему этого лѣкарства. Приходитъ кузнецъ въ другой разъ и проситъ опять того же.—«Ужъ очень хорошо, говорить, помогаетъ это послѣднее ваше лѣкарство. Я имъ намажу себѣ болячки на ночь, да всю ночь по ржамъ и бѣгаю (дѣло было лѣтомъ).—«Ты, значить, ужъ очень сильно мажешь, ты бы полегче», говорю я.—«Нѣтъ, такъ лучше помогаетъ, скорѣй вылѣчишься».—«Зачѣмъ ты, спрашиваю я, на

ночь мажешь?»—«А то днемъ то увидать, какъ я бѣгаю по ржамъ. А очень хорошо! Пожалуйста дайте еще этого лѣкарства»!— просить кузнецъ. Послѣ мнѣ всегда приходила въ голову эта любопытная картина бѣганья ночью по ржамъ, и я сталъ предупреждать больныхъ, чтобы мазали полегче, потому что, молъ, это лекарство немного щипить.

Я нѣсколько отдалился отъ своей темы, но мнѣ желательно было поостоятельнѣе выяснить эту охоту сифилитиковъ къ большимъ дозамъ лѣкарствъ и къ сильнодѣйствующимъ средствамъ, изъ за которой охоты больные эти по большей части и ходятъ къ знахарямъ и знахаркамъ, зная напередъ, что въ этомъ отношеніи ужъ всякій изъ нихъ непремѣнно уважить, не въ при-мѣръ доктору...

«Рукомясло» свое знахари, по моему мнѣнію, заимствуютъ отъ военныхъ фельдшеровъ, которыхъ у насъ въ деревнѣ теперь очень много; чуть не въ каждомъ селѣ двое, а то трое. Это, по большей части, бывшіе больничные или аптечные служители въ военной службѣ, получающіе послѣ службы дипломъ младшаго медицинскаго фельдшера. Вотъ этотъ то медицинскій элементъ и разноситъ по деревнямъ свои медицинскія свѣдѣнія, понятно очень при томъ скудные и посвящаетъ въ нихъ знахарей и знахарокъ. Да не подумаетъ кто либо, что знахарь или знахарка (а знахарокъ больше въ деревнѣ, чѣмъ знахарей)—знаетъ какое либо особенное лѣкарство отъ сифилиса, чего не знаетъ медицина! Нѣтъ! лѣчатъ знахари сифилисъ, обыкновенно тѣмъ же чѣмъ лѣчатъ и врачи. А именно: сулемой (*hydrargyrum bichloratum corrosivum*), киноварью (сѣрнистая ртуть *hydrargyrum sulphuratum*) и, наконецъ, третье — декохтъ изъ такъ называемой дорогой травы т. е. изъ сарсапарилли (*Decoctum Zittmanni*—старинный медицинскій препаратъ), «якобъ» пить, называютъ больные.

Но главное лѣчение сифилиса у знахарей—это сулемой, и практикуется оно въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Вотъ тутъ-то извѣстная охота сифилитиковъ къ большимъ дозамъ лѣкарствъ и желаніе ихъ всегдашнее—выпить чего либо, какъ можно, покрѣче—и играютъ весьма важную роль. Поэтому сулема, какъ сильнодѣйствующее средство, знахарями дается всюду, всѣмъ сифилитикамъ, а то даже безъ разбору, сифилитикъ ли больной или просто страдающій отъ какой другой болѣзни. Просто, вообразить баба, что на ней дурная и просить у знахарки или знахаря сулемы. Да знахарь, вѣдь главное, и различить-то болѣзнь, конечно не сумѣетъ. Да ему это и не нужно, а просто на просто,—угостить хорошенько, ну дѣло и будетъ, что называется, въ шляпѣ: и гонораръ будетъ хорошій, а тамъ и водка и вся-

кія подачки, въ родѣ полотенцевъ, яицъ, ветчины, муки и прочаго деревенскаго скарба.

Сулема, говорю, первое лѣкарство у знахарей, ей начинается, ею и кончается всякое лѣчение. И въ какихъ же дозахъ сулема дается знахарями и съ какою при томъ неразборчивостію! Какъ еще выносить все русская натура! Но иногда эта выносливость ужъ не помогаетъ, и тутъ прямо бываютъ острые случаи отравленія сулемой. Такъ на моей памяти, напримѣръ, было два случая отравленій, въ одномъ случаѣ больная умерла отъ сулемы, очень молодая еще женщина, въ деревнѣ Шашкиной, въ другомъ случаѣ, — въ деревнѣ Рыловой умерла тоже отъ отравленія совсѣмъ молодая женщина, которую научили купить на пятакѣкъ сулемы, на пятакѣкъ живой ртути и на пятакѣкъ крѣпкой водки, и все это выпить заразъ. Больная выпила, ну и, понятно, отправилась на тотъ свѣтъ. Или еще, напримѣръ, помню въ деревнѣ Арцибасово привезли знахаря къ одному чахоточному больному. Въздили за знахаремъ далеко, верстъ за 25 слишкомъ. Визитъ знахаря стоилъ 5 рублей. И что же знахарь слѣлалъ?—Онъ назначилъ своему паціенту такую дозу сулемы, что тотъ бѣдный чуть-чуть не умеръ отъ нея, потому что, говорятъ, съ больнымъ сейчасъ же сдѣлалась страшная рвота и поносъ (геморой своего рода) т. е. всѣ признаки отравленія. У знахарей это считается хорошимъ признакомъ; «чтобы, какъ они выражаются, больного и верхомъ и низомъ пронесло, и чтобы все нутро тамъ вычистило, гнѣздо разорвало, а то у тебя, братецъ, нутро болитъ!» И я еще удивляюсь, какъ это самое нутро, въ видѣ черезъ чуръ уже плохихъ, чахоточныхъ, съ кавернами (я наблюдалъ раньше этого больного) легкихъ, не вылетѣло оттуда т. е. изъ больной груди совсѣмъ, окончательно... Больной этотъ вскорѣ потомъ умеръ. Больное нутро, видно, взяло свое. Визитъ знахаря пропалъ даромъ. Это мнѣ извѣстные случаи отравленія, но, конечно, не всѣ такія случаи доходятъ до врача.

Окуриваніе киноварью (*hydrargyrum sulphuratum* — сѣрнистая ртуть) производитъ въ нашемъ районѣ преимущественно полька, въ деревнѣ Ольхахъ, Данковского уѣзда. Полька эта вышла замужъ за здѣшняго солдата и пришедши съ своей родины въ Ольхи на постоянное жительство, принесла съ собой какой то польскій лѣчебникъ, по которому и лѣчитъ здѣсь. Одно то, что книга эта на какомъ-то непонятномъ для народа языкѣ,—одно это производитъ своего рода впечатлѣніе на больного. Живетъ полька въ землянкѣ, чуть не въ подземельѣ и извѣстна во всемъ окологдѣ подъ названіемъ «Ольховской колдуньи». Надо замѣтить, что лѣкарка эта (еѣ здѣсь еще зовутъ просто лѣкарка) постоянно бываетъ пьяна, потому что безъ

полштофа водки никто къ ней не является. Хорошее заведеніе этотъ полштофъ въ деревнѣ. У насъ безъ него, какъ извѣстно, ни одного дѣла не дѣлается, и роль его, какъ прилагательнаго, извѣстна во всѣхъ сферахъ жизни, какъ свѣтской, такъ равно и духовной. Я тоже раза два-три удостоивался этого «приноса»: «на дорожку», дескать г. доктору... Главное свое лѣченіе — окуриваніе виноварью Ольховская лѣкарка примѣняетъ всюду; окуриваетъ всѣхъ безъ исключенія больныхъ, хотя больше всетаки сифилитиковъ. Такъ у меня были въ разное время три женщины, больныя женскими болѣзнями, которыя подверглись окуриванью виноварью и отъ этого страшно страдали отъ меркуриализма.

Третье лѣкарство Якобъ или, что тоже, Декобъ (Циттманновъ декоктъ) дается знахарями очень часто. Его даютъ тоже преимущественно сифилитикамъ, но кромѣ сифилитиковъ, «якобъ» пьютъ и другіе больные, какъ то—чахоточные и золотушные. Корень «дорогой травы» (*radix saundersiana*), изъ котораго готовятъ якобъ, продается здѣсь во всѣхъ москательныхъ лавкахъ. Въ москательныхъ лавкахъ, впрочемъ, продаются тоже тайкомъ и мышьякъ и сулема и всякія другія снадобья. Бабѣ или мужику, значить, достать якобъ всегда бываетъ возможно. Да и пить его бываетъ очень удобно. Обыкновенно, четверть водки настоитъ знахарь или знахарка якобомъ, прибавитъ туда изрядную дозу сулемы и даетъ это больному—сифилитику, или бабѣ—сифилитичкѣ за приличную при томъ плату. У всѣхъ знахарей есть своего рода античная такса, такъ что четверть якобу стоитъ, напримѣръ, 3 рубля, полштофъ менѣе и проч. Больные пьютъ якобъ всегда съ охотой; вѣроятно, отъ того больше, что это лѣкарство болѣе безопасно. Замѣчательно, что всѣ лѣкарства свои знахари, обыкновенно, настаиваютъ на водкѣ, какъ сулему, такъ равно и якобъ. По всей вѣроятности, это дѣлается для того, чтобы небыло противно пить. Русскій человѣкъ вѣдь водку очень любитъ... Изъ веществъ, не употребляемыхъ врачами въ сифилисѣ знахари даютъ иногда синій купоросъ (*sulphuricum*). Но его даютъ очень рѣдко и при томъ для наружнаго больше употребленія. Его не хвалятъ что то и сами больные. Вѣроятно это отъ того, что синій купоросъ —рвотное средство, а значить и непріятное. «Купоросъ пила, якобъ настаивала, все толку нѣтъ!» обыкновенно слышишь отъ больныхъ.

Нужно замѣтить, что лѣкарственные вещества у знахарей иногда очень нагло замѣняются другими болѣе дешевыми средствами, происходящихъ своего рода фальсификація. Такъ, напримѣръ, дорогая трава (*radix saundersiana*) т. е. деревенскій «якобъ» замѣняется у торговыхъ корнемъ не-

сочной осоки (*risoma graminis rubri*). Трава эта растет по берегамъ рѣкъ и озеръ и продается копѣекъ пятьдесятъ за фунтъ, тогда какъ дорогая трава обыкновенно стоитъ 2 рубля 50 коп. фунтъ. Іодистый калий (*kalium jodatum*), тоже извѣстное въ медицинѣ и полезное, притомъ, лѣкарство отъ сифилиса, замѣняется часто у торговцевъ, а отсюда и у знахарей, обыкновенною морскою солью или бузуномъ. Такая замѣна, несомнѣнно, произошла отъ того, что, какъ извѣстно, іодистый калий продается изъ нашихъ аптекъ тайкомъ, по ручной продажѣ, т. е. безъ рецепта врача, подъ названіемъ «морской соли». Ну торговцы и стали продавать настоящую морскую соль, бузунъ. Это въ родѣ того, какъ порохъ прежде, когда имъ запрещено было торговать, тайкомъ изъ лавокъ продавался подъ скромнымъ названіемъ «маку». Какъ на курьёзъ, я не могу здѣсь не указать еще на одного знахаря, изъ села Заболотнаго, онъ же кузнецъ и коноваль. Коноваль этотъ лѣчить тоже и отъ «дурной», и отъ разныхъ другихъ недуговъ, но чѣмъ же? Пойдетъ онъ на рѣчку, наберетъ на берегу разныхъ камешковъ, какъ то: бѣленькихъ, желтенькихъ, синенькихъ, чѣрвенькихъ и другихъ, принесетъ ихъ въ кузню, разобьетъ тамъ на наковальнѣ ихъ всѣ въ мелкій порошокъ, завернетъ въ разные бумажки и послѣ даетъ ихъ пить больнымъ, или для присыпки наружныхъ болѣзней. И помогаетъ, говорятъ!..

Вотъ такихъ-то больныхъ, т. е. сифилитиковъ, которые прежде лѣчились у знахаря или знахарки, трудно бываетъ вылѣчить врачу, потому что они, обыкновенно, до такой степени наглотаются ртути, что и не знаешь, съ чего тутъ начинать лѣчить,—сифилисъ ли, или — меркуриализмъ т. е. хроническое ртутное отравленіе. А съ послѣднимъ имѣть дѣло гораздо труднѣе, чѣмъ съ самимъ сифилисомъ. И дѣйствительно, вѣдь мужика нельзя послать на Кавказъ, на сѣрныя воды!.. Въ острыхъ же случаяхъ отравленія тоже бываетъ трудно помочь больному, потому что первые три-четыре дня, какъ и было въ указанныхъ выше случаяхъ съ отравленными женщинами, больные таятся не только отъ врача, но и отъ всѣхъ окружающихъ родственниковъ и только, обыкновенно, на духу, т. е. священнику, приглашенному для причащенія Св. Таинъ, сказываютъ, а тотъ уже велитъ позвать доктора. Но время бываетъ уже упущено, потому что ядъ настолько успѣетъ уже всосаться въ организмъ, что помощь бываетъ почти излишня и безуспѣшна. Въ другихъ же случаяхъ отравленій больные совсѣмъ не скажутъ никому, а выйдетъ просто, молъ, умерла и умерла отъ неизвѣстной причины. Подержать трупъ день и два, а потомъ и похоронятъ. Въ настоящее время, впрочемъ, сифилитики стали привыкать и къ докторамъ. Такъ у меня на двухъ амбулаторныхъ пунктахъ бываетъ ежегодно около ты-

сячи посѣщеній. Кромѣ сифилиса народными средствами лѣченія пользуется въ деревнѣ очень часто еще перемежающаяся лихорадка (*febris intermittens*), по здѣшнему «лихоманка», «тетка», «трясучка» и др. синонимы. У хохловъ лихорадка называется «пропастьница», и это названіе мнѣ больше всѣхъ нравится; ужь именно—пропастьница! Лихорадка очень часто встрѣчается въ народѣ; такъ у меня на пунктахъ ежегодно бываетъ около тысячи лихорадочныхъ больныхъ. Мужуку избавиться отъ лихорадки бываетъ, обыкновенно, очень трудно, такъ что болѣзнь иногда тянется годъ, два, даже три. Да обстоятельство это и понятно по слѣдующимъ соображеніямъ. Земскіе врачи, какъ извѣстно, хининомъ, въ виду его дороговизны, не пользуются въ достаточномъ количествѣ. Благо еще нынѣ хина дешева стала, и земство стало меньше соблюдать свою всегдашнюю экономію. Городскіе же аптеки по ручной продажѣ даютъ мужуку только одинъ гранъ хинина въ порошкѣ, въ который (порошокъ) прибавляютъ еще пять гранъ сахару и возмуть за такой порошокъ пять копѣекъ, а за три, напримѣръ, порошка пятнадцать копѣекъ, а ихъ всѣ такіе порошки только стоитъ бросить!.. Почему то всѣ наши аптекари или іудейскаго, или нѣмецкаго, или, наконецъ, польскаго происхожденія! Русскихъ почти нѣтъ изъ нихъ. Пора бы уничтожить ихъ монополію и пересмотрѣть ихъ аптекарскую таксу, сдѣлавши изъ ней что либо путное. И дѣйствительно, взять пять копѣекъ за одинъ гранъ хинина, т. е. за унцію хинина—24 рубля, тогда какъ онъ у Феррейна нынѣ стоитъ 80 копѣекъ унція,—вѣдь это просто невозможное дѣло. Тутъ приблизительно съ чѣмъ то 2000% на капиталъ. Въ особенности, это трудно для бѣднаго, больного мужичка или рабочаго человѣка, который отъ своей болѣзни еще лишился своего заработка. А попробуйте, возьмите въ аптекѣ одинъ гранъ сулемы въ пилюляхъ, съ васъ возьмутъ за 10—12 такихъ пилюль (по $\frac{1}{10}$ или $\frac{1}{12}$ грана)—пятьдесятъ копѣекъ. Фунтъ сулемы, стоящій у Феррейна 2 рубля, аптекаря такимъ образомъ обгоняютъ въ 2280 рублей серебромъ. Тутъ ужь весьма трудно опредѣлить, какой получается % на капиталъ, чуть ли не миллионный. Хорошій заработокъ, нечего сказать! Пора бы объ этомъ подумать и удешевить, по возможности, медицинскую аптечную таксу. А то для рабочаго человѣка, какъ, впрочемъ, и для всякаго, болѣзнь—это совершенный раззоръ. Въ особенности, продолжительная такая болѣзнь, въ родѣ лихорадки. Работать въ семьѣ некому, либо печку топить некому, а лихоманка все трепить. Горе, да и только... И вотъ, если врачъ не поможетъ больному, то больные такіе и ходятъ, просятъ лѣкарства, либо къ барынь, либо къ сельской матушкѣ-попадѣ, а то и къ своимъ знахаркамъ-бабкамъ. Многія барыни, дѣйствительно, даютъ

лихорадочнымъ больнымъ хины, но понятно, не много, потому что въ деревнѣ хины достать трудно, хорошо если есть въ запасѣ изъ города, да и самимъ эта вещь бываетъ постоянно нужна. Барыни, впрочемъ, въ деревнѣ больше лѣчатъ своей гомеопатіей. Это лѣченіе для нихъ и болѣе безопасно и очень удобно, потому что однимъ пузырькомъ крупинокъ можно отпустить тысячу человѣкъ. А у матушки-попадъи, обыкновенно, ни хинина, ни крупинокъ нѣтъ, а больному все-таки нужно чего либо дать отъ его болѣзни, утѣшить. И вотъ, между прочимъ, нѣкоторыя изъ нихъ лѣчатъ лихорадку слѣдующимъ способомъ: велитъ бабѣ принести три кренделюшка, напишетъ на нихъ три какихъ то евангельскихъ слова и дастъ ихъ больному, чтобы онъ съѣлъ ихъ въ три зари по утрамъ. Иногда эти три евангельскихъ слова пишутся просто на трехъ бумажкахъ, которыя (бумажки) больной тоже въ три зари долженъ съѣсть. Бабки-знахарки въ лѣченіи лихорадки ухитряются до невозможности. Такъ напримѣръ: нужно срѣзать въ саду 12-ть почекъ, отъ 12-ти разныхъ деревьевъ, налить ихъ 12-тью ложками кипяченой воды, дать имъ 12-ть дней постоять и пить 12-ть дней сразу по одной ложкѣ. Или вотъ средство, нѣсколько аналогичное этому. Нужно испечь 12-ть пышекъ, пойти въ лѣсъ и разыскать 12-ть пеньковъ, положить на каждый пенёкъ по пышкѣ и каждому пеньку отвѣсить 12 поклоновъ. Цифра 12-ть здѣсь, очевидно, означаетъ что то въ родѣ священной цифры, такъ какъ въ народѣ лихоманка олицетворяется въ видѣ 12-ти сестеръ лихомановъ, которыя и трясутъ человѣка на подобіе, напримѣръ, русалокъ. Въ лихорадкѣ даютъ также и много другихъ народныхъ средствъ, напримѣръ, особенной славой пользуется пережженная соль, такъ же лишайникъ и пр. Цѣлительнаго дѣйствія, впрочемъ, всѣ эти средства никакого не имѣютъ. При теперешней дешевизнѣ хинина, я сталъ теперь давать больнымъ три порошка *chinini sulphurici* по 10 гранъ каждый. Это средство лучше всего помогаетъ.

Въ лѣченіи переломовъ костей и вывиховъ деревенскія бабки-знахарки выказываютъ тоже немало всей своей медвѣжьей ловкости и искусства. Какъ извѣстно, сдѣлать что либо путное, въ данномъ случаѣ, бабка конечно, ничего не сможетъ. Переломъ ли это или вывихъ, ей узнать трудно, помочь же какъ нибудь больному она и вовсе не въ состояніи, потому что сроснуть переломленную ность безъ гипсовой повязки или вправить вывихъ, безъ знанія анатоміи и своего рода ловкости и умѣнья, вещь очень нелегкая. Вотъ въ такихъ случаяхъ бабка и ломаетъ еще больше своему паціенту больную ногу или руку. Больной или больная въ такихъ случаяхъ кричитъ и орётъ во всю глотку, но у бабки это считается за хорошій признакъ, значить, называется, на жилку попала. «У тебя жилка стронута», говорится

обыкновенно, больному, «ты пойдѣ и поклонись три раза въ землю на томъ мѣстѣ, гдѣ тебѣ это подѣялось, мать сыра земля и отпуститъ тебя». Кончается всегда дѣло тѣмъ, что бабки эти проведутъ такимъ образомъ время, и уже, недѣли чрезъ двѣ, чрезъ три, смотришь, больной прѣдетъ къ врачу, когда помощь больному оказать бываетъ уже очень трудно. Вотъ такіе то запущенные вывихи постоянно приходится вправлять и, конечно, съ большимъ трудомъ и болью для пациента.

Всѣмъ, конечно, извѣстно, какую глупую роль играютъ при родахъ, такъ называемыя, бабушки повитушки. Во время родовъ, не говоря уже о трудныхъ родахъ, бабка помочь роженницѣ ничего не можетъ, потому что даже поддержать промежность у роженницы, и то для нихъ вещь непонятная и незнакомая. Послѣ же родовъ бабки продѣлываютъ со своими жертвами разные причудливые фокусы. Такъ, напримѣръ, каждую родильницу бабка паритъ въ жарко истопленной печкѣ шесть дней сряду, утро и вечеръ. Парятъ, обыкновенно, почему то однимъ и тѣмъ же вѣникомъ, а послѣ этого тѣмъ же самымъ вѣникомъ, что называется, размываютъ руки роженницѣ. Глупая эта операція заключается въ томъ, что бабка льетъ на вѣникъ воду, причеиъ вѣникъ лежитъ на рукахъ роженницы, сложенныхъ крестообразно. Вода съ вѣника стекаетъ въ тазъ, въ которомъ бабка кладетъ передъ тѣмъ одно сырое яйцо. Послѣ того, водой, приготовленной такимъ способомъ, бабка въ послѣдній разъ еще всю роженницу обмываетъ, а яйцо бывшее въ тазу, роженница должна испечь и съѣсть. Эта самая обыкновенная исторія для случаевъ благополучныхъ. Въ случаяхъ же, когда у роженницы что либо заболитъ, или если лохи прекратятся, то бабки сейчасъ же посылаютъ разыскивать, такъ называемыхъ, подѣмныхъ капель. Подѣмныя капли,—это извѣстный всѣмъ киндеръ-бальзамъ. Съ серьезно же больными роженницами бабки продѣлываютъ обыкновенно такую операцію. Больную роженницу, у которой, напримѣръ, сдѣлалось воспаленіе брюшины, бабка вѣшаетъ за ноги къ потолку или къ палатамъ и въ такомъ положеніи встряхиваетъ её, при томъ нѣсколько разъ сряду. Какъ ни страшна эта операція, но, къ несчастію, она продѣлывается очень нерѣдко. Нечего и говорить здѣсь о крайней нечистоплотности нашихъ повитухъ, когда сплошь да рядомъ отъ нихъ даже можно заразиться и сифилисомъ.

Въ заключеніе я долженъ еще упомянуть про народное лѣченіе нарывовъ—прикладываніемъ коровьяго помета и болѣзней глазъ примачиваніемъ ихъ человѣческой мочей. Много распространяться объ этомъ не стоитъ, хотя на моей памяти одну 16-ти лѣтнюю дѣвушку бабки подобнымъ лѣченіемъ—мочей, буквально ослѣпили. Самая обыкновенная изъ глазныхъ

операций у бабокъ, это лазить въ глазъ языкомъ или выворачивать глазъ на кольцо, съ цѣлю поискать тамъ соринку, которой тамъ и не бывало. Вездѣ все бабы хитрости. Въ кожныхъ болѣзняхъ и ревматизмѣ, модное средство въ деревнѣ—натираніе дегтемъ или керосиномъ. Конечно, средства эти, въ большинствѣ случаевъ, совершенно безвредны.

II.

Второй классъ народныхъ лѣкарей, какъ сказано было выше, составляютъ заговорщики. Постараюсь и съ ними познакомить, на сколько это было возможно для меня.

Заговорщиковъ у насъ, въ деревняхъ, очень много. Одни изъ нихъ заговариваютъ жабу, другіе ломъ, т. е. лому, третьи—волосень, т. е. ногтюду (*raparitium*), четвертые—кровь, иные сибирку, т. е. сибирскую язву, и, наконецъ,—собачье бѣшенство и проч. Словомъ, чуть не на каждую болѣзнь есть свой заговорщикъ. Заговорщиковъ жабы, лому, волосеня и т. п. я описывать подробно не стану, какъ менѣе важныхъ, и начну прямо съ заговорщиковъ крови.

Заговорщиковъ крови много въ каждой буквально деревнѣ. Этимъ маркуетъ, обыкновенно, какая либо бабка, рѣдко и мужикъ. И дѣйствительно, заговорить кровь очень легко. Пока-то надумаютъ послать за заговорщикомъ, пока-то его разыщутъ, а тѣмъ временемъ догадаются завязать рану какой либо вѣтошкой, или приложить къ ранѣ паутины, а то засыпать ее червоточиной и т. п. Прійдетъ, наконецъ, заговорщикъ, начнетъ читать свой заговоръ, по всей вѣроятности, еще очень длинный. Въ первый разъ прочитаетъ, во второй разъ, въ третій; а нужно всегда непременно прочитывать заговоръ три раза. Смотришь, кровь и остановилась, потому что всякое кровотеченіе, въ особенности изъ небольшихъ стволовъ, всегда и такъ, само собой, останавливается очень скоро. Это происходитъ, какъ извѣстно, или отъ сморщиванія краевъ перерѣзаннаго кровеноснаго сосуда, артерій или вены, послѣ ихъ пораненія, или отъ образованія такъ называемаго тромба, т. е. пробки, которая образуется въ сосудѣ изъ свернувшегося фибрина крови, потому что кровь, отъ дѣйствія наружнаго воздуха, сейчасъ же свертывается и распадается на фибринъ, главную составную часть плазмы и сыворотку крови. Но сказанное искусство заговорщиковъ, въ отношеніи остановки кровотечения, примѣнимо только къ пораненію мелкихъ кровеносныхъ сосудовъ, пораненіе которыхъ больше и встрѣчается на практикѣ. Мелкихъ стволовъ артерій и гораздо конечно больше, чѣмъ круп-

ныхъ, и они въ нашемъ тѣлѣ лежатъ гораздо поверхностнѣе, чѣмъ крупныя стволы. Крупныя же стволы, какъ извѣстно, и лежатъ болѣе глубоко, да еще обыкновенно защищены, какъ бы нарочно, отъ самой природы или костями, или просто мягкими частями т. е. мышцами и сухожильными растяженіями. Поэтому то пораненіе крупныхъ артерій бываетъ сравнительно, конечно, очень рѣдко. Но буде, если что либо подобное случится, т. е., если бываетъ поранена, напримѣръ, артерія *radialis* или *ulnaris*, то тутъ заговорщикъ ужъ ничего не въ состояніи сдѣлать. Больной такой или долженъ умереть отъ истеченія кровью, или же—его привезутъ къ врачу, спустя тоже извѣстное время, всего обезсиленнаго отъ громадной потери крови, послѣ разныхъ мытарствъ по заговорщикамъ. Подобный случай и былъ въ моей практикѣ. Молодой парень, изъ села Малаго Подовечья, всегда страшный, какъ говорятъ, буйнѣ, на свой сельскій, престольный праздникъ такъ напился пьянѣ, что вздумалъ драться съ своими стеклами. Просто на просто, началъ бить кулаками въ свои окна и при этомъ поранилъ себѣ пульсовую артерію (*arteria radialis*). Артерія эта, какъ извѣстно, изъ всѣхъ стволовъ артеріальныхъ лежитъ болѣе поверхностно. Призвали заговорщика, но дѣло оказалось плохо. Свой заговорщикъ не помогъ. Поэтому несчастнаго больнаго, буквально истекающаго кровью, цѣлыхъ двѣ недѣли возили по разнымъ другимъ заговорщикамъ и заговорщицамъ, а кровь все не унималась. И вотъ, наконецъ, совершенно уже обезсиленнаго, почти безжизненнаго, привезли больнаго ко мнѣ, на пунктъ. Это чрезъ двѣ недѣли! Потеря крови была громадная, больной былъ блѣднѣ, какъ полотно. Въ особенности глаза у него, отъ потери крови, были просто какіе то страшные. Я, думаю, никогда не забуду этихъ бѣлыхъ, безжизненныхъ глазъ! Съ больнымъ постоянно, при томъ, дѣлались сильныя обмороки. Изъ ранки постоянно сочилась кровь, а по временамъ такъ текла очень сильно, въ особенности если больной кашляетъ, или чхнеть, то кровь начинаетъ бить просто фонтаномъ. Что тутъ дѣлать? Нужно наложить лигатуру, а вдругъ съ больнымъ обморокъ и смерть? Ужъ этого помилуй Богъ! Просто на просто, «каменіемъ побіени будете». Потому что больныхъ на пунктѣ кромѣ того еще 70—80 человекъ и только скажи одинъ, что, молъ, докторъ зарѣзалъ, ну и баста! А вѣдь для больнаго нужно что либо сдѣлать путное. Но если бы больнаго привезли послѣ пораненія, на тотъ же день, тогда другое дѣло было бы; а то заговорщики протянули вѣдь цѣлыхъ двѣ недѣли. Кончилось тѣмъ, что я все-таки рѣшился наложить ему шелковую лигатуру «*in masse*». Отыскать хорошо артерію было уже нельзя, потому что, отъ разросшихся грануляцій, образовалась какая-то вровоточащая клоака. Кромѣ лигатуры *in masse* я перевязалъ

руку больному повыше раненія, съ мячикомъ изъ ваты, кровь и остановилась. Больной этотъ потомъ совершенно выздоровѣлъ, хотя все село молило о его смерти, ужъ очень онъ буянъ, говорятъ.

Заговорщики сибирки (сибирская язва, *pustula maligna, carbunculus malignus*) въ деревнѣ своего рода рѣдкость. Всегда нужно ѣхать куда нибудь верстъ за 10—15, а то и дальше. Сибирская язва, болѣзнь очень рѣдкая, а, значить, и нужды въ такихъ заговорщикахъ особой не предвидится.

Изъ всѣхъ заговорщиковъ сибирки особенной славой пользуются братья Бакокины. Бакокиныхъ четыре брата, всѣ они живутъ врозь, и въ разныхъ мѣстахъ Скопинскаго и Данковского уѣздовъ и всѣ одинаково умѣютъ заговаривать сибирку. Братья Бакокины, по происхожденію своему—крестьяне изъ села Ново-Александрова, Скопинскаго уѣзда, полуграмотные, но успѣли цивилизоваться по своему. Какимъ либо преимуществомъ въ заговорѣ сибирки ни одинъ изъ братьевъ не пользуется во мнѣніи народа, и для больного нужно только слово «Бакокинъ», которое до нѣкоторой степени стало нарицательнымъ словомъ. Больной, заболѣвшій въ одной мѣстности, сейчасъ же ѣдетъ къ своему Бакокину и не считаетъ ужъ нужнымъ ѣхать къ другому Бакокину, который живетъ отъ перваго верстъ за 10—15. Надъ всякимъ своимъ пациентомъ, всѣ Бакокины продѣлываютъ одно и то же. Сначала они шепчутъ свой заговоръ, а послѣ этого даютъ больному нашатырь (*ammonium chloratum*) и велятъ имъ засыпать сибирку. Вотъ и все ихъ лѣчение! На чемъ же спрашивается, основана такая слава Бакокиныхъ? А дѣло то заключается въ томъ, что въ простомъ народѣ все носитъ названіе сибирки, будетъ ли то простой чирей (*furunculus*), въ особенности если онъ съ чернымъ пятномъ; нарывъ ли небольшой (*abscessus*) съ тѣмнымъ кровоподтекомъ, карбункулъ (*carbunculus*), рожа (*erisipelas*) съ тѣмнымъ волдыремъ (*erisipelas hegetica*),—все это въ народѣ носить названіе грозной сибирки. А главное, лишь бы появилось какое либо черное пятно. Сейчасъ призовутъ бабу. Но чего же бабка знаетъ? И сейчасъ же начинается обычная ея рѣчь: «у тебя сибирка, тебѣ нужно ѣхать къ Бакокину». Вотъ эти то и имъ подобныя, такъ называемыя, сибирки братья Бакокины и вылѣчиваютъ съ такимъ блестящимъ, можно сказать, успѣхомъ. Настоящей же сибирки они, по всѣй вѣроятности, и не видали; а если случайно и видѣли, то не узнали и ужъ, понятно, не помогли ни одному такому больному. И дѣйствительно, что значить для сибирской язвы заговоръ Бакокиныхъ или хоть ихъ присыпка нашатыремъ, когда сибирку нужно выжечь или каленымъ желѣзомъ или дымящейся азотной кислотой. На сколько рѣдкая болѣзнь сибирская язва, можно уже судить изъ того, что у меня на пунктахъ перебываетъ каж-

дый годъ больныхъ отъ 12-ти до 14-ти тысячъ; за 8 лѣтъ, значитъ, перебывало около 90 тысячъ и изъ нихъ больныхъ сибирской язвой было всего три человѣка. Конечно, во всемъ участіи больныхъ сибирской язвой, можетъ быть, было и больше за это время, потому что участокъ большой, 35 тысячъ жителей, на одного врача — городъ больше Рязани, да кромѣ того онъ разбросанъ на большомъ 50-ти верстномъ пространствѣ, и потому вообще не всякаго больного везутъ на пунктъ. Но такихъ то больныхъ, т. е. съ сибиркой, такъ прямо везутъ не къ врачу, а къ заговорщику Бакокину или другому какому. Это уже изстари заведено такъ, ко врачамъ еще мало довѣрія. Я здѣсь опишу тѣ три случая сибирской язвы, которые были у меня. Тѣмъ болѣе они интересны, что всѣ эти больные были предварительно у заговорщиковъ. Такъ въ сосѣднемъ селѣ Шишкинѣ, въ имѣніи купца Л., заболѣваетъ сибирской язвой лошадь. Посылаютъ за Бакокинымъ, который живетъ отъ Шишкина недалеко. Лошадь эта, понятно, околѣваетъ, несмотря на пособіе отъ Бакокина. На другой день заболѣваетъ другая лошадь. Сейчасъ же опять привозятъ Бакокина, но лошадь тоже околѣваетъ. Послѣ того вскорѣ заболѣваетъ конюхъ, ходившій за больными лошадьми. Его сейчасъ везутъ къ Бакокину. Къ вечеру конюха не стало. Осталась у него жена и 6 человѣкъ дѣтей. На другой день заболѣваетъ сибирской язвой, на шеѣ, караульный въ имѣніи. Караульный этотъ тащилъ больную лошадь изъ конюшни и чуть ли еще не онъ дралъ шкуры съ больныхъ лошадей. Последнее очень часто практикуется; здѣсь вѣдь иногда не посмотреть на то, что лошадь околѣла отъ сибирки. Караульного этого тоже везутъ къ Бакокину. Дорогой отъ Бакокина больной умеръ. Въ одинъ день два гроба! Но на другой день еще заболѣваетъ въ имѣніи кучеръ, который вмѣстѣ съ караульнымъ тащилъ больную лошадь изъ конюшни. Въ имѣніи образовалась паника! Приѣзжаютъ ко мнѣ съ вопросомъ, есть ли у васъ какое либо средство отъ сибирки? и рассказываютъ всю исторію, что вотъ двое умерли, а третій заболѣлъ отъ сибирки. Я велѣлъ сейчасъ же привезти больного на пунктъ. У привезеннаго кучера была уже несомнѣнная сибирская язва на правой рукѣ, пониже локтя. Это была опухоль, развившаяся въ какіе нибудь три-четыре часа, бѣлаго, какого-то безжизненнаго вида, очень при томъ большая, болѣе, напримѣръ, чайнаго блюдца, приложеннаго къ рукѣ. На ощупь опухоль была твердая, какъ доска и въ серединѣ опухоли было черное вдавленіе, родъ чернаго пятна, величиной съ горошину. Это была уже несомнѣнная сибирская язва, которую въ деревнѣ мнѣ пришлось видѣть еще въ первый разъ. Въ клиникахъ приходилось видѣть сибирку тоже рѣдко, тамъ бываетъ не больше одного или двухъ случаевъ въ годъ. Больного этого мнѣ

удалось спасти отъ вѣрной смерти. Человѣкъ онъ одинокій, жена и трое дѣтей. Я сдѣлалъ ему крестообразный разрѣзъ скальпелемъ на центрѣ опухоли и залилъ это мѣсто дымящейся азотной кислотой. Я хотѣлъ еще выжечь опухоль каленымъ желѣзомъ, но каутѣра для прижиганій не оказалось, а въ деревнѣ и кузни совсѣмъ не было. Я далъ еще больному на домъ азотной кислоты и посоветывалъ влить въ ранку нѣсколько ея капель, а предварительно въ кузнѣ выжечь это мѣсто еще каленымъ желѣзомъ. Такъ и случилось, что больной, отправившись въ свою деревню, пошелъ прямо въ кузню. И, когда кузнецъ не согласился на такую операцію, больной самъ себѣ выжегъ жигаломъ средину опухоли, а потомъ залилъ еще азотной кислотой. «Раскаленное желѣзо такъ не щипить, какъ ваши капли (кислота)», рассказывалъ онъ послѣ того. На другой день больной явился ко мнѣ уже совсѣмъ бодрый, опухоль стала опадать и сдѣлалась тѣстообразною. Вскорѣ онъ и совсѣмъ оправился. Другой случай сибирки, былъ у меня послѣ того, спустя приблизительно годъ. У 16-ти лѣтняго мальчика на лицѣ, около нижней скулы, въ какіе нибудь три часа образовалась опухоль, величиною съ кулакъ. Опухоль была твердая, какъ доска и въ срединѣ ея было черное углубленіе, точъ въ точъ, какъ у того кучера. Мальчикъ этотъ жилъ на хуторѣ и ходилъ за скотиной, гдѣ и заразился. Его немедленно привезли ко мнѣ, но отъ меня сейчасъ же хотѣли везти къ Баковину, когда я сказалъ, что у него сибирка. Едва-едва удалось удержать отъ этого и оставить его у себя въ лѣчебницѣ. Эту сибирку у мальчика и самъ выжигалъ калѣнымъ желѣзомъ. Нашелъ какую то толстую проволоку, раскаливъ ее тутъ же на угляхъ и выжегъ. Опухоль сейчасъ же начала нѣсколько опадать и сдѣлалась мягкой, тѣстообразною. Но потомъ опять сейчасъ же начала твердѣть, и больному сдѣлалось хуже. Тогда я взялъ большой, толстый гвоздь и сталъ выжигать имъ. Такихъ сеансовъ выжиганій пришлось сдѣлать больному четыре или пять. Ночью былъ небольшой бредъ. Утромъ я еще въ послѣдній разъ сдѣлалъ выжиганіе, и больному совсѣмъ полегчало. Теперь онъ живъ и здоровъ и даже уже женился. Третій случай сибирской язвы былъ въ селѣ Курбатовѣ. Больную привезли ко мнѣ послѣ того, какъ цѣлыхъ три дня возили по разнымъ заговорщикамъ. У трехъ заговорщиковъ перебувала больная. Когда узналъ управляющій имѣніемъ, то велѣлъ еѣ везти на пунктъ. Еѣ привезли еле живую, и извозчикъ помогъ ей взобраться на печку въ кухнѣ пріемнаго покоя. Мы насилу потомъ стащили ее съ печи. Больная настолько была уже плоха, что я не рѣшился сдѣлать ей выжиганія. Она умерла на тотъ же день. Время было упущено, виной всему заговорщики и невѣжество.

Кромѣ Бакокивыхъ, заговариваетъ сибирку еще одинъ мужикъ въ деревнѣ Шишкиной. Послѣ заговора мужикъ этотъ завертываетъ больное мѣсто листовымъ табакомъ. Последнее продѣлываютъ, впрочемъ, очень многіе заговорщики сибирки. Отъ листового табаку, обыкновенно, получается такое разѣденіе больного мѣста, что больные послѣ того очень долго страдаютъ. И это, конечно, происходитъ больше отъ того, что заговорщики прикладываютъ табакъ не на сибирскую язву, а на чирей, напимѣръ, на нарывъ, на рожу и т. под. Въ особенности, листовой табакъ ужасно вредно дѣйствуетъ на рожу (*eczema*). Въ моей практикѣ было, между прочимъ, два такихъ случая. Такъ, одинъ крестьянинъ изъ сосѣднаго села пріѣхалъ ко мнѣ съ больною ногой, на которой была рожа. Я такъ больному и сказалъ, что у него рожа. Онъ, очевидно, мнѣ не повѣрилъ и спросилъ меня: «а что это не сибирка»? Я постарался его разувѣрить въ этомъ, но оказалось, напрасно. Нужно замѣтить, что недѣли за двѣ передъ тѣмъ, у меня лѣчился отецъ этого крестьянина, у котораго была рожа на лицѣ и прошла благополучно. Тогда мнѣ повѣрили и не возили заговаривать, а въ этомъ случаѣ, оказывается, не повѣрили, потому что на ногѣ былъ темный волдырь. Больного прямо отъ меня повезли къ Шишкинскому заговорщику, и тотъ ему всё больное мѣсто обернулъ своимъ излюбленнымъ листовымъ табакомъ, отчего сдѣлалась сильнѣйшая боль и такое разѣденіе, что мнѣ пришлось его мѣсяца четыре лѣчить потомъ. Онъ буквально долженъ былъ слезъ въ постель и ужъ насилу-насилу поправился. Другой, подобный же случай былъ въ селѣ Костомеровѣ. Привели ко мнѣ изъ Костомерева женщину, у которой была рожа на рукѣ. Оказалось, что ее передъ этимъ возили къ заговорщику, и тотъ ей всю руку буквально растравилъ листовымъ табакомъ. Какъ извѣстно, рожу нужно смазывать прованскимъ масломъ или посыпать мелкимъ порошкомъ изъ мѣлу или пудры для уменьшенія боли и раздраженія. А заговорщики прикладываютъ, вмѣсто того, прямо листовымъ табакомъ. Больная эта на другой же день потомъ умерла.

Кромѣ описанныхъ, мнѣ извѣстенъ еще одинъ очень интересный заговорщикъ изъ смежнаго уѣзда, села Поплевна, который такъ же заговариваетъ и лѣчитъ сибирку. Но заговорщикъ этотъ—хирургъ, онъ вырѣзываетъ сибирку. Отъ него у меня на пунктѣ была одна больная женщина, и что только онъ съ ней натворилъ,—трудно описать. Онъ эту несчастную женщину буквально всю изрѣзалъ и сжегъ такъ называемой царской водкой (смѣсь азотной дымящейся кислоты съ соляной). Царскую водку въ деревнѣ возятъ всѣ торгаша и продаютъ очень свободно. Съ перваго раза, при видѣ этой боль-

пой, я даже было струсилъ не на шутку. Что это? Черная оспа? Антоновъ огонь? Картина для меня была невиданная и потому не понятная. Больная еле стояла на ногахъ. Она вся буквально была покрыта чёрными пятнами, величиною отъ серебряннаго двугривеннаго до мѣднаго пятачка. Черныя эти пятна имѣли какой то особый, провалившійся видъ. «Что это? Отчего это?» съ изумленіемъ спрашиваю я. Оказалось, что заговорщикъ всю её изрѣзалъ ножомъ и сжегъ какою то ядовитой жидкостью, въ родѣ азотной или сѣрной кислоты. На обѣихъ ногахъ, на обѣихъ грудяхъ, на тѣлѣ, на шеѣ, словомъ по всему туловищу и конечностямъ были разбросаны эти страшныя, черныя пятна. Кромѣ того, какъ кислота текла, такъ все тѣло внизъ отъ мѣста прижиганія, представлялось красными, обожженными линиями. Вѣроятно заговорщикъ жегъ свою жертву совсѣмъ пьяный. Господинъ хирургъ ухитрился даже еще больше. Онъ на груди (in mamma) у больной вырѣзалъ кусокъ мяса, величиною въ пятачекъ, и въ срединѣ его и все это мѣсто сжегъ кислотой. Совсѣмъ то онъ не отрѣзалъ этого куска, а просто глубоко округлилъ его ножомъ и сжегъ, — все это такъ и висить. Такіе же висячіе, обожженные куски были и на ногахъ. Больная эта была съ ребенкомъ, она недавно только передъ тѣмъ родила. Кормить грудью она не можетъ, потому что правая грудь вся изранена и сожжена, лѣвая тоже значительно обожжена. Ребенокъ кричитъ, а она и держать то его не можетъ, отдала поддержать другимъ. Словомъ ужасная, грустная картина. Волосъ дыбомъ станетъ даже у привычнаго къ такимъ картинамъ! Въ этомъ отношеніи трудно и тяжело быть земскимъ врачомъ. Столичнымъ нашимъ товарищамъ гораздо легче жить и при томъ еще пожинать лавры. А у насъ все одни тернія. Страстей то однихъ сколько напринимаешься! Надо замѣтить, что за свою операцію хирургъ этотъ получилъ съ больной три рубля деньгами и полштофъ водки. Трудно было мнѣ опредѣлить, что была за болѣзнь, съ которой эта несчастная женщина отправилась къ заговорщику, такъ какъ, какъ сказано было выше, она вся была изуродована. Но изъ ея разсказа, что у ней по тѣлу выскакивали все свѣтлыя, водяные пузыри, можно было заключить, что, во всякомъ случаѣ, тутъ не было даже и признаковъ сибирской язвы, а просто былъ или пузырчатый лишай (herpes) или же, что всего вѣрнѣе, такъ называемая, пузырчатая сыпь (pemphigus), которая, какъ извѣстно, бываетъ очень часто послѣ родовъ, а то и такъ, безъ видимой причины. Я посовѣтывалъ больной этой лечь въ свою больницу, а потому судьбу ея дальнѣйшую мнѣ преслѣдовать не пришлось. Послѣ, я было хотѣлъ преслѣдовать по суду этого заговорщика, да раньше уже горькимъ опытомъ убѣдился, что преслѣдованіе это ни къ чему не приведетъ. Я однажды уже преслѣ-

довалъ было знахарку за отравленіе женщины сулемой, но знахарку эту полиція даже и не разыскала. Потомъ я узналъ случайно, что заговорщика этого Рязскій земскій врачъ, какъ оказалось, уже преслѣдовалъ судомъ, должно быть за такую же его операцію, но потерпѣлъ фіаско. Это мнѣ передавалъ одинъ мой знакомый, и передавалъ, при томъ, въ такомъ смыслѣ, что вотъ молъ господа врачи не помогаютъ въ сибиркѣ, а простой мужичекъ, въ Полевинѣ, помогаетъ, и его же преслѣдуютъ эти господа-врачи.

Въ заключеніе о заговорщикахъ, я долженъ еще упомянуть здѣсь о заговорщикахъ собачьяго бѣшенства. Но такихъ заговорщиковъ въ нашемъ районѣ очень мало, почти совсѣмъ рѣдкость. Хотя, знаменитый въ этомъ отношеніи, помѣщикъ Левашовъ жилъ и по сосѣдству отъ меня, но теперь, говорятъ, его уже не стало. Секретъ свой, будто бы, кому то онъ передалъ изъ своихъ служащихъ. Можетъ быть, со временемъ мнѣ и удастся узнать этотъ секретъ, но очень жаль, что судьба всѣхъ этихъ секретовъ такова, что они дѣйствуютъ только до тѣхъ поръ, пока не узнали ихъ другіе. Помѣщикъ Левашовъ лѣчилъ отъ бѣшенства, говорятъ, травой, которую ѣла въ полѣ его сбѣсившаяся собака. Въ народѣ есть повѣрье такого рода, что бѣшеная собака сама можетъ найти въ полѣ такую траву, которую съ жадностію будетъ ѣсть и отъ этой травы выздоравливаетъ. Вотъ эту то траву и подмѣтилъ дворовый чело-вѣкъ Левашева, когда её ѣла бѣшеная собака. Баринъ сталъ набирать этой травы, сушилъ её и давалъ её больнымъ ѣсть вмѣстѣ съ хлѣбомъ.

Кромѣ того я зналъ еще въ Данковскомъ уѣздѣ стараго военнаго фельдшера, который тоже лѣчилъ отъ бѣшенства. Онъ тоже зналъ какой то заговоръ отъ бѣшенства и кромѣ того, у людей укушенныхъ бѣшеной собакой, разрѣзалъ мизинецъ лѣвой руки и пускалъ изъ него кровь и этимъ помогалъ, говорятъ.

На самомъ же дѣлѣ трудно вѣрить въ дѣйствительность этихъ заговоровъ отъ водобоязни и такъ называемыхъ, народныхъ средствъ отъ этой странной болѣзни. Средствъ этихъ въ разное время (все секретныхъ, по большей части) было предложено, какъ говоритъ профессоръ Синицынъ (по Тафоли) 938 предметовъ изъ 9 царствъ природы. Всѣ эти средства оказались бесполезными. Но какъ же объяснить то обстоятельство, что, по народной молвѣ, наши доморощенные заговорщики и знахари хорошо помогаютъ отъ водобоязни? А дѣло то въ томъ, оказывается, что не всякій человекъ, укушенный бѣшеной собакой, непременно ужъ заболѣетъ водобоязнью. Вотъ на этотъ то фактъ въ публикѣ и обращаютъ очень мало вниманія. Въ дѣйствительности же ока-

зывается, что человекъ очень мало воспримчивъ къ яду собачьяго бешенства, а потому и не всегда заболѣваетъ водобоязнію, если бы даже укусила его дѣйствительно бешеная собака или волкъ. А на дѣлѣ то иногда даже и такъ бываетъ, что укусившая собака была не бешеная, да это случается, по моему мнѣнію, гораздо чаще, чѣмъ съ бешеной собакой. Но если, предположимъ, собака была и бешеная, то вѣдь возможно, что слюна ея не попадетъ въ укушенную ей рану, что часто бываетъ, когда собака кусаетъ чрезъ платье. Бываетъ даже и такъ, что и слюна попадетъ въ ранку, но человекъ не заражается ядомъ, потому что есть люди совершенно невоспримчивые къ тому или другому яду. Такъ одинъ заболѣваетъ, напримѣръ, тифомъ, другой нѣтъ; одинъ получалъ чахотку, другой же и ходитъ за нимъ, но не заражается туберкулѣзными бактеріями. Кромѣ того, многія язвы болѣе свойственны человеку и вовсе не свойственны животнымъ, другія наоборотъ. Такъ сифилитическій ядъ болѣе свойственъ человеку, а къ животнымъ онъ совсѣмъ не прививается. Ядъ же собачьяго бешенства, наоборотъ, скорѣе прививается, къ собакамъ или волку, а къ человеку очень мало. Вотъ что говоритъ объ этомъ предметѣ профессоръ Московскаго унив. г. Синицынъ. «Если о воспримчивости человека къ бешенству судить по отношенію числа укушенныхъ къ числу заболѣвшихъ, то необходимо сознаться, что воспримчивость эта не велика. По Гентеру, изъ всего числа укушенныхъ бешеной собакой, заболѣваетъ бешенствомъ только 5%. Тотъ же % признастъ и Ленгосекъ. По статистикѣ Фабера, на долю заболѣвшихъ приходится 20%, по Фезергилю же одинъ заболѣвшій на 17 укушенныхъ (т. е. около 7 %). Относительно волковъ Синицынъ приводитъ двѣ статистики. «По Рено, число укушенныхъ бешенымъ волкомъ, къ числу заболѣвшихъ, выражается 33%, а Пенье говоритъ, что одинъ волкъ искусалъ 17 человекъ, и 10 изъ нихъ умерли». Выводы изъ этой статистики средній %, получится около 10% заболѣваемости для собакъ, и около 33% для волковъ. Значитъ заговорщикамъ можно успѣшно лѣчить бешенство: изъ 100 случаевъ заговорщиковъ навѣрное 90 человекъ вылѣчить, % для него очень хорошій.

Въ настоящее время всѣ наши земства стали посылать укушенныхъ бешеной собакой или волкомъ или къ самому Пастёру въ Парижъ или въ отечественныя лѣчебницы для прививки по Пастёру. Это, несомнѣнно, болѣе рационально, чѣмъ лѣчиться у заговорщиковъ. Хотя, конечно, очень жаль, что и изъ пріѣхавшихъ отъ самого Пастёра многіе укушенные все-таки умираютъ отъ бешенства. По крайней мѣрѣ въ газетахъ не разъ приходится читать, что въ такомъ то городѣ умеръ отъ бешенства

такой то, ѣздившій къ Пастёру въ Парижъ лѣчиться, и такихъ, къ несчастію, очень много. Современемъ статистика опредѣлитъ, конечно, и у Пастёра извѣстный $\%$ смертности. Но теперь пока это быть можетъ, и преждевременно. Еще болѣе жаль, конечно, что отъ бѣшеныхъ волковъ Пастёръ, какъ извѣстно, почти совсѣмъ отказался. Это все надѣлало Бѣльское земство, пославши туда извѣстныхъ Смоленцевъ. По газетамъ я считалъ, что между Смоленцами, ѣздившими къ Пастёру было тоже что-то около 30 $\%$ смертности. И я еще удивляюсь, какъ эти самые Смоленцы не напугали тамъ всѣхъ Парижанъ своею секретною болѣзнію и своими костюмами. Еще миролюбивы, оказывается, къ намъ русскимъ друзья французы. Ужъ лучше бы, дѣйствительно, не ѣздить Смоленцамъ въ Парижъ, до нихъ тамъ какъ хорошо все обстояло! Лѣчились бы они у своихъ доморощенныхъ заговорщиковъ.

III.

Нѣкоторую противоположность заговорщикамъ крови, описаннымъ въ предыдущей главѣ, составляютъ кровопускатели или рудомѣты. Кровопусканіе довольно сильно распространено въ простомъ народѣ. Можно сказать даже и больше: это средство иногда составляетъ излюбленное цѣлебное средство мужика отъ многихъ недуговъ. Самый простой способъ производства кровопусканія въ деревнѣ состоитъ въ такъ называемомъ накидываніи мохотки. Мохотку накидываютъ, въ большинствѣ случаевъ, сухую, но иногда, случается, и кровососную. Операцию эту постоянно продѣлываетъ въ деревнѣ всякая бабка. Но кромѣ накидыванія мохотки, въ деревнѣ часто практикуются и всѣ другіе виды кровопусканія. Такъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ Скопинскаго уѣзда есть субъекты, которые сами разводятъ пьавокъ и сами приставляютъ ихъ больнымъ. Нѣкоторые пускаютъ кровь бритвой или ножомъ изъ венъ руки, а иногда даже и ноги. Но чаще всего кровопусканіе практикуется въ видѣ кровососныхъ банокъ, которыя ставятъ больному на спину или вообще на больное мѣсто, на ногу, на шею и проч.

Кровопусканіе ведетъ свое начало еще изстари. Прежніе старые врачи практиковали его очень часто. Гдѣ нынѣшніе врачи и не думаютъ ставить банки или пускать кровь, тамъ прежде, какъ извѣстно, вездѣ ставили банки, или пускали кровь. Старые врачи вездѣ видѣли дурную кровь и дурную матерію (*materia pessans*) и потому всюду старались освободить отъ нея человѣка. Я не спору, что у прежняго человѣка, быть можетъ, было и больше дурной крови, но не правда ли, что вѣдь и нынѣ ея очень много? А тѣмъ не менѣе, нынѣ стало практиковаться не то, что

прежде. Нынѣшніе врачи ставятъ банки очень рѣдко и больше все обходятся, напримѣръ, намазыванія іодомъ; это и гораздо короче и полезнѣе для больного. Въ доброе старое время всѣ помѣщики, напримѣръ, кидали себѣ кровь или ставили банки, а нѣкоторые изъ нихъ, говорятъ, даже держали придворныхъ, такъ сказать, рудометовъ, которые выбирались изъ ихъ дворовыхъ людей. Рудомѣты эти въ извѣстные, опредѣленные сроки должны были отворять изобильную кровь своему барину. Теперь эти придворные рудомѣты, конечно, всѣ уже вывелись изъ обращенія, да и вообще современные помѣщики почти-что перестали заниматься кровопустаніемъ. Въ простомъ же народѣ оно все еще и нынѣ практикуется и хотя не въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ прежде, но все же можно сказать практикуются часто. Въ народѣ кровопустаніе перешло, по моему, черезъ военныхъ больше фельдшеровъ, какъ и вообще знахарство. Служа въ военной службѣ, фельдшера эти въ прежнее время исключительно почти занимались кровопустаніемъ по рецептамъ своихъ врачей, столь часто прибѣгавшихъ къ кровопустанію во всѣхъ болѣзняхъ. По выходѣ изъ военной службы, фельдшеръ, обыкновенно, поселяется въ своей деревнѣ и все таки не бросаетъ медицину. Но спрашивается, чѣмъ будетъ лѣчить фельдшеръ въ деревнѣ? Лѣкарства у него нѣтъ, а какіе медикаменты онъ принесетъ съ собой изъ службы, тѣ, конечно, сейчасъ же всѣ и разойдутся. По фельдшерскому рецепту аптека городская рѣдко отпуститъ, да въ аптекѣ лѣкарство для мужика и дорого стоитъ, а лѣчить все таки нужно, больныхъ не отгонишь. Вотъ тутъ то и является на помощь машинка для кровососныхъ банокъ, которую фельдшера, обыкновенно, приносятъ съ собой изъ службы, а, за неимѣніемъ машинки, служить для этой цѣли простой скальпель или даже бритва. Банками этими фельдшеръ можетъ удовлетворить такую массу пациентовъ и при томъ съ такою видимою для нихъ пользою, что ему и больному его и желать больше нечего. Такимъ образомъ, какой бы больной ни являлся къ фельдшеру, почти всякому онъ ставитъ свои банки или, что рѣдко, производитъ кровопустаніе изъ венъ. Вѣдь банки хорошо помогаютъ и при ушибѣ и при всѣхъ вообще воспаленияхъ, при ломотѣ, ревматизмѣ, невралгіяхъ и проч. Словомъ, наберется очень большой кругъ болѣзней, гдѣ очень хорошо, а главное скоро помогаютъ банки. А лѣкарство это у фельдшера всегда имѣется подъ рукой и при томъ неистощимое лѣкарство, чтѣ для деревни главнѣе всего. Но кромѣ всего этого нужно обратить вниманіе на то обстоятельство, что человѣкъ, однажды поставившій себѣ банки, долженъ черезъ извѣстные промежутки времени непременно продолжать эту операцію; иначе начинаютъ дѣлаться большіе приливы крови, напримѣръ, къ головѣ, спинѣ или къ поясницѣ, съ чрезвычайно дур-

ными и неприятными при томъ послѣдствіями. Это значитъ еще новая пища для рудомѣта. Его пациентъ, значитъ, будетъ не случайный, не временный, а постоянный пациентъ, который безъ кровопусканія потомъ жить не можетъ. Да кромѣ того, всякій мужикъ, однажды по какому либо случаю подвергшійся кровопусканію, помнитъ потомъ очень хорошо, какъ ему тогда помогло это средство; въ другой же разъ оно должно еще больше помочь отъ накопившагося уже излишка крови, и такъ пойдетъ все далѣе и болѣе т. е. кровь и кровь. И дѣйствительно, въ деревнѣ мнѣ приходится встрѣчать массу такихъ больныхъ, которые жалуются, по большей части, на боль головы, и при томъ невыносимую боль, а то на тяжесть и боль въ поясницѣ. Никакія медицинскія средства обыкновенно не помогаютъ въ такихъ случаяхъ. Но спросишь больного, ставилъ ли онъ когда либо себѣ банки? Больной, обыкновенно, отвѣчаетъ, что ставилъ банки или бросалъ кровь изъ руки или ноги. Единственное облегченіе больному въ данномъ случаѣ, это мушка къ затылку, или даже, и это въ большей части случаевъ, опять банки на поясницу. Безъ нихъ въ такомъ случаѣ обойтись бываетъ положительно невозможно, потому что страданіе больного нестерпимое и ничѣмъ больше не поправимое. Всякій такой больной представляетъ изъ себя хроническое отравленіе банками, если можно такъ выразиться.

Въ настоящее время фельдшера рудомѣты ставятъ банки всетаки съ опаской, потому что знаютъ, что кровопусканіе безъ рецепта врача запрещено закономъ, да и самые врачи рѣдко нынѣ стали къ нему прибѣгать, а потому обыкновенно ужъ ставятъ банки тайкомъ, чтобы никто не зналъ. Но все же, какъ мнѣ передавали, у одного скопинскаго городскаго фельдшера рудомѣта иногда бываетъ въ день человѣкъ десять, пятнадцать больныхъ, и всѣмъ онъ ставитъ свои банки.

Отъ фельдшеровъ рудометовъ операція кровопусканія перешла и къ простымъ смертнымъ, и ею прежде всего стали заниматься цирюльники. Я еще недавно видѣлъ въ нашемъ городѣ, на вывѣскѣ у цирюльника, картину кровопусканія изъ руки съ различными внушительными деталями и экспрессіей. Кровь изъ руки, какъ нарисовано на вывѣскѣ, бьетъ даже фонтаномъ. Нѣкоторые цирюльники даже занимаются и зубо врачеваніемъ, т. е. дерганіемъ зубовъ. Вообще же нужно бы давно обратить на цирюльниковъ особенное вниманіе; къ тому же инструменты свои они держатъ въ грязномъ, отвратительномъ видѣ. Мнѣ самому раза два приходилось случайно видѣть ихъ инструменты и даже присутствовать на операціи дерганья зубовъ.

Кромѣ этихъ патентованныхъ, такъ сказать, рудометовъ, въ Скопинскомъ уѣздѣ, мнѣ извѣстны еще очень многія личности, которые занимаются крово-

пусканіемъ. Такъ напримѣръ, я зналъ одного управляющаго имѣніемъ, въ селѣ Серговщинѣ (бывшій дворовый человѣкъ), который всѣмъ своимъ лошадямъ и всѣмъ своимъ служащимъ и постороннимъ паціентамъ, во множествѣ обращавшимся къ нему, всѣмъ бросалъ изъ руки кровь. Я помню одну истеричную горничную его барыни, которой этотъ самый управляющій (его теперь уже нѣтъ въ живыхъ) пустилъ изъ руки кровь своимъ перочиннымъ ножомъ, и она на другой же день сошла съ ума. Хотя послѣдовательность явленій и нельзя всегда принимать за причинную ихъ связь, но тѣмъ не менѣе послѣдовательность въ данномъ случаѣ была многозначительная.

Интересно, что кровопусканіемъ въ деревнѣ занимаются иногда простыя деревенскія бабы. Такъ, въ селѣ Богородицкомъ, одна баба ставитъ банки даже безъ машинки, а просто прорѣзаетъ сначала на спинѣ своего паціента ранку своей бритвой, а потомъ и приставляетъ сюда банку. Смѣлая, значить, и бѣдовая эта баба.

Піявки ставятъ здѣсь только одна женщина въ селѣ Черныхъ Курганхъ. Она сама разводитъ піявокъ и ставитъ ихъ всѣмъ безъ исключенія и разбора. Какой бы къ ней мужикъ или баба, ни явился, всѣхъ угощаетъ піявками. Помню, однажды я пріѣхалъ въ село Серговщину на эпидемію скарлатины. Вхожу въ одинъ домъ, лежатъ два больныхъ мальчика въ скарлатинѣ, а третій уже умеръ и лежитъ уже въ переднемъ углѣ. При осмотрѣ дѣтей я замѣтилъ у нихъ подъ горломъ какія то язвы, покрытыя сильно дифтеритическимъ налетомъ. Я спросилъ, отчего это? Оказалось, что была эта женщина изъ Курганъ и приставляла на шею больныхъ дѣтей піявокъ. За бабой этой ѣздили сами родители больныхъ дѣтей, по совѣту мѣстнаго дьячка.

Плата рудометамъ за приставленіе банокъ или піявокъ обыкновенно бываетъ довольно изрядная. Иногда платятъ копѣекъ 10 или и даже 15 за каждую банку или піявку. Вся операція кровопусканія по этому всегда обходится копѣекъ въ 50 или около рубля, потому что рудометы въ большинствѣ случаевъ ставятъ банокъ пять или даже десять за разъ. Имъ тѣмъ больше, тѣмъ выгоднѣе.

IV.

Юродивыхъ народъ очень любитъ, въ особенности, большую склонность къ нимъ имѣютъ бабы. Юродство на землѣ,—счастье на небесахъ, по понятію народному. Юродивый—это Божій человѣкъ. Къ юродивымъ чаще всего возятъ больныхъ съ нервными болѣзнями и психопатовъ, душевно

больныхъ. Болѣе возятъ, напримѣръ, дѣтей съ «молоденской» болѣзью («молоденская» — родимчикъ, *esclampsia*), одержимыхъ падучей болѣзью (*epilepsia*), «порченныхъ» женщинъ т. е. истеричныхъ (*hystenia*—порча, по народному), сумасшедшихъ, алкоголиковъ и т. под. По народному возрѣнію во всѣхъ такихъ больныхъ вселяется нечистый духъ, дьяволъ. По этому ихъ и вылѣчить можетъ только Божій человѣкъ, юродивый, святоша. Такъ что, если знахари по преимуществу сифилидологи, т. е. врачи по сифилису, то юродивыя и угады по преимуществу врачи — пѣропатологи, врачи по нервнымъ болѣзнямъ.

Особенной славой изъ всѣхъ юродивыхъ въ нашемъ окологдѣ пользуется, такъ называемая Маша Мухановская. Это дѣвушка лѣтъ сорока или сорока пяти, живетъ она постоянно въ Мухановѣ, деревнѣ Данковского уѣзда, въ отдѣльной маленькой избушкѣ. Наружный видъ этой Маши просто ужасный. Руками она постоянно конвульсивно разводитъ, губами и всѣми чертами лица постоянно выдѣлываетъ разныя причудливыя гримасы, всѣмъ корпусомъ какъ то перегибается, при чемъ пальцами рукъ какъ то особенно перебираетъ, глаза морщитъ и заводитъ подъ лобъ. Изъ рта у Маши постоянно текутъ слюни, отъ которыхъ у ней всегда мокрый весь подбородокъ, а отсюда внизъ и вся одежда буквально мокрая отъ слюней. Юродство словомъ полное во всѣхъ отношеніяхъ.

Больныхъ у Маши всегда бываетъ много, рѣдкій день бываетъ пять — десять подводъ, а то и больше. Но пѣшковаго народу обыкновенно бываетъ гораздо больше, чѣмъ на подводахъ, потому что главный контингентъ Машиныхъ поклонниковъ, деревенскія бабы въ большинствѣ случаевъ любятъ ходить лѣчиться пѣшкомъ, и при томъ всегда не въ единственномъ числѣ, а почти всегда во множественномъ и рѣдко въ двойственномъ. Картину такого пѣшаго хожденія полѣчиться къ Машѣ всегда можно наблюдать преимущественно весной или лѣтомъ. Иногда бабы эти ходятъ къ Машѣ изъ за какихъ нибудь семейныхъ непріятностей, а то изъ пустяковой какой нибудь болѣзни. Но преимущественно возятъ къ Машѣ больныхъ съ нервными болѣзнями, въ особенности «порченныхъ», съ «молоденской» и пр., какъ и ко всѣмъ юродивымъ. Платы никакой, говорятъ, Маша не беретъ, развѣ, что на свѣчи. Но это только такъ говорятъ. На самомъ же дѣлѣ родственники Машины безъ приноса никого къ ней недопускаютъ, каковымъ приносомъ сами и пользуются. Лѣчитъ Маша всѣхъ своихъ пациентовъ однимъ и тѣмъ же лекарствомъ, а именно водою. Это до нѣкоторой степени въ родѣ барона Вревскаго цѣлебная невяская вода, которая начала проникать уже и въ нашу пустыню. Я не хочу этимъ сказать, чтобы кто либо изъ помянутыхъ знахарей

т. е. баронъ ли Вревскій или Мама Мухановская заимствовали одинъ у друга систему своего лѣченія. Нѣтъ. Мнѣ думается напротивъ каждый изъ нихъ добился до своего лѣкарства самостоятельно. Да и чѣмъ же, спрашивается, и лѣчить Машѣ, какъ не водой? Развѣ Мама знаетъ какое либо лѣкарство? Да развѣ наконецъ за лѣкарство то не отвѣтишь передъ начальствомъ? А вода,—это вещь безвредная, всѣмъ людямъ въ потребу. Воду пить всѣмъ дозволяется, а значить и лѣчить водой тоже разрѣшается, какъ не содержащему въ своемъ составѣ вредныхъ веществъ. За медикаментами нужно бываетъ ѣхать въ Москву, а этотъ медикаментъ всегда дома, всегда подъ руками. Да и помогаетъ хорошо. Чего же больше? И спросъ хорошій... Воду свою Мама приготовляетъ довольно просто. Беретъ корецъ или чашку воды, пускаетъ туда свой крестикъ, а иногда просто уголекъ, прочитаетъ молитву, и вода готова. Воду эту можно и пить и умываться ей, примачивать больное мѣсто и проч. и проч. Но главное назначеніе Машиной воды, чтобы Мама сама своей водой умыла больного. Умываетъ Мама больного, ну, говорятъ, и облегчаетъ. И отъ глазищу бываетъ полезна, и отъ порчи и чуть не отъ всякой болѣзни. Словомъ, все это лѣченіе такъ просто, но всегда такъ полезно и хорошо для всякаго человѣка.

Интересная юродивая была такъ же въ селѣ Подовечѣ, Скопинскаго уѣзда Аннушка. Это была дѣвушка лѣтъ тридцати. Аннушка вся была буквально голая, т. е. безъ всякаго платья и покрова. Отъ курной избеной копоты, тѣло у Аннушки было все черное. «Она была черная, какъ шахтеръ», какъ выражаются объ ней ея очевидцы. Аннушку, очевидно, никогда не мыли. Жила юродивая на дворѣ въ особой избушкѣ, маленькой до невозможности и специально сдѣланной для нея. Въ этой специальной избушкѣ она была привязана на желѣзной цѣпи въ родѣ того, какъ собакъ привязываютъ. Въ стѣнку избушки было вбито желѣзное кольцо съ большою желѣзною цѣпью, и этою цѣпью за поясъ была привязана юродивая. Аннушка въ своей избушкѣ лежала постоянно, говорятъ, на особыхъ палатахъ, которыя состояли только изъ двухъ досочекъ. Съ этихъ палатъ она никогда не слѣзала, да и не могла слѣзть, такъ онѣ были устроены. На палатахъ она лежала даже и въ то время, когда курная ея избушка топилась, значить, въ страшномъ дыму и копотѣ. Лѣкарства Аннушка никакого не давала. Она только узнавала, что за болѣзнь у пришедшаго. По представленію народному, она была юродивая и въ тоже время угадъ, потому что лѣкарства никакого не давала. Пришедшему къ ней Аннушка всегда говорила всего 2—3 слова и больше ничего, и то еще, когда пристращаютъ ея ея родные, а то пожалуй ничего не скажетъ. Въ настоящее время край нашъ лишился этого угада. Аннушка недавно умерла. Изъ угадовъ мнѣ извѣстенъ еще только одинъ мужикъ,

который живетъ гдѣ то около села Богородицкаго, Скопинскаго уѣзда. Къ нему, говорятъ, тоже очень много простаго народу ходить. Мужикъ этотъ даже не юродивый, а просто угадъ. Онъ узнаетъ, что за болѣзнь у пришедшаго, угадаетъ, кто произвелъ вражу лошади, угадаетъ жениха невѣсты. Какъ оказывается, всѣмъ больнымъ, приходящимъ къ нему, онъ говоритъ почти одно и тоже. Одному говоритъ,—въ тебѣ простуда, другому—въ тебѣ порча, и больше, кажется, ничего не знаетъ. Славой особой онъ и не пользуется, какъ другіе.

Къ числу юродивыхъ здѣсь еще причисляютъ (или вѣрнѣе онъ самъ себя причисляетъ къ юродивымъ) одного какого то монаха, который, впрочемъ, живетъ не въ монастырѣ, а въ міру, въ своей родной деревнѣ Гороховѣ, Данковскаго уѣзда. Почему монахъ этотъ удалился въ міръ, къ прелести Вааловой, неизвѣстно. Отъ своей семьи онъ живетъ врозь, въ отдѣльной кельѣ, въ которой, говоритъ, много образовъ и стоитъ даже нѣчто въ родѣ аналая. Человѣкъ Божій больше принимаетъ больныхъ женщинъ и преимущественно съ женскими болѣзнями. Такимъ образомъ онъ больше врачъ-гинекологъ. Про него ходитъ много рассказовъ и все романическаго свойства. Изъ всѣхъ этихъ рассказовъ можно вывести безошибочное заключеніе, что онъ, по всей вѣроятности, въ своей душѣ страстный донъ-жуанъ. Такъ кромѣ больныхъ женщинъ, къ нему ходятъ еще деревенскія дѣвушки спрашивать про своихъ жениховъ. Монахъ всякую такую пациентку сначала, говорятъ, обласкаетъ и разговорится съ ней, что называется, честь-честью. Тѣмъ временемъ онъ даже поставитъ самоваръ и всегда посадитъ свою пациентку съ собой пить чай, за которымъ идутъ, по всей вѣроятности, душеспасательные разговоры. Говорятъ, очень многія дѣвушки дѣйствительно узнаютъ своего жениха.

У.

Пятую и послѣднюю категорію народныхъ лѣкарей составляютъ колдунъ. Я потому ихъ поставилъ вслѣдъ за юродивыми, что колдунъ составляетъ совершенную противоположность юродивому. Какъ юродивый признается въ народѣ человѣкомъ, Божиимъ, такъ, напротивъ того, колдунъ признается человѣкомъ, который знаетъ съ самымъ чѣртомъ и отъ него получаетъ своё колдовство; какъ сказано выше, юродивые больше лѣчатъ людей «порченныхъ», т. е. порченныхъ злымъ духомъ. Но духъ то злой дѣйствуетъ на человѣка не прямо, не непосредственно, а черезъ колдуновъ или иногда просто черезъ злыхъ людей. Злому человѣку, а въ особенности колдуну доста-

точно бываетъ иногда посмотрѣть на хорошаго человѣка, чтобы сейчасъ же его сглазить, чтобы съ нимъ что либо случилось неладное. Поэтому злыхъ людей, а въ особенности, колдуновъ нужно стараться какъ ни можно избѣгать и съ ними даже и не встрѣчаться, чтобы не быть ими испорченными, чтобы они не съѣли съ глазу. Но для того, чтобы испортить человѣка, который даже и не встрѣчается съ колдуномъ, послѣдній иногда прибѣгаетъ къ такому средству, что съ нимъ нельзя не встрѣтиться. Колдунъ прикидывается оборотнемъ, т. е. оборачивается напримѣръ бараномъ или лошадыю и, въ такомъ видѣ, все таки можетъ встрѣтить свою жертву и испортить, а самъ при этомъ разсыплется, такъ что его и слѣдъ простынетъ.

И такъ по народному понятію, юродивые и колдуны находятся между собой въ постоянной враждѣ, антагонизмѣ. Отсюда вытекаетъ, что и средства лѣченія, какъ юродивыхъ, такъ и у колдуновъ, должны быть несомнѣнно разные. Такъ какъ юродивые лѣчатъ при помощи имъ близкаго Духа Божія, то они въ свою воду пускаютъ крестикъ, читаютъ надъ ней разные молитвы, а то и просто помогаютъ однимъ своимъ словомъ, такъ какъ они считаются одаренными отъ Бога особою благодатью. Колдунъ же, напротивъ, лѣчитъ злымъ духомъ, онъ съ чѣртомъ знается, а потому всѣмъ своимъ паціентамъ во время своего колдовства велитъ снимать крестъ, и молитвъ, понятно, никакихъ не творитъ. Да и какая ужъ тутъ молитва? И паціенты у колдуна встрѣчаются больше такіе, гдѣ нуженъ самъ чѣртъ. Такъ напримѣръ, къ нему ходятъ беременныя женщины, съ цѣлію изгнанія плода; влюбленныя женщины ходятъ къ колдуну съ цѣлію привратить къ себѣ предметъ своей любви, когда не встрѣчаютъ въ этомъ предметѣ столь дорогой для нихъ взаимности. Любовь вѣдь тоже есть дьявольское навожденіе на человѣка? По колдунамъ еще ходятъ съ такою болѣзнію, которая, по мнѣнію больного, получена имъ отъ самого же колдуна или просто отъ злаго человѣка, такъ какъ, кромѣ юродиваго, только колдунъ можетъ исправить то, что онъ самъ сдѣлалъ. Такъ напримѣръ, колдунъ можетъ вылѣчить того человѣка, котораго испортилъ онъ самъ или другой какой колдунъ; можетъ вылѣчить такого, котораго съѣли съ глазу. Но кромѣ всего этого колдуны признаются въ народѣ одаренными особенною, имъ однимъ только присущею, спеціальною такъ сказать способностію присаживать человѣку килу. Колдунъ же можетъ и согнать килу, т. е. вылѣчить отъ ней. Килой называется въ народѣ опухоль, какая бы то ни было, и гдѣ бы то ни было, на лицѣ ли, на конечности или на тѣлѣ. Слово «кила», происходитъ несомнѣнно, отъ греческаго слова *ἡ κήλη*, что значитъ, опухоль.

Слово это въ народѣ попало, очевидно, изъ медицины, потому что въ медицинѣ это довольно употребительное слово для означенія опухолей, такъ hydrocele, водяная опухоль яичка, sarcosele и проч. Больные съ такой килой идутъ, обыкновенно, лѣчатся сначала къ своей бабѣ-знахаркѣ. Если же та не помогаетъ, то идутъ къ юродивому, т. е. стараются дьявольскую болѣзнь излѣчить Божескимъ лѣкарствомъ. Но потомъ, когда и юродивый не помогаетъ, съ килой обращаются къ самому колдуну, чтобы онъ согналъ свое навожденіе. Нѣчто похожее на это продѣлываютъ многіе хроническіе больные. Они сначала идутъ лѣчиться къ обыкновенному врачу-аллопату, потомъ идутъ по монастырямъ, служатъ молебны. Наконецъ, когда ничто уже не помогаетъ, идутъ къ гомеопату, который лѣчитъ подъ своимъ девизомъ,—клинъ клиномъ выбивай (*similia similibus curantur*) или даже и не лѣчитъ, а просто тоже умныхъ людей морочить.

И такъ по колдунамъ ходятъ больные уже послѣ всего, послѣ всѣхъ своихъ напрасныхъ мытарствъ и, обыкновенно, ходятъ не съ охотой. Кому же, правду, хочется знаться съ чертомъ, когда онъ и безъ того такъ страшенъ? По колдунамъ вообще ходятъ больные очень рѣдко и то больше ужъ съ неизлѣчимыми болѣзнями, когда больной готовъ лучше идти въ воду, чѣмъ въ могилу.

Въ народѣ есть колдуньи, есть и колдуны, и послѣднихъ едва ли не больше, чѣмъ первыхъ. Но особенной славой изъ всѣхъ колдуновъ здѣсь славился Федотъ, въ селѣ Милославщинѣ, Скопинскаго уѣзда. Его то для примѣра я и опишу здѣсь. Федотъ когда то былъ военнымъ служителемъ при военномъ лазаретѣ. Поэтому онъ, говорятъ, зналъ кое-какія лѣкарства, но больше все таки добрыхъ людей морочилъ, т. е. колдовалъ. Фигура Федота была подходящая для колдуна. Онъ былъ какой то весь сгорбленный и при томъ разбитый параличемъ. По этому онъ совершенно не владѣлъ лѣвою рукой и правой ногой, такъ что постоянно ходилъ съ большимъ костылемъ, который ему удобно было держать здоровой правой рукой. На народъ онъ впрочемъ почти не показывался и въ церковь никогда не ходилъ и даже 16 лѣтъ сряду не приобщался Св. Таинъ. Послѣдному впрочемъ, можетъ быть много способствовало и то обстоятельство, что въ селѣ Милославщинѣ 12-ть лѣтъ не было священника и исправлялъ должность священникъ изъ села Измайлова, отстоящаго отъ него за 7 верстъ. Плохо въ деревнѣ безъ священника! Спасибо, по новому положенію, церковь опять открыли и прислали опять своего священника. Впрочемъ Федотъ, подъ конецъ своей жизни, передъ самою смертью все же призывалъ священника, исповѣдывался, приобщился Св. Таинъ и даже, говорятъ, и пособоровался. Громъ не грянетъ,

мужикъ не перекрестится, говорить русская пословица. Федотъ былъ очень извѣстный по всей округѣ и, говорятъ, замѣчательный колдунъ. Ему даже и изъ Петербурга писали письма, чтобы онъ прислалъ еще побольше лѣкарства своего для приворота, потому что хотя и хорошо помогаетъ, но мало лѣкарства, не хватаетъ немного. Слава его сложилась больше отъ того, что всякаго пришедшаго къ нему Федотъ заставлялъ снимать крестъ, ибо только подъ этимъ непремѣннымъ условіемъ онъ и могъ колдовать. Во время своего колдовства Федотъ всякую бабу заставлялъ раздѣваться до нага, и при этомъ еще тоже велѣлъ снимать и крестъ. Въ такомъ положеніи, да еще и безъ креста, на бабу понятно нападалъ просто страхъ. Но Федоту это было и нужно, потому что всякая баба при этомъ невольно должна была догадаться, что передъ ней дѣйствительно никто иной, какъ колдунъ взаправду, потому что даже и крестъ велѣлъ снять. Мученицы эти бабы! Да, въ такомъ положеніи, по моему, умрешь со страху!.. А она еще терпитъ. Но что же дѣлать, когда любовь мучить, не даетъ покою? Тутъ ужъ нужно терпѣть по неволѣ.

Хитрый, дѣйствительно, человѣкъ былъ этотъ Федотъ. Какъ оказывается онъ всѣмъ своимъ паціентамъ давалъ одного и того же лѣкарства, а именно наговорной соли. Это простая соль, но наговоренная колдуномъ. Какъ её колдунъ тамъ наговаривалъ, читалъ что ли чего надъ своей солью, ничего конечно неизвѣстно никому изъ смертныхъ, потому что колдуны при жизни никому не открываютъ своего секрета, а только передъ смертію передаютъ иногда этотъ секретъ, но рѣдко кто принимаетъ отъ нихъ такую страшную вещь, какъ колдовство. Но вѣроятно же всего, Федотъ просто шепталъ чего либо надъ своей солью и больше ничего не дѣлалъ; въ него и такъ вѣрили хорошо. Федотъ былъ всегда правъ. За соль передъ начальствомъ отвѣчать никогда не придется. Эта вещь всѣмъ доступная и сподручная. Такимъ образомъ, оказывается, все равно, что Маша Мухановская и баронъ Вревскій лѣчатъ водой, Кузьмичъ, извѣстный самарскій знахарь, лѣчилъ сѣномъ, а Федотъ лѣчилъ просто солью. Все это вещи позволительныя, какъ позволительно можетъ быть, и обманывать дураковъ. Да Федотъ, говорятъ, такъ даже и выражался всегда, что на его вѣкъ дураковъ хватить. И взаправду хватало.

Въ сосѣднемъ имѣніи Курбатовъ кучеръ былъ не въ ладахъ съ управляющимъ. Однажды, когда управляющій уѣхалъ на родину, кучеръ отправляется къ Федоту съ просьбой приворотить къ нему управляющаго. Надо замѣтить, что управляющій этотъ былъ вполнѣ интеллигентный человѣкъ. Федотъ даетъ кучеру своей колдовской соли и велитъ еѣ посыпать постель упра-

вляющаго. Жена кучера была прачкой въ имѣніи и вотъ она, подѣ помогъ, перемѣны бѣлья на постели, всю эту постель и посыпала Федотовой солью. Когда хозяинъ пріѣхалъ, то его тотчасъ же предупредили, чтобы онъ не ложился на постель въ виду того, что она наколдована. Тотъ, конечно, не посмотрѣлъ на предупрежденіе, стряхнулъ съ постели соль и преспокойно легъ спать. На утро онъ уволилъ своего кучера. Тогда кучеръ отправился опять къ Федоту, и говорить ему, что его уволили. Колдунъ и на этотъ разъ завертывается въ тряпочку той же своей соли,—Федота не проведешь, опять соли,—и говорить кучеру: «вотъ тебѣ еще, поѣзжай теперь въ Петербургъ, прямо къ барину, завтра же здѣсь будешь». Кучеру и безъ этого приходилось ѣхать въ Петербургъ, потому что онъ самъ былъ Петербургскій житель. Волей неволей туда поѣхалъ, но, понятно, до сихъ поръ не возвращался. Между тѣмъ приворотъ этотъ не дешево обошелся кучеру. Федоту подарили ситцевую рубашку, дали три рубля денегъ, коровьяго масла и проч. Про водку я ужъ не говорю, потому что безъ водки колдунъ никого не принималъ. Любопытный фактъ передаютъ такъ же и Федотовой ветеринарной практики. Въ деревнѣ нельзя быть врачомъ одной какой либо спеціальности, а нужно даже всегда быть врачомъ и ветеринаромъ вмѣстѣ. Такъ, я прежде отказывалъ приходившимъ ко мнѣ за какимъ либо лѣкарствомъ для лошади или коровы. Но теперь всегда даю такого лѣкарства. Да и какъ отказать мужику въ надобномъ лѣкарствѣ? Обыкновенно въ Петербургѣ или въ Москвѣ, знаменитые при томъ, ветеринары лѣчатъ больше все собакъ. А въ деревнѣ? Въ деревнѣ ветеринаровъ совсѣмъ нѣтъ, ихъ здѣсь замѣняютъ коновалы да кузнецы. Про лѣченіе же собакъ здѣсь и помину нѣтъ. Въ лѣченіи здѣсь дѣйствительно больше нуждаются лошади и коровы. А знаете ли, что такое для мужика лошадь или корова? Мужикъ ихъ иногда цѣнитъ чуть не дороже своей бабы. Да и дѣйствительно бабу можно мужику взять не одну, а и другую и даже третью дадутъ. А лошадь или корову? гдѣ еѣ взять бѣдному мужику, да еще другую, если настоящая околѣетъ? Какъ тутъ отказать въ лѣкарствѣ? Помню, мужикъ изъ села Покровскаго привелъ ко мнѣ лошадь. Она у него одна и есть, и та, почитай что же-ребенокъ. Лошадь эта въ катухѣ весь себѣ лобъ распорола до кости. Работать не на чѣмъ, заработка, мужикъ плачетъ. Я велѣлъ повалять лошадь, зашилъ ей лобъ и свинцовки далъ. Послѣ мужикъ какъ меня благодарилъ за это. Или, баба изъ Серговщины проситъ лѣкарства для своей коровы, которая на холъ распорола себѣ вымя. Баба вся въ слезахъ, дѣти малыя. Ну какъ тутъ не дать какой нибудь карболовой или свинцовой примочки? Вотъ, говорю, Федота призвалъ на ветеринарную практику одинъ здѣшній

купецъ-арендаторъ. У купца падали лошади отъ какого то затыжнаго мыта. Върѣе же всего на лошадяхъ былъ не мытъ, а настоящій сапъ. Бромъ того лошади дохли еще и отъ безкормицы, потому что дѣло было въ одинъ изъ недавнихъ голодныхъ годовъ, бывшихъ въ нашей мѣстности. Сначала лѣчили лошадей сами, призывали потомъ коноваловъ, кузнецовъ. Ничто не помогаетъ. Тогда ужъ привезли Федота. «Что? Какъ по твоему?»—спрашиваютъ колдуна. «Да у васъ на скотномъ дворѣ камень зарытъ; у васъ надъ лошадьми сдѣлано». Отвѣчаетъ колдунъ. Купецъ заставляетъ искать наколдованный камень. Весь скотный дворъ изрыли. Но гдѣ камень тамъ найти? Дѣло было зимой, когда скотный дворъ бываетъ полонъ навоза. Лошади между тѣмъ все дохли. Колдунъ живетъ въ имѣнии и пьянствуетъ. «Погоди, говоритъ затѣмъ колдунъ, я теперь сдѣлаю штуку». Беретъ какую-то вещь и начинаетъ наговаривать. Нѣтъ, что-то не выходитъ... «Давай крестъ!» обращается колдунъ къ купцу. «Я», рассказывалъ самъ послѣ того купецъ, «тутъ и струсилъ, но креста не далъ». Да и какъ снять съ себя крестъ? Вотъ если съ другаго кого крестъ снять, это дѣло иное. «Снимай ты, староста!» спрашиваетъ колдунъ, но и староста креста не снялъ. Тогда Федотъ долженъ былъ безъ этого условія творить свое колдовство. И что же? Падежъ все продолжался, лошадей двадцать у купца пало, тѣмъ и дѣло кончилось. Видно нельзя было такъ съ крестомъ колдовать. Послѣ того купецъ этотъ служилъ все молебны и каялся въ своемъ грѣхѣ, что съ чѣртомъ было спознался. Между купцами мало окаянныхъ, а всё раскаянные. Ветеринарная практика эта все-таки дала, говорятъ, колдуну всего-то рублей около тридцати.

Въ заключеніе всего, нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что знахарство имѣетъ своею почвой крайнюю неразвитость и невѣжество простаго народа. Безъ устранения этой главной причины наврядъ ли помогутъ даже радикальныя мѣры къ устраненію вреда, происходящаго отъ нашего знахарства.

Поэтому первой, самой главной мѣрой къ искорененію въ народѣ знахарства, по моему мнѣнію, должна быть сельская народная школа и прежде всего, конечно, церковно-приходская, а не земская, считая на скорую нитку. Въ необходимости сельской школы можно воочію убѣдиться всякому. Достаточно для этого только въ глубокую, скучную осень проѣхать по селу, гдѣ нѣтъ школы и хорошенько присмотрѣться, чѣмъ занимаются крестьянскіе дѣти въ это свободное для нихъ время. Единственное ихъ занятіе, какъ оказывается, въ это время—игра въ шары, да игра въ шашки, а зимой начали развиваться и карты. Само собой

разумѣется, что гораздо бы лучше и полезнѣе для нихъ было бы,—посѣщать въ это время школу и вмѣсто пустаго гонянія шаровъ по деревнѣ, научиться хоть сколько нибудь Закону Божію, не говоря ужъ про законы человѣческіе, а такъ же равно и—грамотѣ и письму. По праздникамъ же лучшее дѣло для дѣтей было бы—посѣщать Храмъ Божій и въ немъ читать и пѣть на клиросѣ. Все бы поменьше было вѣры въ разныхъ колдуновъ, да юродивыхъ, да заговорщиковъ. Въ пустую же голову вѣдѣ лѣзетъ страшная галиматья,—лѣшіе да домовые да колдуны да бѣсы разные. Ученье свѣтъ, а неученье тьма, говоритъ сама русская пословица.

Второю мѣрой для устраненія знахарства было бы, по моему мнѣнію, развитіе сельской земской медицины. Хотя въ послѣднее время земская медицина идетъ впередъ и большими шагами, но все-таки какъ то она ютится больше по городамъ, гдѣ и такъ всегда много врачей, да городъ и самъ въ состояніи содержать своего врача и свою больницу. Кромѣ того слѣдовало бы правительству обязать всѣ наши земства закономъ, — содержать, на примѣръ, на 25 тысячъ жителей обоюго пола — одного врача и больничку хоть на 10 кроватей. Вѣдѣ обязываютъ же, на примѣръ, фабрику, на 100 человѣкъ рабочихъ имѣть врача и одну больничную койку. Пространства у насъ все большія, постоянныя по этому разъѣзды, на которые врачъ много теряетъ времени и здоровья, народонаселеніе громадное. Одинъ врачъ и не можетъ справиться съ дѣломъ. На это скажутъ конечно, что у земства нѣтъ средствъ. Но въ этомъ сейчасъ же можно разувѣриться если посмотрѣть попристальнѣе, какъ на сельскомъ сходѣ мужики изыскиваютъ общественныя деньги себѣ на водку, или какія деньги частный человѣкъ платитъ знахарю, чтобы вылѣчиться на примѣръ отъ сифилиса. При пристальномъ взглядѣ окажется, что недостатокъ средствъ—это пустая отговорка и нежеланіе заняться дѣломъ.

Третьей, наконецъ, мѣрой къ искорененію вреднаго вліянія на народъ нашего знахарства должны служить конечно и полицейскія мѣропріятія. Но такъ какъ знахарство укоренилось уже въ народѣ, сдѣлалось его свычаемъ и обычаемъ, взошло въ него, что называется, плоть и кровь, то конечно трудно его оттуда выгнать одними полицейскими мѣропріятіями. Хотя все-таки поугатъ знахарей и не мѣшаетъ... Все, хоть сколько нибудь, бояться будутъ.

Земскій Врачъ *Николай Рудинскій.*

Замѣтки по сравнительному изученію народно-эпическаго стиля.

О повтореніяхъ въ народномъ эпосѣ.

I. Два типа «повтореній» въ старофранцузскихъ *chansons de geste*.

Вопросъ о повтореніяхъ въ народномъ эпосѣ разбирался спеціально только по отношенію къ старофранцузскимъ *chansons de geste* ¹⁾, но тутъ онъ разросся въ почтенную литературу, которая 2) противорѣчащими другъ другу взглядами, высказанными въ ней, доказываетъ, насколько онъ долженъ быть принятъ во вниманіе и въ расчетъ при всякомъ изслѣдованіи объ эпосѣ, и что эта пѣсенная особенность коренится отнюдь не въ кремнеземѣ позднѣйшихъ наслоеній, но въ самихъ нѣдрахъ народнаго творчества. Вѣдь не даромъ Монень (Monin) и его послѣдователи на основаніи повтореній думали примѣнить къ *chanson de Roland* теорію пѣсенъ, построенную Вольфомъ по отношенію къ *Иліадѣ* и *Одиссеѣ*, не даромъ и Фориэль, Штейнталь и Пол. Парисъ усматривали въ нихъ самостоятельные пересказы одного и того же событія. Но эти мнѣнія отступили на задній планъ, вытѣсненныя признаніемъ этихъ повтореній за особый эпическій приѣмъ, признаніемъ, къ которому примкнули всѣ теперь занимающіеся этимъ предметомъ ученые, и которое Гастонъ Парисъ выразилъ словами: *il (le poëte) tourne et retourne son idée et, pour arriver à la rendre complètement, l'exprime de plusieurs manières* ³⁾. Въ томъ же духѣ высказался и проф. А. Н. Веселовскій: «Нѣкоторыя сцены, образы до такой степени возбуждаютъ поэтическое вниманіе, такъ захватываютъ духъ, что отъ нихъ не оторвать глаза и памяти, какъ бы не было впечатлѣніе бо-

¹⁾ Отдѣльныя указанія можно найти въ книжкѣ Heinzel'a: *Ueber den Stil der altgermanischen Poesie* (Quell. & Forsch. X т.) 1875 г., гдѣ повторенія рассматриваются подъ заглавіемъ *Variation der Aussage*, и у Noreen'a въ *ero Spridda Studier* 1895 (глава: *Om tautologi*, стр. 52 слѣд.).

²⁾ Изложена въ диссертациі Dietrich'a: *Über die Wiederholungen in den alt-französischen chansons de geste*, 1881 г.

³⁾ *Histoire poétique de Charlemagne*, стр. 24.

лѣзненно, томительно, и можетъ быть потому именно, что оно томительно, что оно щемитъ душу, имъ не насытитесь за разъ. Веселые моменты жизни переживаются быстрѣе. Встрѣтивъ образъ изнеможенного Роланда, трубачаго надрывающагося на вѣсть своимъ ¹⁾, современный поэтъ схватилъ бы его быть можетъ цѣлымъ, исчерпалъ бы въ одинъ присѣвъ присущее ему либо связанное съ нимъ поэтическое содержаніе. Народная поэзія и поэзія, стоящая подъ ея вліяніемъ, ближе воспроизводитъ дѣйствительный процессъ психическаго акта. Въ каждомъ комплексѣ воспоминаній, преимущественно патетическихкихъ, есть одно, почему бы то ни было становящееся поверхъ другихъ, какъ бы ихъ покрывающее, дающее тонъ всему. Воспоминанія тянутся вереницей, возбуждая различныя ассоціаціи, разбѣгаясь за ними въ сторону и снова возвращаются къ основной нотѣ и образу: обезсиленный Роландъ еще трубить ²⁾).

Провѣримъ это опредѣленіе на примѣрахъ изъ той же пѣсни о Роландѣ ³⁾.

«Роландъ объять смертнымъ холодомъ и голова его склонилась на грудь. Онъ спѣшитъ къ соснѣ и ложится ницъ въ тѣни подъ нею на травѣ зеленой; рядомъ кладетъ онъ свой мечъ и рогъ. Лицо онъ обращаетъ къ врагамъ для того, чтобы Карлъ и весь народъ сказали: «Вотъ храбрый воинъ! онъ погибъ сражаясь!»—Онъ кается въ грѣхахъ, молясь усердно и простираетъ руку къ небу».

Повтореніе въ двухъ стихахъ резюмируетъ то, что, главнымъ образомъ, въ девяти стихахъ, повѣствуется въ первомъ разсказѣ,—но зато развиваетъ и дополняетъ то, что вкратцѣ указано въ послѣднихъ двухъ стихахъ перваго отрывка: «Роландъ чувствуетъ, что смерть его близка, и лежа на холмѣ, который глядитъ въ Испанію, ударяетъ себя рукою въ грудь: «Боже! прости ради Твоей славы мои грѣхи и прегрѣшенія, которыя я свершилъ со дня рожденія доднесь, когда моя кончина близка». — Онъ простираетъ правую руку къ Богу, и ангелы съ неба спускаются къ нему».—Слѣдуетъ еще повтореніе, но уже въ приведенныхъ отрывкахъ содержится все, намѣченныя всѣ черты, хотя не вполне разъяснены.—«Графъ Роландъ лежитъ, простершись подъ сосной; свое лицо онъ обратилъ къ Испаніи. Онъ вспоминаетъ о многихъ вещахъ: о всѣхъ земляхъ, которыя онъ завоевалъ, о милой Франціи, о своихъ родныхъ и о Карлѣ, своемъ владыкѣ, который воспиталъ его. Онъ не удерживается отъ слезъ и вздоховъ, но не забываетъ при этомъ и своей

¹⁾ Соответствующее описаніе изъ пѣсни о Роландѣ приводится ниже.

²⁾ Новыя изслѣдованія о французскомъ эпосѣ (Журн. Мин. Нар. Просв., ССХХХVIII, стр. 249.

³⁾ По изданію Готье, стихъ 2355 слѣд.

участи и, каюсь, молюся Богу: «Всебраведный Отецъ! Ты никогда не измѣняешь Себѣ, святаго Лазаря Ты воскресилъ отъ смерти и Данила защитилъ отъ львовъ, избавь мою душу отъ всѣхъ мукъ и спаси отъ грѣховъ, которые я совершилъ въ своей жизни». Онъ простираетъ правую руку къ Богу, и св. Гавріилъ принимаетъ ее. Голова его склонилась на руку. Сложивши на крестъ руки, онъ скончался. Богъ послалъ къ нему ангеловъ-херувимовъ св. Рафаила, св. Михаила, и вмѣстѣ съ ними спустился и св. Гавріилъ. Они приняли въ рай душу Роланда».—Примѣръ этотъ прекрасно оправдываетъ опредѣленія Париса; но я выбираю другой ¹⁾).

«Роландъ поднялъ свой рогъ къ устамъ, прижалъ къ губамъ идохнулъ всею грудью. Раздался звукъ въ высокихъ горахъ, и откликъ пронесся въ даль на 30 миль. Карлъ и все войско услышало его, и король сказалъ: «Наши вступили въ бой». Но Ганелонъ ему отвѣтилъ: «Когда-бы не ты, а кто другой сказалъ это, то съ нимъ-бы поступили, какъ подобаетъ со лжецомъ».—Графъ Роландъ съ усиленіемъ и въ изнеможеніи, такъ жалобно трубилъ въ свой рогъ. Алая кровь струится изъ гортани и на головѣ виски прорвались отъ напряженія. Но изъ рога звонко льется зовъ. Карлъ слышитъ его, пробираясь черезъ ущелья, герцогъ Неймскій слышитъ, и всѣ Франгузы внемлютъ. И король говоритъ: «Чу! рогъ Роланда! Никогда-бы онъ не затрубилъ, если-бы не было битвы». Ганелонъ отвѣчаетъ: «Никакой нѣтъ битвы. Вы стары больно, весь постѣдѣли и болтаете безсмыслицу, какъ ребенокъ. Роландъ достаточно извѣстенъ своимъ чрезмѣрнымъ духомъ, и диво, что Господь все терпитъ его... Изъ-за зайца онъ будетъ Вамъ трубить, хоть цѣлый день. Навѣрно онъ тѣшится со своими воинами. На свѣтѣ и нѣтъ человека, который бы отважился вступить съ нимъ въ бой. Такъ двинемся! Что-же мы остановились? Великая страна еще далеко впереди».—Согласно съ опредѣленіемъ Париса и съ аналогіей съ первымъ примѣромъ мы ожидаемъ повторительный разсказъ съ прибавленіемъ новыхъ чертъ, новыхъ подробностей.—«У Роланда губы въ крови, и на головѣ виски прорвались отъ напряженія. Рогъ звучитъ жалобно и слабо. Карлъ слышитъ его и всѣ Франгузы внемлютъ, и король говоритъ: «У рога долгій вздохъ!» Герцогъ Неймскій отвѣтилъ: «Роландъ находится въ опасности; тамъ завязался бой, кланусь моею совѣстью. Кто-нибудь предалъ его, а именно тотъ, который Васъ уговаривалъ. Къ оружію! пусть раздаются крики и спѣшите на помощь Вашему родственнику. Уже вдоволь Вы наслушаетесь жалобы Роланда». Императоръ велѣлъ трубить въ рога и Франгузы спускаются...»

---

¹⁾ Стихъ 1753 слѣд.

Карлъ слышать звукъ рога, но его опасенія опровергаетъ Ганелонъ въ первыхъ двухъ повтореніяхъ; въ третьемъ вопреки всѣмъ ожиданіямъ выступаетъ герцогъ Неймскій, и его слова придаютъ разсказу другой исходъ. Насъ поражаетъ то, что третье повтореніе занимаетъ не только самостоятельное, но даже противоположное мѣсто по отношенію къ двумъ предыдущимъ. Посредствомъ ихъ пѣвецъ хочетъ внушить слушателю: не ждите помощи для Роланда отъ Карла; съ нимъ вѣдь измѣнникъ Ганелонъ, который постарается отвлечь вниманіе и подозрѣніе императора. Длинная рѣчь Ганелона вполне убѣждаетъ слушателя; но слѣдуетъ еще повтореніе, и дѣйствіе принимаетъ другой оборотъ.

Я приведу еще примѣръ ¹⁾: Роландъ, видя, что воины его погибаютъ, хочетъ трубить въ свой рогъ, чтобы Карлъ его услышалъ и воротился, но Оливье удерживаетъ его словами, что это было-бы большимъ поворотомъ, что его родителямъ пришлось-бы за это красѣть, и что онъ-бы обезчестилъ ихъ на всю жизнь и пр. Когда Роландъ вторично заявляетъ о своемъ намѣреніи трубить въ рогъ, Оливье ему возражаетъ, что теперь это было-бы трусостью: «когда я Вамъ совѣтывалъ это сдѣлать, другъ, то Вы не соблаговолили; если-бы императоръ былъ здѣсь, мы бы не подверглись такой потерѣ». И въ третій разъ еще Оливье развиваетъ эту мысль: «мы могли-бы выиграть эту битву, взять въ плѣнъ и убить короля Марселя, но Ваша отвага погубила столько французовъ и насъ самихъ и обезславилла Францію».—Тогда подѣлываетъ архіепископъ и начинаетъ ихъ уговаривать, чтобы они перестали спорить, и чтобы Роландъ затрубилъ въ рогъ; «быть можетъ, Карлъ его все-таки услышитъ; онъ отмститъ за нихъ, и язычники по крайней мѣрѣ не уйдутъ, ликуя; французы найдутъ наши трупы, заплачутъ надъ ними и зароютъ ихъ въ освященную землю и не разорвутъ ихъ собаки, кабаны и волки».—Съ приведеннымъ повтореніемъ весьма сходно и то мѣсто, гдѣ Оливье въ началѣ битвы совѣтуетъ Роланду трубить, а послѣдній самонадѣянно отказывается (стихъ 1053 слѣд.), но оно менѣе характерно потому, что споръ ихъ ни къ чему не ведетъ. Однако и здѣсь троекратная просьба Оливье и непоколебимый отвѣтъ Роланда «производитъ болѣе сильное и болѣе величественное впечатлѣніе, чѣмъ сдѣлало-бы простое предложеніе» ²⁾.—Въ послѣднихъ примѣрахъ каждое повтореніе имѣло свой собственный *raison d'être*. Онѣ не составляли одно цѣлое описаніе, въ которомъ первые пересказы подготавливали-бы послѣдующіе. Часто третье повтореніе противопоставлялось двумъ

¹⁾ Стихъ 1702 слѣд.

²⁾ Nyrop. Den oldfranske Heltedistuning, стр. 27.

первымъ, какъ содержащее нѣчто совсѣмъ новое, неожиданно подвинувшее дѣйствіе впередъ. Слѣдовательно, объясненіе Париса не пригодно ко всѣмъ повтореніямъ, а изъ приведенныхъ только къ первому, къ описанію смерти Роланда.

Но я перехожу къ болѣе грубому, зато и болѣе наглядному примѣру изъ Renaut de Montauban ¹⁾: Карлъ хочетъ повѣсить плѣннаго Ричарда и за исполненіемъ этого приговора обращается къ рыцарю Beranger de Wales, взывая къ его чувству долга какъ вассала, надѣленнаго многими ленными владѣніями. Но Beranger наотрѣзъ отказываетъ императору въ этой просьбѣ, говоря: «Да будетъ проклятъ тотъ, кто позорнымъ образомъ вздумаетъ удерживать свои имѣнія». — Тогда Карлъ поочередно проситъ Ydelon'a, Ogier'a, Turpin'a и еще пять другихъ рыцарей съ немногими измѣненіями въ рѣчи; каждый разъ онъ получаетъ тотъ-же отвѣтъ, и каждый разъ Карлъ восклицаетъ: «Негодяй! Богъ тебя накажетъ! Но Ричардъ будетъ повѣшенъ, клянусь моей бородой!» — пока, наконецъ, одинъ не принимаетъ на себя это гнусное порученіе. — Одинаково въ *chanson de Roland*, когда нужно отправить посла къ королю Марсилію, сперва предлагаетъ себя герцогъ Неймскій, потомъ Роландъ и Турпинъ, но напрасно; порученіе возлагается на Ганелона (стихъ 244 слѣд.).

Пѣвецъ безъ разныхъ колебаній выразилъ то, что хотѣлъ. Въ первомъ случаѣ пѣвецъ хотѣлъ описать смерть Роланда, но вслѣдствіе своего «*toiogne et retourne*» получились три повторенія; во второмъ, пѣвецъ хотѣлъ сказать, что Карлъ напрасно обращался къ Beranger'у, Ydelon'у, Ogier'у, Turpin'у и пяти другимъ рыцарямъ, повѣствованіе о чемъ и ведется безъ остановокъ, безъ повтореній. Въ одномъ случаѣ повторяется описаніе, въ другомъ само дѣйствіе. Правда, то и другое въ концѣ концовъ зависитъ отъ воли пѣвца, но первое касается изложенія, второе — дѣйствія. Понятно, что Роландъ и въ дѣйствительности могъ трубить три раза, и, вѣроятно, сдѣлалъ-бы это, понятно также, что Карлъ послѣ отказа, полученнаго отъ перваго рыцаря, обращается къ другому и т. д., но немисливо, чтобы Роландъ умиралъ трижды. Значитъ, мы имѣемъ повторенія двоякаго рода, которыя слѣдуетъ отличать другъ отъ друга: геминацію дѣйствія и параллелизмъ выраженія.

Геминація дѣйствія искони свойственна народному творчеству и особенно часто примѣняется къ сказкѣ ²⁾. — Ганелонъ передаетъ королю Марсилію по-

---

¹⁾ По Tobler'y. *Über das volkstümliche Epos der Franzosen* (Zeitschr. für Völkerpsych. & Sprachwiss. т. IV).

²⁾ Ср. проф. Зѣлинскій: *Die Märchenkomödie in Athen*.

слание Карла, которое вызывает всеобщее негодование; когда всё успокоиваются, Ганелонъ повторяетъ свое посланіе (ст. 425 слѣд.). Что-же другое, какъ не послѣдовательная геминація,—разговоръ Марсіля и Ганелона, начиная съ 520 стиха. Весьма интересно, какъ Кечаріенъ приносить Валигану вѣсть о Ронсевальскомъ побоищѣ: въ первомъ сообщеніи онъ главнымъ образомъ останавливается на гибели французовъ, во второмъ выдвигаетъ опасное положеніе сарациновъ (ст. 2765 слѣд.). Но подобныя геминаціи еще не были бы повтореніями въ обычномъ смыслѣ, если-бы къ нимъ не присоединялась другая особенность народно-эпического стиля: однообразіе оборотовъ и употребленіе синонъ и рядомъ однихъ и тѣхъ-же излюбленныхъ стиховъ. Если современный поэтъ будетъ описывать равныя ситуаціи, то онъ постарается каждой придать особую окраску. Сравните также описаніе въ *chanson de Roland* (ст. 860 слѣд.), какъ сарацинскіе герои собираются около племянника Марсіля, чтобы сообща напасть на Роланда: братъ Марсіля *Faussegon*, злоправный *Corsablin*, славный и отважный *de Balaquer*, преслѣдователь христіанъ *Turgis*, каналеръ-волокиста *Margatis*, длиннотрудный *Chegnuble* изъ бесплодной земли демоновъ и др.—Но обыкновенно народъ не стремится разнообразить отдѣльныя части геминаціи; каждый разъ приводятся одни и тѣ-же стихи, иногда кое-что прибавляется и измѣняется, но въ общемъ получается впечатлѣніе обычнаго повторенія. На самомъ-же дѣлѣ слито два рода повторенія, во первыхъ, повтореніе самаго дѣйствія, во вторыхъ, каждый разъ повторяется описаніе этого дѣйствія. Понятно, и я указалъ на это, геминація возможна и безъ втораго повторенія; но народное творчество рѣдко заботится о томъ, чтобы разнообразить описанія. Если-же повторяется описаніе такого дѣйствія, которое въ дѣйствительности не могло повториться, какъ напр. смерть Роланда, то вмѣсто геминаціи дѣйствія получается параллелизмъ выраженія.

Разбирая библію съ эстетической точки зрѣнія, Гердеръ ¹⁾ впервые отстаивалъ значеніе параллелизма, говоря, напр., что въ притчахъ Соломона какъ-будто отецъ наставляетъ своего сына и мать повторяетъ его совѣтъ, или указывая на то, что противоположности неба и земли дали поводъ къ сопоставленію безконечнаго съ ничтожнымъ, прекраснаго съ подлымъ; тамъ блещутъ вѣчныя звѣзды, тамъ растилается чистая синева; на землѣ-же вездѣ перемѣна, прахъ и разложеніе.—Слѣдъ подобнаго сопоставленія можно усмотрѣть пожалуй и въ слѣдующей строфѣ изъ пѣсни о Роландѣ (ст. 1830 слѣд.): «Высоки горы и мрачны и велики, доли глубоки и быстры потоки!

¹⁾ Vom Geist der ebräischen Poesie, 1782 г.

Спереди, сзади раздаются трубы, отвѣчая рогу Роланда. Императоръ разъязжается разгнѣванный, а французы въ смятеніи и въ горести»...

Чѣмъ воспримчивѣе художественное чутье народа, тѣмъ тщательнѣе сглаживается характеристическая особенность каждаго приѣма, потому что намѣренный эффектъ оскорбляетъ эстетическое чувство, и приходится скрывать его. Такъ какъ и параллелизмъ и геминація — повторенія, хотя различнаго рода, то при подобномъ сглаживаніи особыхъ примѣтъ, они должны были сближаться. Параллелизмъ становится драматичнѣе, будеть избѣгать прямого повторенія сказаннаго и излагать подробности описываемаго факта въ извѣстномъ порядкѣ. Въ художественной геминаціи возможная единичность дѣйствія не явствуется непосредственно. Французскій эпосъ достигъ высокой степени развитія, и что-же?—Въ немъ различіе между обоими родами повтореній не было замѣчено большимъ числомъ ученыхъ, обращавшихъ свое вниманіе какъ разъ на этотъ вопросъ.

II. Геминація дѣйствія и параллелизмъ выраженій въ финскомъ эпосѣ.

Я желалъ-бы иллюстрировать оба рода повтореній на финскомъ эпосѣ, гдѣ онѣ получили крайне одностороннее и необычайно широкое примѣненіе. Можно сказать, что финскій народъ не производилъ отдѣльныхъ стиховъ, а все попарно, или другими словами, что мы имѣемъ собственно двѣ скрепляющіяся версіи Калевалы. Это объясняется тѣмъ, что пѣлъ не одинъ пѣвецъ, а двое, причемъ одинъ говорилъ первый стихъ, а другой, парафразируя эту-же мысль, возражалъ ему вторымъ. Вотъ что Ленруту разсказывалъ 80-лѣтній Архиппа, знаменитѣйшій пѣвецъ рунъ въ Вуокиніеми: «Когда мы въ рыболовное время отдыхали на берегу Лапуки у костра, вотъ бы Вамъ слѣдовало быть тамъ! У насъ былъ наемникъ изъ Лапуки, также хорошій пѣвецъ, но все-таки не равня моему отцу. Всю ночь на пролетъ они пѣли у огня, рука объ руку, и никогда не повторялась одна и та-же руна. Я тогда былъ мальчикомъ и слушалъ...».—Въ началѣ Калевалы Ленрутъ помѣстилъ приглашеніе одного пѣвца къ другому подѣлать и начать съ нимъ руну:

Золотой мой другъ и братецъ,
Дорогой товарищъ дѣтства!
Мы споемъ съ тобою вмѣстѣ,
Мы съ тобой промолвимъ слово.

Наконецъ мы увидались,
Съ двухъ сторонъ теперь сошлись,
Рѣдко мы бываемъ вмѣстѣ,
Рѣдко ходимъ мы другъ къ другу,

На пространствѣ этомъ бѣдномъ,	Пальцы наши вмѣстѣ сложимъ,
Въ краѣ Сѣвера убогомъ.	Пѣсни славныя споемъ мы
Такъ давай свои мнѣ руки,	И начнемъ мы съ лучшихъ пѣсень ¹⁾ .

Этотъ способъ пѣнія былъ, кажется, болѣе древнимъ. за что стоятъ и приведенные отрывки. Подъ вліяніемъ такого обычая параллелизмъ стиховъ развился въ норму, къ которой приурочилась и народная лирика финновъ.

Если выдѣлять изъ Калевалы Айно, Куллерьо, Мариатту, космогонію и другіе самостоятельные эпизоды, а равно и заговоры, причитанья и пѣсни, то остаются три главныхъ героя, Вейнемейненъ, Ильмариненъ и Лемминкейненъ, которые каждый въ свою очередь три раза совершаютъ знаменитую поѣздку на сѣверъ (Pohjola).—Вейнемейненъ сватается за чудную дочь сѣвера. Она трижды задаетъ ему испытанія. Когда онъ, исполняя третье условіе, рубить ладью, то топоръ вслѣдствіе недовѣаго удара ранить его въ ногу. Вейнемейненъ за помощью ѣдетъ къ первому двору, но тамъ застаётъ только мальчика; во второмъ онъ находитъ старуху, которая себѣ самой не можетъ помочь; въ третьемъ домѣ онъ вылѣчивается старикомъ и затѣмъ уѣзжаетъ (VIII, IX пѣсни).—Ильмариненъ пріѣзжаетъ на сѣверъ съ той-же цѣлью какъ и его братъ. И на него возлагаютъ три задачи. Празднуется свадьба, но нѣтъ пѣвца. Сперва было приглашаютъ рыбъ пѣть, но онѣ оказываются неспособными, также и дѣта, въ третьихъ Вейнемейнена, который тотчасъ соглашается и обращается къ присутствующимъ со словами:

Есть-ли кто изъ молодежи,
Въ высоко-честномъ народѣ,
Кто-бъ сложилъ съ рукою руку,
Положилъ бы ихъ другъ къ другу
И потомъ бы началъ пѣнье,
Пѣнье радостное поднималъ?.. ²⁾

Затѣмъ молодые уѣзжаютъ (XIX—XXV пѣсни).—Лемминкейненъ раньше тоже добивался сѣверной красавицы, имя которой страннымъ образомъ нигдѣ не упоминается. При третьемъ подвигѣ онъ погибаетъ отъ коварства владыки сѣвера. Но его мать вновь оживляетъ его. Чувствуя себя обиженнымъ, что его не пригласили на свадьбу Ильмаринена, онъ опять отправляется на сѣ-

¹⁾ Переводъ А. П. Бѣальскаго.

²⁾ У Бѣальскаго, стр. 258.

веръ и убиваетъ тамъ владыку. Видя, что на него идутъ войною, онъ бѣжитъ. Спустя нѣсколько времени онъ въ третій разъ для отмщенія проникаетъ на сѣверъ (XI—XV, XXVI—XXX пѣсни). — Но и Ильмариненъ послѣ смерти своей первой жены вторично ѣдетъ на сѣверъ, чтобы свататься къ другой сестрѣ; его встрѣчаютъ съ насмѣшкой и съ презрѣніемъ; тогда онъ насильно увозитъ дѣвицу. Желаніе возвратить себѣ Сampo, которое онъ ковалъ во время своего перваго посѣщенія, ведетъ къ третьей поѣздкѣ. Владычица сѣвера, желая отплатить имъ чѣмъ-нибудь, сперва наводитъ на нихъ болѣзни, затѣмъ медвѣдя, и, въ третьихъ, запрытываетъ луну и солнце. Но Вейнемейненъ своимъ кантело спасаетъ отъ всѣхъ бѣдствій. И послѣдній трижды совершаетъ поѣздку на сѣверъ, сперва одинъ, а потомъ два раза въ сопровожденіи Ильмаринена (XXXVІІІ—ІІ пѣсни).

Девять разъ повторяющаяся поѣздка на сѣверъ—вотъ та канва, по которой вышиты узоры Калевалы. Въѣствъ съ тѣмъ эти поѣздки соединили отдѣльныхъ героевъ, заставляя ихъ добиваться сѣверной красавицы. Развитие финскаго эпоса представляетъ изъ себя крайне любопытное явленіе. Въ то время, какъ съ одной стороны все повторяется одинъ и тотъ-же мотивъ, мы съ другой замѣчаемъ попытку итти въ глубь, разработку темъ въ смыслѣ психологическаго анализа, какъ Куллерьо, или изобрѣтеніе незначительныхъ по содержанію и исполнѣ случайныхъ эпизодовъ. Правда, эпосъ Калевала въ такомъ составѣ, какъ мы его теперь имѣемъ, скомпилированъ Ленрутомъ, но несомнѣнно, что всѣ эти пѣсни составляютъ нѣчто цѣлое, какъ выраженіе одной и той-же творческой фантазіи, какъ поэтическое достоинствіе одного и того-же народа. Пусть Вейнемейненъ является древнѣйшимъ героемъ эпоса, а Лемминкейненъ—позднѣйшимъ, тѣмъ лучше, если мы можемъ опредѣлять отдѣльные фазисы его возникновенія, если мы можемъ стать на твердую почву историческаго изслѣдованія и отрѣшиться отъ шаткихъ психологическихъ догадокъ.

Мы видѣли, что почти все содержаніе финскаго эпоса построено на тригеминнаціи, видѣли также, что параллелизмъ стиховъ сдѣлался правиломъ. Но одно не зависитъ отъ другаго; каждая стилистическая особенность имѣетъ свои причины и свое развитіе.

III. Общія мѣста и «повторенія» въ русскихъ былинахъ.

Теперь мы приступимъ къ разбору повтореній въ русскихъ былинахъ.

Прежде всего мы выдѣлимъ такъ называемыя общія мѣста, повторяю-

щіяся на каждомъ шагѣ, примѣнимыя при каждомъ событіи, каждомъ богатырѣ. Былина начинается:

Выводилъ Илья Муромецъ добра коня	На копы мурзалецкое...
Изъ завозеньки изъ новыя,	И вставалъ въ стремянышко гольяшное
Накладывалъ онъ потнички бумажныя,	И садился въ сѣдельшко черкасское.
На потнички сѣдельшко черкасское;	Не ясенъ соколъ въ перелетѣ леталъ,
Клалъ объѣтъ на палицу боевую	Не бѣлый вретъ перепархивалъ,
И на саблю острую,	Тутъ ѣхалъ удалой добрый молодецъ.

Стѣить въ первомъ стихѣ вмѣсто Илья Муромецъ сказать Алешенька или Дюкъ Степановичъ или Добрынюшка, и получается другая былина.— Если дѣйствіе происходитъ въ княжескихъ палатахъ, то вступленіе непременно будетъ такого рода:

Во славномъ во городѣ во Кіевѣ	Умный то хвастаетъ добрымъ конемъ,
У ласковаго князя у Владиміра	А разумный то хвастаетъ отцемъ-матерью,
Было пированье сопочестенъ пиръ	А безумный то похваляется молодой
На всѣхъ князей на всѣхъ бояровъ	женой да неудачливой.
На всѣхъ могучихъ богатырей.	
И всѣ на пиру порасхвастались,	

Входитъ гость:

Крестъ кладетъ онъ по писаному,
Поклонъ ведетъ онъ по ученому.

Ему предлагаютъ выпить:

Подымаетъ онъ чару единой рукой,
Выпиваетъ онъ на единый здохъ.

Такихъ излюбленныхъ общихъ мѣстъ можно было-бы выписать очень много. Онѣ почему-то понравились, считались такими удачными, что иначе и нельзя было выразиться. Онѣ представляютъ большое удобство для пѣвца. Сочиняетъ-ли онъ новую былинну, такіе запѣвы очень кстати, воспроизводятъ-ли онъ старую, то прибѣгаетъ къ нимъ, особенно, если память ему измѣняетъ. Притомъ они были общимъ достояніемъ; никто не могъ обвинять пѣвца въ заимствованіи. Но слушатели и не требовали самостоятельности отъ сказителя, не воздавали ему особой хвалы, если онъ импровизировалъ что-

нибудь до сихъ поръ не слыханное, не могли выразить свое недовольство, если онъ сочинить, да неладно и нескладно. Не было, слѣдовательно, никакого поощренія быть оригинальнымъ. Всякая народная поэзія поэтому болѣе или менѣе однообразна. Новыя черты, новыя сказанія навязываются лишь виѣшней судьбой народа. Но и тогда наблюдается стремленіе народного творчества подводить новыя понятія и событія подъ извѣстные ему типы. Почтенъ пиръ устраивается уже не въ Кіевѣ, а въ Москвѣ бѣлокаменной; Илья Муромецъ замѣщается Ермакомъ Тимофеевичемъ. Народная поэзія нарастаетъ, но не вырастаетъ; ея развитіе происходитъ не органически, но кристаллически.—Общезвѣстны ѣпоса птерόεντα Гомера:

Ἦμος δ' ἡριγένεια φάνη ροδόδακτος Ἦώς
ῶροντ' ἄρ' ἐξ εὐνῆφιν и т. д.

Или: οἱ δ' εἰς ὄρχηστὸν τε καὶ ἱμερόεσσαν αἰοιδὴν
τρεψάμενοι τέρποντο, μένον δ' ἐπὶ ἔσπερον ἔλθεῖν.
τοῖσι δὲ терπομένοισι μέλας ἐπὶ ἔσπερος ἦλθεν
δὴ τότε κακχεῖοντες ἔβαν οἰκόνδε ἕκαστος.

Наконецъ:

τέκνον ἐμὸν, πόϊόν σε ἔπος φύγεν ἕρκος ὀδόντων.

По общему толкованію эти повторенія должны быть особымъ художественнымъ приѣмомъ, представляютъ изъ себя остановочные пункты разсказа и придаютъ эпосу спокойный неторопящійся тонъ, отличающій его отъ лирики и драмы. Для современнаго читателя — пусть такъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ свидѣлствуютъ о скудости народного творчества. Приведенный родъ повтореній не имѣетъ ничего общаго ни съ геминаціей, ни съ параллелизмомъ. Это общія мѣста, которыми щедро орудуетъ сказитель, — описанія снаряженія, поѣздки богатыря и боя; это—рѣчи, привѣтствія, ругательства, приказанія и порученія.

Переходъ отъ общихъ мѣстъ къ параллелизму выраженія почти-что незамѣтенъ: первыя примѣняются всегда и вездѣ, когда къ тому представляется случай, вторыя повторяются въ одной и той-же былинѣ. Въ былинѣ о Хотѣнѣ Блудовичѣ (Рыбн. I, стр. 44) въ 28 стихахъ описывается споръ двухъ вдовъ; Блудова жена возвращается домой и рассказываетъ сыну о случившемся, слово въ слово повторяя вышесказанныхъ 28 стиховъ. Равно въ былинѣ о князѣ Романѣ Дмитриевичѣ (Рыбн. I, № 74) сперва рассказывается о нападеніи двухъ ратниковъ на Москву; тотъ-же разсказ передается вонимомъ Роману, а имъ уже всему войску. Еще болѣе пространныя повторенія содержитъ сказочная былина о Ваньѣ Удовкинѣ сынѣ и царѣ Волшанѣ

Волшанскомъ (Рыбн. I, стр. 443).—Эти повторяющіяся описанія не суть общія мѣста, потому что онѣ свойственны только одной какой-нибудь былинѣ; но и по отношенію къ этой одной былинѣ онѣ не служатъ запѣвами. Это—параллельные рассказы одного и того-же событія, которые сказитель то передаетъ отъ себя, то влагааетъ въ уста дѣйствующаго лица былины, то употребляетъ въ видѣ вѣщаго прорицанія. Въ этомъ разнообразіи ситуаций и заключался весь смыслъ этихъ повтореній.

Повтореніе одного стиха по нѣскольку разъ можетъ быть очень кстати. Такъ у Рыбн. I, стр. 241:

Още есть у Ставра чимъ похвастати:
Мои добрые молодцы не старятся,
Мои добрые конюшки не держатся,
Моя золота казна не тощится;
Да още есть у Ставра чѣмъ похвастати:
Есть у Ставра молода жена... ¹⁾

Какое глубокое впечатлѣніе и какая наглядность можетъ быть достигнута посредствомъ повторенія одного и того-же стиха, видно изъ слѣдующаго примѣра:

Разсердился Оника воинъ,	И принимался всею силой богатырскою:
Задѣлъ онъ за сумоцьку ножкой лѣвою,	И по поясъ ушелъ во матушку во сы-
И не могъ онъ сумоцьки повыздынуть;	ру землю,
Задѣлъ Оника ноженькой правою,	И не могъ онъ сумоцекъ повыздынуть.
И не могъ онъ сумоцьки повыздынуть.	И принимался Оника не на шутоцьку,
Соскочилъ Оника со добра коня	И по грудей ушелъ онъ во матушку
И принимался во всю силу богатырскую,	во сыру землю,
И по колѣнъ ушелъ во матушку сыру	И не могъ онъ сумоцекъ повыздынуть,
землю,	И надорвалъ онъ свое ретливое сер-
И не могъ онъ сумоцекъ повыздынуть.	децюшко.
Разсердился Оника по сержину,	(Рыбн. II, стр. 256).
И разозлился Оника по звѣриному	

Единымъ въ своемъ родѣ является отрывокъ былины у Кирѣевскаго (II, стр. 66), гдѣ каждая половина стиха повторяется два раза.

¹⁾ Пространіе это мѣсто Рыбн. II, стр. 115

У попа была бесѣдушка, у дьякова другая,
У дьякова другая: хвалились два брата,
Хвалились два брата, што есть у насъ сестрица,
Што есть у насъ сестрица, изъ терема не ходить,
Изъ терема не ходить, бѣлилъ съ лица не ронить,
Бѣлилъ съ лица не ронить, бѣла лица не кажетъ.

Если эти повторенія не слѣдуетъ поставить на счетъ записателя, увлекающаго тѣмъ, что при пѣніи каждый стихъ дѣйствительно повторялся, то мы въ этомъ небольшомъ отрывкѣ должны видѣть попытку послѣдовательнаго проведенія повторенія. Если-же эти повторенія возникли только благодаря мелодіи, отнюдь не входили въ словесный составъ былины, то тутъ намъ сохранилось свидѣтельство о той причинѣ, на счетъ которой должно быть поставлено введеніе многихъ повтореній въ эпосъ, напр., той особенности, что послѣднія слова одного стиха начинаютъ слѣдующій. Эта особенность, встрѣчающаяся правда на каждомъ шагу, но все-таки не проходящая черезъ всю былинку, теперь уже принадлежитъ къ составу самаго стиха. Если мы теперь находимъ подобнаго рода повтореніе:

Гой еси ты старой казакъ,
Ты старой казакъ Илья Муромецъ!

то оно обуславливается не растягиваніемъ мотива, подобно секвенціи, но требованіемъ эпического приѣма, возникшаго благодаря музыкальнымъ соображеніямъ. Уже въ Словѣ о полку Игоревѣ находится отраженіе этого приѣма въ описаніи битвы при Немигѣ:

Кровави брезѣ
Не бологомъ бяхуть посѣяни,
Посѣяни востыи Русскихъ сыновъ.

Иногда такимъ образомъ связано нѣсколько стиховъ:

А я ржи напашу, да во скирды сложу,
Во скирды сложу, домой выволочу,
Домой выволочу, да дома вымолочу,
Драни надеру, да и пива наварю,
Пива наварю, да и мужичковъ напою.

Въ разсмотрѣнныхъ только-что параллелизмахъ дословно повторяется часть стиха, или одинъ какой-нибудь стихъ или цѣлая повѣствованія; они

не прибавляютъ ничего новаго къ уже сказанному, ни въ чемъ не дополняютъ картины новыми подробностями, развѣ, что иногда не лишены художественнаго значенія. Такъ какъ они касаются только формы, то мы условнымъ называть ихъ формальнымъ параллелизмомъ въ отличіе отъ внутренняго,—метафорическаго. Но между тѣмъ и другимъ существуютъ переходныя степени: здѣсь послѣдній глаголъ повторяется, но уже не въ личной формѣ, а какъ причастіе.

Разставлятъ шатеръ полы бѣлыя,	Сваря кашу, расхлебывать,
Разстави шатеръ, сталъ огонь сѣчи,	Расхлебавъ кашу, сталъ почивъ держать,
Высѣча огонь, сталъ раскладывать,	Богатырскій сонъ на 12 дѣнь,
Разложи огонь, сталъ кашу варить,	На 12 дѣнь, на двое сутокъ.

(Кирѣевск. I, стр. 3).

Тамъ повтореніе предлагается въ видѣ вопроса:

Собирались три русскихъ
Три могучихъ богатыря
Ко кресту ко Леванидову;
Тутъ они крестами побратались.
Кто-же изъ нихъ былъ большой братъ?
Кто-же изъ нихъ былъ средній братъ?
Кто-же изъ нихъ былъ меньшій братъ?
Старой казакъ Илья Муромецъ былъ большой братъ,
Михаилъ Потыкъ сынъ Ивановичъ былъ средній братъ,
А молодой Добрыня сынъ Никитичъ былъ меньшой братъ.
(Рыбн. I, стр. 229).

Но все труднѣе становится различать формальный параллелизмъ, все неудобнѣе указывать на повтореніе одной и той-же мысли. Въ былинѣ «Сорокъ каликъ со калибою» калики «захотали» Еленинскій стихъ:

Не можетъ Владиміръ стоячи стоять,
Не можетъ Владиміръ сидючи сидѣть,
Не можетъ Владиміръ лежучи лежать;

Это однообразное выраженіе, означающее, что Владиміръ не зналъ куда дѣваться.

Добрыня бьетъ челомъ передъ матерью:

Я поѣду, Добрыня, во чисто поле,
 Во чисто поле разгуляюся
 Съ казаками мнѣ, Добрынѣ, показывать,
 Съ молодцами мнѣ, Добрынѣ, повидаться,
 Съ богатырями мнѣ, Добрынѣ, поборотися,
 Богатырскую силу испробовати.

Подъ казаками, молодцами и богатырями разумѣется все одна и та-же богатырская сила. Изъ четырехъ послѣднихъ стиховъ каждый въ отдѣльности *de facto* выражаетъ ровно то-же, что всѣ вмѣстѣ; но по отношенію къ художественности между ними разница. Съ одной стороны: казакъ, молодець, богатырь—понятія, идущія *сгесcendo*, составляющія *клімаѣ*; съ другой казаковать, видаться, бороться все опредѣленіе выражаетъ цѣль поѣздки. Послѣдній стихъ подводитъ итогъ, резюмируетъ сказанное.

До сихъ поръ попадались все формальные параллелизмы, формальные правда, не въ первоначальномъ смыслѣ слова, во всетаки выросшіе на почвѣ дословныхъ повтореній, однако приближающіеся къ метафорическимъ, которые, впрочемъ, и другаго происхожденія и другаго развитія.

IV. Параллелизмъ въ былинномъ эпосѣ.

Проф. Веселовскій въ разборѣ «Матеріаловъ и изслѣдованій» Чубинскаго указываетъ на малорусскіе запѣвы, выражающіе обыкновенно параллелизмъ природы съ настроеніемъ человѣка, изъ которыхъ зародилась народная лирическая пѣсня. «Разработка шла путемъ анализа,—какъ и наше обособленное до эгоизма личное чувство растетъ и изощряется и никнетъ анализомъ, углубленіемъ въ такія стороны чувства, которыя не даны его первымъ моментомъ, его внезапнымъ разцвѣтомъ, непосредственнымъ увлеченіемъ» ¹⁾. Но такіе символическіе запѣвы не чужды и народному эпосу. Въ былинѣ о Волгѣ, напр.:

Говоритъ царь со царицею:
 «Ай же ты царица Панталовна!
 Я знаю про то, вѣдаю:

На Руси-то трава растетъ не по старому,
 Цвѣты цвѣтутъ не по прежнему,

¹⁾ Стр. 37.—См. также въ статьѣ: Новыя книги по народной словесности (Журн. Мин. Нар. Просв., т. ССXLIV).

А видно Вольга-то живаго нѣтъ». На Руси все трава растетъ по старому,
Говорить царяца Панталовна: Цвѣты то цвѣтутъ все по прежнему». «Аи же ты царь Турецъ Санталь! (Рыби. I стр. 186).

Илью Муромца часто привѣтствуютъ:

Одно солнышко на семь свѣти,
Одинъ богатырь на святой Руси!

Въ Словѣ о полку Игоревѣ говорится: Солнце свѣтится на небесахъ, Игорь князь въ Русской земли. Чудный параллелизмъ представляетъ слѣдующее мѣсто:

Отломилась вѣточка	На чужу дальну сторону,
Отъ садовой отъ яблонки,	На чужу дальну сторону
Откатилось яблочко:	За рѣку за Смородину.
Отъѣзжаетъ сынъ отъ матери	(Кирѣевск. II, стр. 61).

Собственно странное и совсѣмъ непонятное опредѣленіе времени:

Когда возсіяло солнце красное
На нашу на землю Святорусскую,
Тогда родился младый богатырь
Младый богатырь Вольга Всеславьевичъ.

По толкованію Рыбникова (I, стр. XVШ) Вольга родился «современно появленію болѣе ясныхъ, первоначальныхъ формъ новаго быта». Но очевидно, мы тутъ имѣемъ извращенный параллелизмъ. Вначалѣ было вѣроятно:

Возсіяло солнце красное...
Народился младый богатырь...

Но такое простое сопоставленіе, должно быть, оскорбляло синтаксическое чувство сказителя, и онъ некстати прибавилъ союзы.

Древнѣйшій видъ параллелизма—безыскусственное сопоставленіе:

На небѣ солнце—въ теремѣ солнце,
На небѣ мѣсяцъ—въ теремѣ мѣсяцъ,
На небѣ звѣзды—въ теремѣ звѣзды,
На небѣ заря—въ теремѣ заря
И вся красота поднебесная.

Иногда самый предмет опускается, и называется только его символъ.
Настасья Романовна заявляетъ Никитѣ только:

Померкло наше красно солнышко,
Потухла звѣзда подвосточная! (Рыбн. II, стр. 215).

Но въ послѣдствіи символъ «объективировался», получая самостоятельное значеніе для воображенія пѣвца, въ родѣ слѣд.:

Какъ бы на соловья не зима бы	Какъ бы на молодца не служба го-
студеная,	сударева
Не морозы крещенскіе,	(И не наборы солдатскіе)
Не леталъ бы я соловей	Не ходилъ бы я молодецъ
По мхамъ, по болотичкамъ	По чужой дальней стороны
По частымъ наволокищамъ:	По Свѣрской Украины ¹⁾ .
	(Рыбн. I, стр. 452).

Но это явленіе не эпическое; оно мнѣ нужно было только для иллюстраціи. — Символъ, получивъ собственные эпитеты и собственныя функціи, отличныя отъ эпитетовъ и функцій описываемаго предмета, въ лирикѣ прекрасно уживался съ нимъ. Еще-бы: символъ реаленъ и сопоставленъ съ чувствомъ нереальнымъ. Реальное никогда не можетъ быть помѣхой нереальному. Напротивъ, чѣмъ больше символъ развивался, чѣмъ картиннѣе онъ разростался, тѣмъ нагляднѣе и осязательнѣе онъ выражалъ туманное представленіе о чувствѣ. Настроеніе медленно-ли, скоро-ли расплывается, воображеніе хватается за твердую орнаментику символа. Не то было въ эпосѣ. Тутъ символъ сопоставлялся съ реальнымъ и опредѣленнымъ фактомъ, и между ними должно было произойти столкновеніе. Это столкновеніе повело къ сравненію. Возьмемъ параллелизмъ:

Знать де полетка соколиная,
Видѣть и полетка молодецкая,
Что быть Добрымъ Никитичу (Кирѣевск. II, стр. 21).

---

¹⁾ Я подозреваю, что этотъ запѣвъ не относится къ слѣдующей былинѣ, которая начинается уже инымъ складомъ:

Проходилъ молодецъ изъ орды въ орду,
Зашелъ молодецъ къ королю въ Литву.

Допустимъ, что воображеніе остановится на картинѣ летающаго сокола; но рядомъ выступаетъ и строго обрисованный, ярвопластичный образъ мчащагося на конѣ Добрыни; сказатель сначала недоумѣваетъ, какъ могли два такихъ разныхъ предмета появиться рядомъ, но вскорѣ соображаетъ, что

Не ясенъ соколъ въ перелетъ леталь,
припомнить еще, что
Не бѣлый кречетъ перепархиваль,
Выѣзжалъ Добрыня Никитичъ младъ.

Но не всегда, а въ народной эпикѣ другихъ народовъ почти никогда, не требовалось подобнаго отверженія и враждебнаго отстраненія напрашивающагося символа: воображеніе заключало съ символомъ извѣстный *modus vivendi*. Оно понимало, что символъ не тождественъ съ изображаемымъ предметомъ, но признавая нѣкоторое сходство между ними, допускало ихъ сопоставленіе, формально однако различая ихъ союзомъ «какъ» или «что». Такъ возникло положительное сравненіе, которое одно только обычно у другихъ народовъ, но въ русскихъ былинахъ занимаетъ лишь второстепенное мѣсто. Разъ символъ формально обособился отъ предмета, то сравненіе могло принимать какіе угодно широкіе размѣры и составить особую картину, разрушающую связь разсказа. Въ гомеровскихъ сравненіяхъ мы за подробностями символа обыкновенно забываемъ сравниваемый предметъ. Или кто напр., читая о конѣ, который ἀκροστήσας ἐπὶ φάτινῃ

δεσμὸν ἀπορρήξας θεῖῃ πεδίῳοι χροαίνων,
εἰσθῶς λούεσθαι ἑορρεῖος ποταμοῖο
κοδιῶν· ὁψοῦ δὲ κάρη ἔχει, ἀμφὶ δὲ χαίται
ᾧμοις αἰΐσσονται· ὁ δ' ἀγλαΐῃφι πεποιθῶς
ρόμφα ἔ γούνα φέρει μετὰ τ' ἦθεα καὶ νομὸν ἱππῶν
(Hom., Z 506—511).

еще удерживаетъ въ умѣ, что это Парисъ спѣшитъ на поле битвы, а не видитъ передъ глазами своей души бодрого коня, мчащагося къ табуны, съ развѣвающейся гривой.

Но порой мы замѣтимъ и болѣе тѣсное соединеніе символа съ предметомъ, доходящее даже до полного сліянія. Если припомнимъ примѣръ изъ причитаній, гдѣ смерть мужа уподобляется закатившемуся солнцу, то понятны будутъ и слѣдующіе обороты:

Укатилося великое желаньицо,
Оно въ водушки, желанье, во глубокія,

Въ дни темны лѣса да во дремучи
За горы оно, желанье, за толкучи. (Барсовъ I, стр. 1).

Или жена тоскуеть:

Ужъ какъ я бѣдна кручинная головушка,
Тосковать да подъ косѣвчатымъ окошечкомъ,
Кововать буду горюша подъ околенькой
Какъ несчастная ковоша на сыромъ бору.

Горемычица отождествляетъ себя съ птицей кукушкой и продолжаетъ по-
тому:

На подсушней сажу на деревиночкѣ,
Я на горькой сажу да на осиночкѣ. (Барсовъ I, стр. 102) ¹⁾.

Но и въ былинѣ я нашелъ удивительный примѣръ подобнаго сліянія сим-
вола съ предметомъ, такъ что качества перваго переносятся на послѣдній и
наоборотъ,—въ былинѣ о царѣ Соломанѣ и Василии Окульевичѣ (Рыбн. П,
стр. 300). На вопросъ Окульевича, отчего дрожить мать сыра земля, Со-
ломанъ отвѣчаетъ, что звукъ его рожка слышали лебеди на синемъ морѣ,
что онѣ вылетѣли и бьютъ крыльями объ воду, что не стало у нихъ ста-
раго царя Соломана. Во второй наконъ онъ уже выражается яснѣе, приписы-
вая гулъ земной скоку добрыхъ коней «кормленыхъ-ученыхъ».—Когда Со-
ломанъ заигралъ въ третій разъ, то рать-сила наѣхала. И вотъ Соломанъ
обращается къ Окульевичу со словами:

Гляди-ка ты на всѣ четыре стороны, Налетѣли мои гуси-лебеди
Почто ты посѣялъ пшеницу бѣлопро- Гуси-лебеди да черныя вороны,
вую, Клюютъ твою пшеницу бѣлопорову.—
Посѣялъ по чисту полю?

Однако такіе примѣры чуть-ли не единичны въ народномъ эпосѣ, они
болѣе свойственны личному творчеству, и то только наиболѣе индивидуаль-
нымъ поэтамъ — Шекспиру, Шелли, Гейне, Ленау ²⁾, и получили высшее
развитіе въ образномъ языкѣ символистовъ. Недаромъ такой стиль называется
индивидуализирующимъ. Но способъ характеризованія народного воображенія
всегда былъ типичнымъ, и поэтому сравненіе является его отличительнымъ
украшеніемъ.

¹⁾ Проф. Веселовскій. Die russischen Todtenklagen (Russische Revue, III т.) стр. 520 и др.

²⁾ Boyle. Das Typische und das Individualisierende in der Dichtkunst.

У. Геминація дѣйствія въ русскихъ былинахъ.

Укажемъ теперь на нѣкоторые любопытные примѣры геминаціи въ русскихъ былинахъ.

Всѣмъ извѣстно, что Вольга при встрѣчѣ съ Микулой сперва посылаетъ пять молодцовъ, «чтобы сошку съ земельки повыдернули», затѣмъ десять, наконецъ, всю дружину. Но вначалѣ это происходило куда проще. Сразу:

Пришла та силушка великая,
Начали сошку за обжи подергивать,
Вкругъ-то сошку повертывать,
А не могутъ сошку повыдернуть;
Туть то Микула Селяниновичъ ¹⁾
Подъѣзжалъ ко сошкѣ кленовыя...
Какъ улетѣла та сошка къ подоблакамъ.
(Рыбн. I, стр. 23).

Разсказъ Дюка Степановича (Рыбн. II стр. 154) о сказочныхъ удобствахъ и чудесахъ въ своей «Индіи богатой, да въ Галичѣ проклятой», такъ какъ онъ былъ похвальной хат'ѣ^{х'у}, получилъ драматическую жизнь и разложился на цѣлый рядъ эпизодовъ о томъ, какъ Дюкъ мараетъ свои сапоги, о томъ какъ онъ выливаетъ зелено вино, какъ онъ не можетъ сѣсть калача, какъ ему жаль своей бурушки-каурушки, что нѣтъ въ Кіевѣ пше-ницы бѣлояровой и пр.

Раньше чѣмъ Илья встрѣчается съ паленицей удалой, къ ней высылаютъ Алешу и затѣмъ Добрыню; но оба не смѣли «у ней силушки отвѣдати». Тогда только выѣзжаетъ Илья. Когда онъ «спустилъ ее на матушку сыру землю» и «ступилъ на бѣлы груди», то трижды обращается къ ней съ вопросомъ о происхожденіи и имени, но только на третій разъ получаетъ надлежащій отвѣтъ. Въ другой былинѣ Добрыня наѣзжаетъ на паленицу и ударяетъ ее, но видя, что она и не оглядывается, для испытанія своихъ силъ расшибаетъ «сырой дубъ по ластиньямъ». Это повторяется еще разъ, тогда только паленица приоглянулась.

Костя Новоторжанинъ, Потанюшка Хроменькій и Хомушка Горбатенькій ничто иное какъ тригеминація, которая своимъ возникновеніемъ обязана тому

---

¹⁾ По ошибкѣ пѣвецъ поставилъ: Вольга Святославовичъ.

обстоятельству, что, дескать, продѣлка Василя Буслаева, этотъ новый способъ набора дружины — очень понравилась. — И Садко не однимъ разомъ закупаетъ товаръ въ Новгородѣ, а трижды. И Нивита Романовичъ, несмотря на всѣ угрозы царя Ивана Васильевича трижды повторяетъ свое привѣтствіе и тогда только открываетъ ему, что сынъ его спасенъ. Въ былинѣ «Сорокъ каликъ съ каликою» сперва за каликами посылаютъ Алешу, но они поколачиваютъ его за невѣжливость, затѣмъ Добрыню, который съ ними обращается какъ слѣдуетъ. Уже въ болѣе позднемъ вариантѣ послѣ Алеша высылается напрасно еще Чурило (Кирѣевск. III, стр. 88).

Интересный примѣръ послѣдующей геминаціи представляетъ изъ себя Соловей съ его семействомъ. Въ Соловьѣ, который вначалѣ былъ одинокъ (Гильферд., № 171) былъ присоединенъ потомокъ, сынъ или дочь, который пытается отмстить за отца. Изъ тригеминаціи потомка получались былины въ родѣ № 10 у Рыбн. I или №№ 5 и 7 у Тихонравова II и большей части былинь о Соловѣ у Гильфердинга. Я не нашелъ былины, гдѣ-бы выступили въ защиту Соловья три сына, повсюду дочери, но вѣроятно и такіа пѣлись въ народѣ. Изъ тригеминаціи трехъ сыновей Соловья получилось ихъ девять (Кирѣевск. I, стр. 43). Въ № 1 Тихонравова II Илья ѣдетъ съ привязаннымъ къ сѣдлу Соловьемъ:

И видитъ онъ въ полѣ девять молодцевъ,
Девять молодцевъ въ кулаки бьются.

Но Илья совѣтуетъ Соловью:

Закляни ты своихъ малыхъ дѣтей,
Не закланешь — самого смерти предашь!

Соловей такъ и поступаетъ.

Ѣдетъ Илья Муромецъ чистымъ полемъ,
И видитъ опять девять сыновъ,
Соловья вора-разбойника.

Тутъ ужъ Соловей самъ отъ себя проситъ ихъ не трогать Илью. — Само собою разумѣется, что Илья встрѣчаетъ еще девять сыновей. Соловей говоритъ имъ:

Не троньте вы молодца прямоѣзжаго,
У меня силы не съ ваше, да старый въ горсти зажалъ.
И не много у него сыновъ — всего двадцать семь.

Кромѣ того въ этой былинѣ еще упоминается объ одной дочери Соловья. Такимъ образомъ Илья вмѣсто одного чудовища одолеваетъ двадцать девять ¹⁾).

Какъ собственно слѣдуетъ понимать описаніе свиста Соловей? Что Соловей издавалъ звуки, похожіе то на свистъ соловья, то на шипѣнье змѣи, то на ревъ звѣрей?—Сомнѣваюсь. Ближе всего было уподобить крикъ Соловья-разбойника соловьиному свисту, ближе всего вслѣдствіе тожества имени, но сказитель нашелъ это слишкомъ слабымъ выраженіемъ такого шума, отъ котораго

Подъ Ильєю конь палъ на-корачъ,
и вотъ онъ прибавляетъ:

Зашипѣлъ Соловей по змѣиному.

Но и этотъ стихъ недостаточно силенъ; понадобился еще третій:

Заревѣлъ Соловей по звѣриному.

Мы высказались, что соловьиный свистъ былъ приписанъ вору-разбойнику по тожеству имени; прямое указаніе, что подобнымъ образомъ возникли и другія черты, находимъ у Кирѣвск. I, стр. 45:

Посвисти, Соловей, по соловьиному,

Пошипъ, змѣй, по змѣиному,

Зрявчай, звѣрь, по туриному.

И Орестъ Ѳедоровичъ Миллеръ допускаетъ подобное толкованіе. «Соотвѣтственно названью собака Соловей еще мызгаетъ по собачьему», говоритъ онъ ²⁾. Уже это колебаніе между мызганьемъ собаки, свистомъ соловья, звѣринымъ ревомъ и шипѣніемъ змѣи — доказываетъ, что эти выраженія не должны быть поняты въ буквальномъ смыслѣ. Притомъ такое образное выраженіе не стоитъ особнякомъ въ русской былинѣ; оно подходитъ подъ категорію выше опредѣленнаго формальнаго параллелизма. Часто этотъ свистъ и не опредѣляется ближе:

Онъ и свищетъ своимъ громкимъ голосомъ,

Его добрый конь спотыкается.

(Кирѣвск. I, стр. 28. Гильферд., стр. 1219)

---

¹⁾ У Тихонравова I встрѣчаются двѣ былины гдѣ выступаетъ 12 сыновей, у Кирѣвскаго (стр. 77) — семь сыновей Соловья.

²⁾ Илья Муромецъ, стр. 262.

Иногда указывается на разные степени свиста, но не на разные манеры получается геминація:

Ужъ какъ свиснулъ Соловей въ четверть свою голоса,
Что столѣтніе дубы зашаталися;
Какъ и свиснулъ во второй разъ онъ въ полголоса,
Что Илья съ конемъ только вздрогнулися;
Какъ хотѣлъ Соловей свиснуть во весь голосъ свой,
Натянулъ Илья Муромецъ калену стрѣлу.
(Бирѣвск. I, стр. 31; IV, стр. 3).

Въ сказкѣ говорится, что Соловей «засвисталъ своимъ свистомъ разбойничимъ крѣпко» ¹⁾. По обычаю разбойниковъ Соловей сидитъ на дубу и караулитъ ²⁾. При послѣдовательной геминаціи выходитъ, что Соловей гнѣздится на трехъ, на девяти, на двѣнадцати, на тридевяти дубахъ.— Свистъ Соловья же сдѣлался общимъ мѣстомъ. Онъ присущъ и Скимену звѣрю (Бирѣвск. II, стр. 10); онъ-же приписывается и коню Добрыни. Встрѣча Ильи съ Соловьемъ оказала воздѣйствіе на былинну о Дунаѣ тамъ, гдѣ его догоняетъ неузнанная имъ невѣста, которую онъ принимаетъ за татарина. Дѣйствіе свиста описано весьма поэтично:

Рыкнулъ Татаринъ по звѣриному,
Свиснулъ Татаринъ по змѣиному;
Въ чистомъ полѣ камешки раскатывались,
Травяшки въ чистомъ полѣ повянули,
Цвѣточки на землю повысыпали. (Рыбн. I, № 30).

Мы ограничимся этими отрывочными замѣтками. Быть можетъ, онѣ не всегда окажутся удачными. Но мы увѣрены, что руководившая насъ мысль животворна. Несомнѣнно, историческое и сравнительное изученіе эпоса должно сопровождаться изслѣдованіемъ вопросовъ, касающихся его производительности: какъ возникаютъ варианты? что сказитель вноситъ новаго въ былинну, которую онъ поетъ? въ какомъ размѣрѣ усваиваются чужіе элементы, съ которыми народъ такъ или иначе сталкивается? какое нѣмѣненіе перетерпѣваетъ событіе въ воображеніи народа? какую роль играютъ при этомъ эпические приемы?

¹⁾ Бирѣвскій I, стр. XIX.

²⁾ Сл. Потебня. Этимологическія замѣтки (Живая Старина III, стр. 125).

какъ былина стирается съ памяти народа и какіе слѣды она оставляетъ, въ видѣ-ли отраженія въ другихъ произведеніяхъ или въ видѣ поговорки или иѣстнаго названія и пр.?—словомъ, изслѣдованіемъ цѣлаго ряда вопросовъ, рѣшеніе которыхъ не только пролило-бы свѣтъ на ту или другую былинку, но и помогло-бы выработать особую методику, применимую уже ко всякому народному эпосу.

К. Тiандеръ.

ОТДѢЛЪ II.

Свадебные причеты, дѣтскія пѣсни и пр. записанныя въ Щетинской, Хмѣлевской и Меленковской волостяхъ, Пошехонскаго уѣзда.

I.

Вы здоровые, сударь-кормилецъ-батюшко и родимая матушка:
Услышали кукушку по кукованью, бѣлую лебедушку по кливанью,
А меня-то молодешеньку по зычну голосу.
Куковала-горевала горька-сирота отъ вечерней зорюшки до утренней—
Что жалѣла себя молодешеньку.

II.

Посудите-ко народъ-люди добрые:
Принесли мнѣ молодёхонькѣ три подарочка—
Первый мнѣ подарочёкъ—Пресвятая Богородица,
Второй-отъ подарочёкъ—куню шубу подвѣчную,
Третій подарочёкъ—златый перстень обручатися;
Посудите вы, народъ-люди добрые,
За который да подарочекъ мнѣ принятися.
Ужъ принятися мнѣ, молодёхонькѣ, что за первый за подарочекъ—куню шубу
подвѣчную—
Куня шуба-та износится.
Ужъ принятися мнѣ молодёхонькѣ за второй-отъ за подарочекъ, златенъ пер-
стень обручальный—
Златый перстень распаяется.
Ужъ принятися мнѣ молодехонькѣ за третій за подарочекъ за Мать Пресвятую
Богородицу:
Слышала красна дѣвица отъ народу, отъ добрыхъ людей,
Что родительское благословленье великое, надѣленное
На огнѣ-то оно нѣ горить, на водѣ-то оно нѣ тонеть.

III. При входѣ священника съ крестомъ въ домъ невѣсты:

Не слыхала красна дѣвица,
Свѣтла свѣтлица раскуталась,
На пята-да становилася,
Со пята долой спустилася—

Вошли, волетѣли дорогіи гости.
Сначала-то пришелъ кормилецъ—духов-
ный отецъ-батюшко—
Умная головушка, разумная,

Голова-та твоя пресвященная,
А рука-та твоя благословенная,
Пришелъ по меня по молодехоньку
Съ врестомъ животворящимъ—
Приведешь да въ честь великую
При послѣдней порѣ-времячкѣ,

При останномъ житѣ дѣвичьѣ:
Ужъ какъ мнѣ-то молодехонькѣ подо-
шла—да пора-времячко
Подъ вѣнецъ нести буйна голова,
Подъ посадъ нести руса коса.

IV. При обрядѣ «покупки мѣста».

Ты послушай-ко, соколъ-милый братъ,
Ты за мѣстечко проси сто рублей,
За дѣвичью красу проси тысячу,
За меня за молодехоньку цѣны не ска-
зывай...
Богъ тебѣ Судья, соколъ милый братъ,

Не поберегъ меня, красной дѣвицы,
Что моей да дѣвьей красоты.
Бросился ты и кинулся
На ихъ слова научѣныя,
На учѣныя, на куплѣныя.

V.

Ты послушай-ко, сударь-кормилецъ-батюшка и родимая матушка,
Соколы вы, братья милые, и голубушки милы сестры!
Вы скажите-ко душѣ да красной дѣвицѣ:
Хоть и дали молодѣ волю великую,
Дали мнѣ платье цвѣтное и дѣвичью-ту повязку—
Не въ пору-да не въ время, къ вечеру-то мнѣ позднѣхонько;
Ужъ дали молодѣ волю великую, ужъ приставили къ молодѣ-да много сто-
рожовъ.

Ты, сударь-кормилецъ-батюшка и родимая матушка,
Развѣ что за мной завидѣли, что завидѣли-заслышали:
У меня у молодехоньки не по старому пошло, по прежнему—
Что завѣшены очи ясныя мелкотравчатой намѣточкой.

VI. При выходѣ невесты для «обзыванья»—приглашенія родни:

Что пошла я красна дѣвица на широкую на улочку
Не по старому пошла, не по прежнему:
Безъ желѣзъ да ноги скованы,
Безъ нарушничковъ руки связаны.

VII. При приближеніи къ дому родни (невеста-сирота).

Ужъ какъ чье это хоромы, чье высокіе?
Во этихъ во хоромѣхъ во высокіихъ
Пошмы-те ли живутъ или дьяканы,
Съ городовъ люди чиновныѣ?
Не пошмы да и не дьяканы,
Что живетъ моя голубушка милѣ сестра,
Мой пріятный, полюбовный зять. (Въ домѣ зятя).
Ты подумай-ко, милѣ сестра,
Хошь и дали молодѣ волю великую—звать-то мнѣ родню родимую
На свою свадьбу сиротскую, на горькую—
Не ждите-ко болѣ заватова,

У меня-у красной дѣвицы посылать-то мнѣ нѣкого,
Поднялась я молодехонька, что безъ батюшки, безъ матушки,
Что во горюшкѣ-то во великомъ.

IX. При входѣ на кладбище.

Походить-ко мнѣ душѣ-да красной дѣвицѣ по площади церковной,
Понскать-ко мнѣ душѣ да красной дѣвицѣ примѣтнова мѣстечка, пристойнова—
Высокія, глубокія могилушки своего кормильца батюшки, родимой матушки. (На
могилѣ).

Ты здорово, сударь-кормилецъ батюшка и родимая матушка.
Узнавай, кормилецъ-батюшка и родимая матушка,
Сѣрю кокушку по кокуванью,
А меня молодую по звичу голосу.
Во останніе-те во послѣдніе я пришла, кормилецъ-батюшка и родимая матушка:
Что встаньте-ко пробудитесь отъ крѣпкова сна отъ мертвого,
Ужъ какъ жалуйтѣ, ходитѣ въ дороги гости на мою свадьбу сиротскую,
Когда посудитесь-да въ дороги гости—
Во полу-ли ночки темныя или по зорюшкѣ-то по вечерней,
На эту-бы пору времечко стала ждать-да дожидатися.
У меня-то у души у красной дѣвицы была-бы свадьбка веселая.
Ужъ я встрѣтила-бы кормильца-батюшка.
Ужъ какъ этого всего не бываетъ.
Не поднимется туманъ со синя моря,
Не всплывать-же камешку поверхъ воды,
Не вырастывать на камнѣ шелковой травѣ:
У моего кормильца-батюшка тремъ замкамъ на сердцѣ заперто.
Отъ замковъ да ключи обраты,
Въ сѣне-морушко да ключи брошены;
Не всплывать-же ключикамъ поверхъ воды,
Не живать-же кормильцу-батюшку,
Не живать да на бѣломъ свѣтѣ,
Только кликать,— не докликаться
И будить—не добудитися что душѣ да красной дѣвицѣ.

X. При возвращеніи, послѣ обыванія родни:

Вы-встрѣчайте-ко, соколы да братья милые, меня душу красну дѣвицу.
Созвала я красна дѣвица всю родню свою родимую,
Своего кормильца-батюшка и родимую свою матушку.
И придетъ кормилецъ-батюшка не вобъавъ да людямъ добрымъ.

XI. Родню «спасаютъ»—благодарятъ.

Вы спасибо, соколъ милый братъ (пере-
бирается вся родня)
На хлѣбѣ да соли, на честной добродители,
Какъ учили молодую уму-равуму потихо-
хоньку, полегохоньку.

Вы простите-ко душу красну дѣвицу
Во тѣхъ во досадушкахъ великихъ,
Какъ жила-тоя красна дѣвица.
Сердечушномъ была неснослина,

На языкъ была не сдержлива.
Ужъ тенерь мнѣ, молодехонькѣ,
Подъ вѣнецъ нести буйна голова,

Подъ посадъ нести руса коса:
Росплетутъ-то мою косоньку,
Росплетутъ-то да надвое.

ХП.

Благослови-ко меня, да Боже-Г-споди,
Поскорбить-то ретиво сердце,
Посмочить да платъё цвѣтное!
Ты послушай, сударь-кормилецъ-батюшка,
Куда-же я больно баско снаряжаюся,
Во свое-да платъё цвѣтное,
Везъ поры да безо времечка,
Везъ Господскаго да праздничка?
Да скажи, сударь-кормилецъ-батюшка и
родимая матушка,
Какъ пойду-то я, молодёхонька, въ обѣд-
нѣ пресвященной
Не по старому пойду, не по прежнему:
Я во горюшкѣ, во кручинушкѣ,
Во слезахъ да во горючѣхъ,
Не въ своей волѣ великой,
Такъ послушай, сударь-кормилецъ-батюш-
ка и родимая матушка,
Подойдите ко мнѣ, молодехонькѣ,

Пока я во душахъ во красныхъ дѣви-
цахъ,
Во своей волѣ великой:
Вы раскройте мелкотравчату намёточку,
Поглядите-ко моего лица бѣлаго—
Играетъ-ли румянецъ во бѣломъ лицѣ,
Сіяетъ-ли моя дѣвья красота,
Ужъ какъ эти-ли камбабурскія блѣз-
дочки? (sic)
Ужъ какъ можно мнѣ знать, можно въ-
дати,

Самой да догадаться,
Не играетъ румянецъ во бѣломъ лицѣ,
Не сіяетъ моя дѣвья красота—
Не по старому пошло, не по прежнему,
Все прошло, да миновалоса,
Все прошло, да порѣшилося
Мое житъё дѣвичье безпечальное, безза-
ботное.

ХІІІ.

Ты послушай, сударь-кормилецъ-батюшка
и родимая матушка,
На что разсердились, расирогнѣвались на
меня на молодёхоньку?
Развѣ вы, кормилецъ-батюшка и роди-
мая матушка,
За мной да что завидѣли, что завидѣ-
ли-заслышали?
Какъ жила-то я у васъ, молодехонька,

Потише я жила ключевой воды,
Пониже шелковой травы,
Берегла, молада, свою волю великую,
Рѣвно дѣшу во бѣломъ тѣлѣ;
Не давала, молада, свою волю великую
Вѣтру-вихорю обдѣвати,
Часту дождику—обдождивать,
Людыжъ добрымъ осмѣивать.

ХІV.

Ужъ какъ какъ же, кормилецъ-батюш-
ка и родимая матушка,
Говорили вы про меня, про молодёхоньку,
Говорили народъ-люди добрые
Славу добрую рѣчь хорошую,

Говорили вы, сударь-кормилецъ-батюш-
ка и родимая моя матушка,
Что съ тобою, дочка шилая,
Что повѣки мы съ тобой не разстанемся:
Ужъ какъ я на васъ вся надѣялась—
На стѣны бѣлокаменны.

ХV. Спасаютъ (благодарить невѣста) на басѣ.

Ужъ какъ стать мнѣ, молодёхонькѣ,
Со этой со лавочки дубовой
На полы да на рудовые,
На свои да рѣзвы ноженьки,
На башмачки на сафьяные,
На чулочки ярославскіе.

Подойти мнѣ, молодехонькѣ,
Ко своему кормильцу-батюшкѣ и роди-
мой моей матушкѣ:
Такъ спасибо вамъ, сударь-кормилецъ-
батюшка и родимая моя матушка,
На хлѣбъ да на соли, на честной доб-
родѣтели!

Ищю спасибо вамъ, сударь-кормилецъ-
батюшка и родимая моя матушка,
На цвѣтномъ платицѣ—шелковомъ,
На шелковомъ на хорошеѣмъ!
Ужъ какъ вѣли сударь-кормилецъ-ба-
тюшка и родимая моя матушка,
На меня да платье цвѣтное,
Не жалѣли да золотой казны—
Наклали да платьѣ цвѣтное
На завистость людямъ добрымъ,

На издивушку да милымъ подруженькамъ.
Какъ надѣну-то я, кормилецъ-батюшка,
Что своё да платье цвѣтное,
Пойду я, молода, во торги да во ярманки.
Во торговны во лавочки—
Завидовали мнѣ мои подруженьки:
«Ты какая, наша голубушка,
Счастливая зародилася у своего кормиль-
ца-батюшка,
Не жалѣлъ-же онъ золотой казны».

XVI.

Ты прощай, кормилецъ-батюшка и ро-
димая матушка,
Во всѣхъ меня досадушкахъ великихъ:
Нагрубила, досажала красна дѣвица,
Сами-то вы знаете, вѣдаете,
Молодымъ-то я была молодехонька.
Какъ теперь мнѣ, молодехонькѣ,
Всѣ прошло да миновалось,
Всѣ прошло да порѣшилось
Хорошее житье дѣвичье, безпечальное,
беззаботное.

Ужъ какъ мнѣ-то, молодехонькѣ,
Что моё-ли житье дѣвичье,
Ровно во сну оно приснилось,
Во просоньцѣ привидалось.
Теперь мнѣ, молодехонькѣ,
Не вѣки-те вѣковати,
Не годы-те годovati,
Не недѣля въ дѣвкахъ сидѣти,
Не другая красоватися.
Не много мнѣ остается норы-времечка—
Одинъ часъ да со минутою.
Жила-то я у васъ, кормилецъ-батюшка
и родимая матушка,
Не видала я, красна дѣвица,
Когда красное солнышко закатается,
Вѣлый день да зарождается.
У тебя, кормилецъ-батюшка и родимая
матушка,

Сумеречки были гульбывые,
Подымочки сонливые.
Родима матушка встанешь по утру по
ранехоньку,
Погодѣ будишь меня молодехоньку:
«Ты вставай-ко, дочка милая,
У меня дѣло не дѣлано,
Вся работа не роботана,
У меня печка не топлена»,

Ключева вода не ношена!
Ужъ какъ встану я, молодехонька, со
мягкія постелюшки,
Погляжу я по своей свѣтлой свѣтлицѣ:
У моей родимой матушки всѣ дѣло при-
дѣлано—

Ключева вода наношена,
Свѣтла свѣтлица истоплена.
И спрошу я у своей родимой матушки,
За какое дѣло мнѣ принятися.
На отвѣтъ-то скажетъ родима матушка:
«Ты чеши-ко буйну голову,
Заплети-ко русу косоньку,
Умывай да лицо бѣлое,
Снаряжайся во свое да платье цвѣтное—
Не во самое хорошее,
Ступай-ко, мое родино дитятко,
Ко своимъ-то милымъ подруженькамъ,
На свою смиренную бесѣдушку—
У меня всѣ дѣло придѣлано».
Теперь у меня, у молодехоньки,
Какъ я стану жить во чужихъ людяхъ,
У чужаго отца матеря:
Станутъ будить-то поранехоньку:
«Ты вставай, сонливая, дремливая!
У меня дѣло все придѣлано,
И работа приработана:
Свѣтла свѣтлица истоплена,
Ключева вода наношена».
Какъ я встану, молодехонька,
Что встану—умоюсь горячимъ слезамъ,
Утруса иравымъ рукавомъ,
Погляжу по темной темницѣ,
По заключенной ключемницѣ:
У лихѣ-то свекровушки
Всѣ дѣло не дѣлано,
И работа не работана—
Тѣмни темница не топлена,

Ключевъ вода не пошена.

У лихѣ-то у свекровушки не знаю, мо-
лода,

За какое мнѣ дѣло принятися.—

Одолить меня горе-кручинушка,

Пристанеть печаль къ ретиву сердцу:

На чужой-ту, дальней сторонѣ

Не знаю, кому повѣдать горе-кручи-
нушку;

Сойти мнѣ во тѣмную во горенку,

Припасть, молодѣ, на приданую коробушку,

Повѣдать-то мнѣ горѣ-кручинушку.

XVII. При приближеніи дружекъ:

Не боятесь, не страшитесь, люди добрые!

Не надѣ вами туча грянула,

Туча грянула, стрѣла ударила—

Надо мной одной туча грянула,

Стрѣла ударила.

Погляди-ко, кормилецъ-батюшка, кругъ
нашего дому благодатнаго,

Подымается туча грозная,

Туча грозная, громовитая—

Подъѣзжаютъ-то чужі люди

Съ чужіе дальны стороны

Къ нашему дому благодатному.

Послушай-ко, сударь-кормилецъ-батюшка,

Пошли-ко сокола брата милаго,

Что-бы купилъ замки да полужённые,

Ключики да мѣдныя,

И заперли-бы вороточка тесовыя,

Не пустили-бы въ благодатный домъ.

Ты поставь, кормилецъ-батюшка,

Ко дверямъ—придверничка,

Ко широкимъ воротамъ—ты сторожа,

Воротятся чужі люди,

Оставятъ меня молодёшеньку,

У кормильца-то у батюшка, у родимой-
то у матушки.

Ужъ какъ можно знать, догадаться,

Не воротится пора времячко,

Ужъ какъ приводить Боже-Господи

Ко судьбѣ-то ко Божьей—

Идти во чужі люди.

XVIII.

Ужъ какъ стать-то мнѣ молодёхонькѣ,

Проти этого чуднаго образа,

Помолиться Боже-Господу;

Ужъ мнѣ складывать крестъ по писан-
ному,

Молитву творить Иисову.

Ужъ какъ первый поклонъ поклонюсь за
царя благовѣрнаго,

Какъ второй поклонюсь за царицу бла-
говѣрную,

Ужъ какъ еще поклонъ поклонюсь за
свою волю великую,

Какъ теперь мнѣ, молодёхонькѣ, по лѣ-
вую по рученьку

Стоять бѣлыя берёзоньки,

Какъ по правую по рученьку

Стоять сады-то всё зелёные,

Съ виноградомъ со увѣшаньемъ;

На зади у молодёхоньки

Стоять лѣса-да тѣмные,

Лѣса тѣмные, дремучіе,

Попередъ молоды красить красно сол-
нышко,

Свѣтитъ да свѣтѣль мѣсяцъ:

Ужъ какъ можно мнѣ знать, можно вѣ-
дати,

Самой да догадаться—

Не сады стоятъ зелёныя съ виноградомъ
со увѣшаньемъ—

Сидятъ мои всё сродники,

Всѣ дядюшки, всѣ тѣтушки и голубушки
милыя сестры:

Не берёзоньки стоятъ бѣлыя

Сидятъ-то мои милыя подруженьки,

Всѣ весѣлыя и радостныя, баскія и на-
рядныя;

На зади у молодёхоньки

Не стоятъ лѣса темныя, лѣса тѣмные,
дремучіе—

Стоять народъ-люди добрые,

Всѣ сосѣди, и сосѣдушки, и сосѣдски
милы дѣтушки,

Попередъ-то молодѣ не красить-то крас-
но солнышко,

Не свѣтитъ-то свѣтѣль мѣсяцъ—

Стоитъ кормилецъ-батюшка и родимая
моя матушка

Съ великимъ благословеньцемъ,

Съ сердечнымъ надиленьцемъ.

XIX.

Благослови, кормилецъ батюшко,
Во послѣдвѣе, во останное,
Пока во душахъ да красвыхъ дѣвицахъ,
Во своей волѣ великоей:
Надѣлите-ко, сударь-кормилецъ-батюшка
и родимая моя матушка,
Надѣлите счастьецеи, талантоцеи—

Благословите меня молодёхоньку.
Я слыхала, молодёхонька, родительское
благословеньице великое, надѣлённое
На водѣ-то оно не тонетъ,
На огнѣ-то оно не горитъ,
Въ чужихъ людяхъ не загончиво.

XX.

Ужъ у насъ во свѣтлой свѣтлицѣ,
Во столовой новой горницѣ
Какъ сидитъ моя милая подруженька.
Ты послушай, моя милая, задушная по-
друженька,
Я объ чёмъ да буду говорить,
Понизку да буду кланяться,
Не оставь-ко моё просьбы великия:
Съдь-ко на моё мѣсто почётное,
Почётное, княжнцкое—
Замѣни меня молодёхоньку,
Отъ этой поры-времечка;
На пожалѣла-бы я, молодёхонька, сво-
его платья цвѣтнаго,
Хошь-бы я, молодёхонька,
Осталась у кормильца у батюшка, у
кормилицы у матушки
По старому, по прежнему,

Да всё-бы по дотольному:
Я пошла-бы молода съ задушными по-
друженькамъ
Во весельѣ, во радости на смиренную
бесѣдушку.
Можно мнѣ знать, можно вѣдати,
Самой да догадаться—
Не замѣнить задушная подруженька
Что меня да молодёхоньку:
Ужъ какъ дѣвка-то я стала на возрастѣ
И невѣста-то стала на выдачѣ—
Ужъ такъ можно мнѣ знать, можно вѣ-
дати,
Никто не замѣнить меня молодёхоньку.
Видно приводить мнѣ Боже-Господи
Самой садиться молодёхонькѣ
Во мѣсто во княжнцкое.

XXI. Невѣста садится съ братомъ, который будетъ «продавать»

Ты послушай, соколъ милый братъ,
О чёмъ я буду говорить, понизку да
буду кланяться,
Не оставь моёй просьбы великіе:
Какъ пріѣдутъ-то чужи люди,
На сдавайся ты на ласковы словечушка—
Какъ у этихъ у чужихъ людей
Золота казна заёмная,

Ласковы слова научёныя.
Ты за мѣстечко-то проси 100 рублей,
За выкупъ проси тысячу,
За меня молоду цѣны не сказывай—
Ужъ какъ я, молода, зародилась у сво-
его кормильца батюшка,
Зародилась я безцѣнная.

XXII. После продажи мѣста невѣста обращается къ брату:

Богъ тебѣ судья, соколъ милый братъ,
Промѣнялъ ты меня молодёхоньку,
На стаканъ зеленѣ вина.
Какъ теперь я, молода,
Рвнушко на льду подломилась,

Во проломъ да опустилася,
Чужимъ людямъ покорилася.
Не сама я покорилася чужимъ людямъ,
Впередъ-то покорился сударь-кормилецъ-
батюшка и родимая матушка.

XXIII. Когда подносят дружѣ вина, не называя его, и тотъ принимаетъ противъ обычая:

Ужъ какъ Богъ тебѣ судья, корми-
лецъ-батюшко:
Нахвалили вы чужихъ людей,
Что и умны и разумные,
И школьные, проворные,
Знаютъ, какъ съ людьми обойтися,

Понизку да поклонится—
Какъ эти-то чужи люди
Видно въ лѣсъ они родилися,
Пенью богу они молилися:
Не знаютъ, какъ назвать ихъ по имени,
Извеличать поизбѣтству.

XXIV. Когда невѣста (сирота) обдарить всю родню:

Какъ послушай-ко, родимая-матушка, со-
колы да братья милые.
Я спрошу васъ, молодехонька,
Всю-ли родню я обдарила:
Всѣхъ-ли дядюшекъ и тѣтушекъ, бра-
товей да своихъ милыхъ,
И голубушекъ родныхъ сестеръ?
Я сама да знаю вѣдаю,
Я во горюшкѣ, во влучинушкѣ,
Во печали во великоѣй
Позабыла я, не сдумала своего кормиль-
ца-батюшка.
Не слышали красны дѣвицы,
Свѣтла свѣтлица раскуталась,
На пята да становилася,
Со пята долой спустилася
Потихохоньку, полегохоньку.
Не въобьявъ да людямъ добрымъ

Какъ во нашей свѣтлой свѣтлицѣ
Вдругъ раскрасило красно солнышко,
Разсвѣтилъ-то свѣтѣль мѣсяцъ.
Остронитесь - ко, народъ-люди добрые,
на всѣ четыре стороны!
Не конѣтъ минѣ проѣхати,
Не корабль-да животы вѣсти—
Одному пройти-проѣхати
Моему кормильцу батюшкѣ
Со великимъ надѣленьицѣмъ,
Съ сердечнымъ благословеньицѣмъ.
Можно знать, можно вѣдати самой мо-
лодехонькѣ,
Съ того свѣту, второго Суда
Нѣтъ не выходу не выѣзду,
Не коннаго, не пѣшаго,
Не письма нѣтъ, не грамотки,
Некакого проповѣдчика.

XXV. При прощаньи:

Ты прощай, кормилецъ-батюшка и ро-
димая моя матушка,
Прощайте меня молодехоньку!

Живите безъ меня—разживайтесь,
Наживайте кошельки да золотой казны.

XXVI. Утромъ, въ день свадьбы:

Ты послушай-ко, сударь-кормилецъ-ба-
тюшка и родимая моя матушка,
Спалась-ли вамъ ночька тѣмная,
Спалась-ли вамъ, лежалась-ли?
Ужъ какъ мнѣ, молодехонькѣ,
Не спалась да ночька тѣмная,
Не спалась да не лежалася.
На малехонько призабылася—
Какъ приснился мнѣ некорыстный сонъ,
Некорыстный сонъ, не радостный.
Ужъ какъ, ровнушко, кормилецъ-батюш-
ко, у васъ на широкомъ дворѣ

Выростала бѣлая берёзонька,
Бѣлая берёзонька, кужлавая,
Со кореньицѣмъ со рудовымъ,
Со отростелькамъ со вѣтлянымъ,
Со листичкамъ со шелковымъ.
Какъ еще, кормилецъ-батюшка, на ва-
шемъ широкомъ дворѣ
Столбы-ти пошатилися,
Верей да поддомилися.
Какъ еще, кормилецъ-батюшка, у ва-
шего дому благодатнаго
Ча́ста ли(ѣ)синка рассыпалась

По одной да половничникъ.
Ты послушай, кормилецъ-батюшка,
Наряди-тко своего сына милаго,
Кой на ноженьку скорёхонёкъ,
На посылочку легахонёкъ,
Ты пошли-ко къ попамъ его, къ дьяка-
намъ, ко всѣмъ причетникамъ—
Не разсудятъ-ли не корыстный сонъ.
Ужъ можно мнѣ знать, можно вѣдати:
Выростала-то не бѣлая берёзонька—
Выростала красна дѣвица со своимъ бѣ-
лымъ ноженькамъ,

Со своимъ бѣлымъ рученькамъ, со своей
да буйной головою.
Не столбы-ти пошатились,
Не веревъ подломилися—
Ужъ какъ я, молода, ровно на льду про-
ломилася,
Во проломъ да опустилася.
Не часта лисенка розсыпалась—
Розсыпалась руса коса по одной да во-
лосиночкѣ.

XXVII. При собираньи невѣсты къ вѣнцу:

Ты послушай, моя милая подруженька,
Заплети-ко русу косоньку во послѣднѣй,
во остоипыѣ,
Еще заплети-да русу косу
Со всякимъ хитростямъ-мудростямъ:
Заплети-ко въ русу косоньку три но-
жичка,
Три ножичка, три булатные,
Три булатные, укладные:
Какъ сведуть-то меня, молодёхоньку,
Въ Божью церковь во соборную,

Поставятъ-то въ вѣнцу золочёному,
Станутъ-то надѣвать вѣнцы золочённые
На мою да буйну голову,
Станутъ расплетать русу косоньку чужи
люди—
Обрѣжутъ они руки бѣлыя,
Отступятся отъ меня, отъ молодёхоньки,
Уйдутъ-то изъ Божьей церкви соборныя,
Оставятъ меня, молодёхоньку,
Стану жить-то я по старому,
По старому—по прежнему.

XXVIII. «Воля», такъ называется этотъ причетъ.

Какъ теперь отошла воля великая,
Отшумѣли вѣтры-вихори.
Отговорили теперь люди добрые,
Отговорили славу добрую,
Славу добрую, рѣчь хорошую про меня
молодёхоньку.
Ужъ какъ систи (сѣсти) молодѣ подѣ
переднее окошечко,
Откутатъ-то мнѣ окошечко—
Поглядѣть молодѣ, куда пошла воля ве-
ликая,
Во вторую путь-дороженьку.
Ужъ какъ пошла моя воля великая,
Пошла вонъ изъ свѣтлой свѣтлицы
И пошла на калиновъ мостъ;
Съ калиноваго моста—на красное крыльцо.
Съ краснаго крыльца—на свѣтлу лисенку.
Пошла-то воля великая,
Пошла она, заохала,
Зарыдала и заплакала,
На меня да рассердилася,

Повѣки она не сулилася.
Вошла моя воля великая во лѣса во
темныя,
Въ лѣса темныя, дремучіе;
Какъ нашла да три дороженьки.
По первой пошла по дороженькѣ—
Медвѣдь-то лежитъ со медвѣдицей,
Ужъ тутъ моя воля испугалася,
Со дороженьки ворочалася.
Какъ еще-то нашла дороженьку,
На этой-то путь-дороженькѣ
Лежитъ змѣй со змѣятами;
Ужъ какъ тутъ-то моя воля испугалася,
Со дороженьки ворочалася.
По третьей-то пошла по дороженькѣ—
Зелёной-отъ дугъ лежитъ разрывчатый,
Ужъ какъ тутъ моя воля испугалася,
Со дороженьки ворочалася.
Ужъ какъ можно знать, можно вѣдати,
Самой да догадаться:
По первой по дороженькѣ

Не медвѣдь лежитъ съ медвѣдицей—
Свѣкоръ со свекровушкой,
На второй-то на дороженькѣ не змѣй со
змѣятами—
Девѣрья со золовущкамъ;

Какъ на третей на дороженькѣ
Не зелѣный лугъ лежитъ разрывчатой—
Лежитъ чужъ чуженникъ (женихъ)
Съ чужіе сторонушки.

XXIX.

Какъ пошла я, молода, по пути да по
дороженькѣ,
На встрѣчу-ту идетъ старость бабья,
На горбу-то да кошель висятъ,
Костылемъ да подпирается,
Сама собой да похваляется:
«Какъ тебя я, красна дѣвица,
Взавтра малѣхонько, поране этого,

Обещешу, красна дѣвица—
Смыу съ головушки дѣвью красоту,
Росплету я русу косоньку при народѣ,
при добрыхъ людяхъ,
При попахъ и при дьяконахъ,
При всѣхъ причетникахъ,
При милыхъ задѣш(ев)ныхъ подружень-
кахъ».

XXX.

Подойди-ко, родима тѣтушка ко мнѣ мо-
лодѣхонькѣ
Во послѣдніе, во останніе,
Научи-ко, какъ жить во чужихъ людяхъ,
Привыкать-то мнѣ ко чужимъ отцу-ма-
тери,

Какъ тошнѣе того привыкать къ чу-
жому-чуженнику—
Ужъ какъ ровно къ крапивушкѣ ко
жгучей,
Ко морозу ко трескучему.

XXXI. Невѣста пѣняетъ отцу, что далѣко просватали:

Поверсталъ (просваталъ)-бы ты меня,
кормилецъ-батюшка,
Поблизѣхоньку—на одворинку.
Вы верстаете меня, кормилецъ-батюшко.
Далѣкимъ-то далѣкохонько—

На чужую дальну сторону:
На эту-то дальну сторону
Не ходить, не ѣздить добры-люди,
Только летаютъ одѣе вольны пташечки
По жеребью да по порадочку.

XXXII. При рукобитьѣ, невѣста проситъ свою замужнюю сестру:

Подойди-ко ты ко мнѣ, голубушка мила
сестра,
Пока я во своей волѣ великой,
Во душахъ во красивыхъ дѣвицахъ,
Подсоби-ко ты мнѣ горяшка погоревать,
Великихъ слѣзъ поубавити;

Поучи-ко, моя голубушка, уму-разуму,
Какъ жить во чужихъ людяхъ;
Нашто (вѣроятно) много надо ума-разума
И обычай-то лѣгкаго;
Не дадутъ далѣко мнитъ разгуливать,
Широко они расхаживать?

XXXIII. Сестра, въ отвѣтъ на просьбу невѣсты:

Ты послушай-ко, голубушка мила сестра,
Не знаю, молода, испугать-ли тебя, обра-
довать,
Какъ жить во чужихъ людяхъ.
Ты живи-ко, моя голубушка,
Держи голову споклонную,
Ретиво сердце спокорливо;

Называй-ко ты ихъ по имени,
Величай по изотчеству;
До чужого-то чуженна
Будь ты ласкова, привѣтлива,
Еще, моя голубушка,
Ты живи-ко во чужихъ людяхъ,
Не держи-ко задушныхъ подруженекъ;

Когда стоскуется, сгрустнется,
Ужъ какъ выйди ты во чисто поле,
Припади-ко на горючей на камешокъ
своимъ ретивымъ сердечушкомъ.

Повѣдай свое горюшко великоё:
Горючъ камешекъ не выскажетъ,
Мать-сыра земля не вынесетъ.

XXXIV. Невѣста благодарить за совѣтъ:

Спасибо тебѣ, голубушка мила сестра,
Почила меня уму-разуму,

Ровно легче-то стало ретиву сердцу.

Слѣдующіе (дѣтскіе) стихи обращаютъ вниманіе своей формой—размѣромъ, совершенно похожимъ на тоническое стихосложеніе. Такое стихосложеніе, по господствующему мнѣнію, было чуждо народной поэзіи, а въ искусственной впервые введено Тредьяковскимъ и Ломоносовымъ. Дѣтскіе стихи, колыбельныя пѣсни представляютъ всѣ виды тоническаго стихосложенія, хотя среди нихъ мало стиховъ строго выдержанныхъ по формѣ, т. е. напр., одинъ хорей; чаще всего въ смѣси:

Х о р е й.

I.

—«Заяцъ бѣлой
Куда бѣгалъ?»
—«Въ лѣсъ ду-бовый»
—«Что тамъ дѣлалъ?»
—«Лѣско дралъ».

—«Куда клалъ?»
Падъ ко-лѣду.
—«Кто у-кралъ?»
Шйшелъ вышелъ,
Вѣнь по-шелъ.

II.

Дѣждикъ, дѣждикъ,
Пере-стань!
Я по-ѣду въ Горно-стай

Д а к т и л ѣ: Богу мо-лѣться, Хри-
стѣ поклонѣться.
У Хри-стѣ сиро-тѣ отво-рѣла во-
рота.

III.

Рѣдуга, дуга, (смѣшанный).
Не давай дождя,
Давай солнышка—колоколнышка.

IV.

Загорѣлся кѣшинъ домъ,
Кѣшка выбѣжала,

Глаза выпучила,
Побѣ-жала къ кѣба-ку.

V.

Гуля-Гуля голубокъ,
Кто тебя зарѣзалъ?
Батюшка зарѣзалъ,
Матушка велѣла.
Сестрица не ѣла,
Падъ столонъ сидѣла,
Косточки глодала,

На небо кидала.
На небѣ-то люди;
Люди пропали
Вора оклепали.
Воръ-то божится:
«Право-нераво, не я».

VI (колыбельная).

Гули, гули-гуленьки,
Прилетали голубки.

Стали они ворко-вать,
Стали Митеньку качать.

VII (когда ходятъ въ лѣсъ за грибами, просятъ):

Никбла Никѡла, (Амфибрахій)
Наболли лубѡшко

Стѡгомъ верхѡмъ
Перевырытшкѡмъ!

VIII.

Чикйлики, шикйлики,
По кѡсту, по нѡсту,
По лебедю горѡзду.

Шинель вышелъ,
Вонъ пошелъ!

Этимъ стихомъ находятъ, кому въ извѣстной игрѣ «водить», т. е. напр., если играютъ, «въ убирки», то всѣ прячутся—убираются, а одинъ ищетъ—«водитъ». Возжатаго выбираютъ такъ: участники игры становятся въ кружокъ, и одинъ говоритъ стишокъ, ударяя на каждой стопѣ по порядку одного изъ мальчиковъ; кому ударъ придется на послѣдней стопѣ, тотъ и водить.

Коляда на Рождество, записана въ Хмѣлевской волости, Пошехонскаго уѣзда.

Благослови-ко ты, хозяинъ,
Подъ окошко въ стѣ,
Коляду разсказать.
Ужъ какъ наша коляда
Не велика, не мала—
Она въ двери не лизетъ,
Въ окошко шьетъ,
Черезъ улицу метететъ,
Черезъ тѣнь подаетъ.

За заслонкой-то жолудокъ—
Подавай его сюда;
На полицѣ-то пирогъ—
Ломай поперегъ.
Кто дастъ пирога—
Цѣльный дворъ живота;
Кто не дастъ пирога
Ни кола, ни двора,
Ни милаго живота.

«Азбульба»—современная дѣтская игра указываетъ на древнее происхожденіе дѣтскихъ игръ и бесперемѣнную ихъ передачу, можетъ быть выродоженіи столѣтій до настоящаго времени. Такъ, въ этой игрѣ сохранилось древне-славянское слово «азъ»—я, потерявшее въ наше время для народа свое значеніе: игра называется «азбульбой»—именемъ, въ которомъ соединены два слова—«азъ» и «бульба». Въ примѣненіи къ дѣтскимъ игровымъ стихамъ это свойство имѣетъ особое значеніе, доказывая, что тоническое стихосложеніе дѣтскихъ стиховъ имѣетъ очень древнее происхожденіе.

Игра эта такова. Изъ участниковъ игры одинъ становится къ стѣнѣ, другіе въ недалекомъ разстояніи отъ него.

Стоящій у стѣны говоритъ:

—«Азъ Вульба?»

—«Ты Вульба»—отвѣчаютъ другіе.

—«Нажимай кулаки!» командуетъ Вульба.

—«На чье боки?» спрашиваютъ другіе, приготовляясь напасть на того, кого назоветъ Вульба.

Вульба называетъ одного изъ участниковъ, на котораго тотчасъ-же всѣ нападаютъ, стараясь дольше не допустить до стѣны, гдѣ его не трогаютъ, и онъ самъ

становится Бульбой. Если его сшибуть съ ногъ, когда онъ не успѣетъ добѣжать до мѣста, его не трогаютъ, предупреждая другъ друга: «лежачаго не бьютъ». Добѣжавъ до мѣста, онъ кричитъ: «Чуръ (славянскій богъ) на мѣстѣ!»—которое останавливаетъ тотчасъ его рыаныхъ преслѣдователей.

Пѣсни и причѣты—въ дополненіе собранныхъ отъ 1892—96 гг. по М е-
ленковской волости, Ярославской губ.

I. Старинная народная пѣсни.

Какъ во городѣ во славномъ Кіевѣ
У богатаго купца были три сына.
(Отецъ съ матерью ночку не спали,
Ночку не спали, думу думали:
«Намъ котораго сына въ содатушки от-
дать—
Ужъ какъ перваго отдать—дѣти малыя;

Намъ второго отдать—жена умная;
Намъ отдать не отдать сына младшаго».
Ужъ какъ младшій сынъ распикался,
На отца, на мать пораспрогнѣвался:
«Уже что я вамъ, или не сынъ былъ?»
«Или ты мнѣ—не родная мать,
«Не родная мать, злая мачиха?»

II. Свадебный причѣтъ (импровизація одной невесты-сироты; переданъ ея тѣткою).

Ты поди, кормилица тѣтушка,
Что ко мнѣ да молодѣхонькѣ,
Къ сиротѣ да горе-бѣдной;
Не прогнѣвайся, моя кормилица,
Что не вышла, да не встрѣтила,
Не брала я за бѣлы руки,
Не садила на честно мѣсто,
На честно мѣсто, на лавочку.
Я спрошу да, молодѣхонька,
Ужъ ты ѣхала путемъ-дорогою,
Ты глядѣла на всѣ четыре стороны—

Не летятъ-ли гуси сѣрые,
Не летитъ-ли младъ ясенъ соколъ;
Не идеть-ли кормилецъ-батюшка
Не несеть-ли кормилецъ-батюшка
Во рукахъ-то Богородицу,
Во устахъ благословеньице?
Вѣрно мнѣ да, молодѣхонькѣ,
Видно ждать да не дожидатися,
И глядѣть не доглядѣтися не съ кото-
рую сторонушку.

III.

Вы послушайте, братья-батюшки,
Я о чѣмъ да буду говорить,
Понизку да буду кланяться—
Отъ бѣла лица—до пояса,
Я отъ пояса—до сырой земли:
Я пойду да, молодѣхонька,
Во поля-то я во чистые,
Во луга да во зелѣныѣ,
Во траву да во шелковую;
Положу я дивью красоту

Во траву да во шелковую;
Что придетъ да лѣто теплое
И пойдете, братья-батюшки,
Со косами да со вострыми,
Вы подрѣжьте дѣвью красоту во лугахъ
да во зелѣныхъ,
Принесите во свой благодатный домъ,
Положите, братья милые, подъ середнѣе
окошечко.

Нѣкоторые измѣненія въ ранѣе сообщенныхъ и отрывки.

I.

Не бѣла лебедь вскричала—
Мать по дочери всилакала:
«Дорогая дочка милая,
Чадѣ милое—дочь любимая,
Позабыла ты трой ключи:

Первый ключъ отъ свѣтлой гореньки,
Второй—отъ комода красна деревца,
Ужъ какъ третій ключъ отъ своей вс-
люшки».

II.

Облетал соколъ всю Святую Русь,
Не нашёлъ соколъ житья, лучше дѣвичья:

Житиё дѣвичье—воля вольная,
Воля вольная, безумная.

На челобитьѣ (одинъ изъ древнихъ свадебныхъ обычаевъ, до сихъ поръ сохранился въ Хмѣлевской волости, Ярославской губерніи).

Нѣкоторыя загадки при продажѣ мѣста.

Двери комнаты, гдѣ сидитъ невѣста, держатъ подружки,—не пускаютъ дружку, пока онъ не прочитаетъ Иисусовой молитвы. Дружка подходитъ къ столу, гдѣ сидитъ невѣста, опять читаетъ ту-же молитву. Кто продаетъ мѣсто (часто сторонній ловкій человѣкъ) начинаетъ загадывать загадки дружкѣ. За неотгадку дружка платитъ золотой казной. Для этого, чтобы произошла «замятка»—дружка не отгадалъ бы, дѣвицы поднимаютъ столы на одни ножки и зажимаютъ въ столѣ сучки. Предъ загадываніемъ входятъ поѣзжанъ.

—«Чѣмъ ты напередъ шёлъ»?—спрашиваетъ продавецъ мѣста дружку; если послѣдній не опытенъ, то можетъ отвѣтить не внонадъ—«Ногами»,—напр., (отгадка—Иисусовой молитвой).

—«Подай мнѣ море на четырёхъ столбахъ»? (Яндову съ пивомъ).

—«Самъ нагъ, рубашка подъ пазухой»? (Свѣчка восковая).

—«Поставь домъ—углы вызолоти, середку высеребри». (Накласть денегъ на столъ—на углы золото, чаще, конечно, серебро; на срединѣ серебро или мѣдъ).

—«Подай сиваго коня, чтобы могъ вывести меня»? (жениха).

Во время столованья до вѣнца, женихъ садясь за столъ, наступая правую ногу невѣстѣ и беретъ правую руку «отъ порчи».—Обычай, с. въ Хмѣлевской волости, Пошехонскаго уѣзда.—Здѣсь-же сохранились старинныя названія п существующіе роли при свадебной церемоніи, не говоря уже о дружкѣ, полудружкѣ, сватахъ, свахахъ, посаженомъ отцѣ матери, тысяцкаго, который не отлучается отъ жениха и во время обрядовъ водить его подъ руку; названія «большого или меньшаго барина»—большого и меньшаго боярина.

О сохранившемся до сихъ поръ обрядѣ «челобитья» упоминается въ описаніяхъ свадебъ второй царя Михаила Феодоровича и первой Алексія Михайловича: «Государь . . . послалъ царицыныхъ дружекъ къ царевнѣ сказать, что-бъ она шла въ грановитую палату на мѣсто. Они-же, пришедъ, ударили челомъ, п старшій изъ нихъ сказалъ» и т. д.

Изъ народныхъ суевѣрій по Ярославской губерніи:

I. Прощаніе съ землей. Обычай этотъ соблюдается «въ приткѣ», т. е. такой загадочной болѣзни, для которой онъ не находитъ причинъ. Такъ, совершенно до этого времени здоровый человѣкъ, находясь на волѣ—въ тѣдѣ, на работѣ, въ ходѣбѣ, вдругъ почувствуетъ боль въ какой-нибудь части тѣла; если, спустя нѣкоторое время, болѣзнь не только не прекратится, но будетъ усиливаться—для крестьянина несомнѣнный признакъ, что онъ наказанъ отъ матери-сырой земли за свою провинность. Чтобы выздороветь, нужно проститься съ мѣстомъ, гдѣ почувствовалъ боль. Прощаются на девяти вечернихъ и девяти утреннихъ зоряхъ. Приходя на мѣсто, становятся лицомъ къ востоку п трижды говорятъ: «прости, мать-сыра земля, въ чемъ тебѣ я досадилъ». Послѣ каждаго заговора дуютъ и плюютъ черезъ правое плечо и кланяются въ землю. Если «попритчится» скотинѣ, хозяева, за неизвѣстностью мѣста, прощаются за скотину на повѣти.

II. Заговоръ отъ грыжи. Когда гдѣ нибудь у крестьянина появится грыжа, подѣ которой часто разумѣютъ всякую опухоль на тѣлѣ—то самымъ вѣрнымъ средствомъ считается самому грызть зубами грыжу по зорямъ, приговаривая при этомъ: «грыжа, грыжа, не ты меня грызешь, а я тебя грызу».

III. Озѣнъ. Такъ называется въ народѣ болѣзнь, которая приключается отъ дурного глаза. Болѣзнь эта можетъ выражаться, по повѣрью, въ разныхъ формахъ и иногда настолько сильныхъ, что можетъ кончиться смертью. Отъ озѣпа лѣчать особые, «знающіе» люди. Лѣчение состоитъ въ отчерпываньи воды. Въ чѣмъ состоитъ отчерпыванье—составляетъ секретъ «знающихъ» людей.

IV. Урош(ч)ные камни. Такъ называются находимые по большей части въ рѣкахъ жолые, фигурчатые съ дырочками камни, которые привѣшиваютъ къ намести курицей, чтобы водились куры. Урочные камни особенно необходимы, когда курицъ обижаютъ кикимора, выдергиваетъ имъ перья и всячески томитъ ихъ.

V. Осьи соты считаются самымъ вѣрнымъ средствомъ, чтобы водилась скоть.

VI. Чтобы предотвратить неурожай, который всегда бываетъ, когда поворачуть въ полѣ или огородѣ, окуриваетъ это мѣсто гнилой соломою.

Сказеньки.

I. Объ женскомъ ехидствѣ. Билъ мужъ жену, хотѣлъ добиться, чтобы она не ругалась. Побѣтъ, побѣтъ да отстанетъ; а жена всё: «скребокъ да скребокъ»—такъ ругали мужа.—Билъ онъ её, билъ, а баба всё ругалась, пока языкъ ворочался. Наконецъ, добился до того, что отшибъ ей языкъ и запряталъ подѣ лавку. Но и тутъ не унялась ехидная баба,—не языкомъ, такъ другимъ досадила мужу: забитая подѣ лавку, безъязыкая, она ногтями скребла полъ, напоминая о его ругательномъ прозвищѣ.

II. Лѣнь и отетень (понятіе подобнаго рода лѣни). Лежали лѣнь да отетень подѣ яблоною. И говоритъ лѣнь отетеню: «отетень, отетень, раскрой ротъ—яблоко-то съ яблони и попадетъ въ него». А отетень лѣни и отвѣчаетъ: «лѣнь, лѣнь, какъ тебѣ не лѣнь ротъ-отъ раскрывать!»

Приводимыя пѣсни представляютъ образцы примѣненія старинныхъ причетовъ, представляющихъ прежнія идеальныя семейныя отношенія къ настоящимъ, современнымъ, часто далеко не добрымъ.

Причитаетъ мать надѣ сыномъ, который женится «по своей волѣ»—не спросивъ согласія родителей.

I.

Сидись-ко ты, родимое дитятко.
Въ дорогое-то мѣсто княженецкоё,
Скажи-ко мнѣ, дородный добрый молодецъ,
Попрошаль-ли ты благословеньца великаго,
Надѣленьца сердешнаго?
Такъ скажи-ко, мое болѣзное дитятко,
Благословилъ-ли тебя родимой-отъ батюшко
Верстаться (жениться) безъ поры—безо
времечка.

Я сама да знаю-вѣдаю,
Не благословилъ-бы тебя родимый батюшко;
Только я да бѣдна горькая
Дала тебѣ благословинице великое
И не отъ радияны-то родимаго сердечушка—
По неволѣшкѣ по великойей.
Что ты ростъ-то у меня не по свротскіе,
Гулялъ-то ты не по молодецкіе;
Безпокоилъ меня горе-бѣдную—
Прогулывалъ да ночки тѣмныя,

Просыпалъ да деньки бѣлые.
И скорбялъ ты меня горе-бѣдную,
Что досаждалъ ты людямъ добрымъ,
Всѣмъ сосѣдямъ и сосѣдушкамъ

И верстаю тебя, болѣзное дитятко,
Не на славу добрымъ людямъ —
На большое осужденъце.

II.

Я одна да горе-бѣдная,
Что живу да на бѣломъ свѣтѣ;
Некому мнѣ повѣдать своего горя-кручи-
нушки,
Что неволюшки великоей.
Какъ стоскнется мнѣ и взгрустнется,
Выйду я во чисто-поле,
Сяду я на горячъ камень,

Скукую я по кукушечью,
Сгорюю я по горюхину
И подамъ да свой сдышѣнъ голость
Высоко да по поднебесью,
Далѣко да по Святой Руси—
Въ города-ти понпзовскіе,
Ко своей да ладѣ милой.

Одинъ изъ «спасательныхъ» — которыми невѣста благодаритъ родню — причетовъ.

Спасиботе вамъ, братья-батьюшки,
Что украсили красну дѣвицу,
Съ головы-то да дѣвью красоту,
Русу косоньку — алымъ ленточкамъ,
Со стану-то меня платьемъ цвѣтнымъ.
Какъ я стану жить во чужихъ людяхъ,

Не покиньте ко меня, братья милые,
Приглубите вы меня,
Хоть не хлѣбомъ - солью — Божьей ми-
лостью,
Ласковымъ словомъ привѣтливымъ.

Изъ причѣта къ свату.

Въ ланти-ти злодѣй (сватъ) обувается,
Къ нему кѣла надвигается,
Онъ отъ кѣлы отпирается:

«Не моя, — де, кѣла — дружкина,
Кѣла дружкина съ полудруженьемъ».

Старинная пѣсня (стихъ съ рѣзками).

Тѣшилъ свои очи —
Не спалъ до полночи.
Весь я истомился,
На бокъ спать ложился.
Сталъ я засыпѣти —
Горе забывѣти.
Пришла ко мнѣ радость, радость дорогая,
Радость дорогая — дѣвица любая.
Брякнула въ колечко,

Вышелъ на крылечко.
Сталъ я отпирати,
За рученьки брати.
За рученьки брати — повелъ во свѣтлицу,
Повелъ во свѣтлицу красную дѣвицу.
Посадила за столѣтъ,
Налилъ вина чару,
Налилъ вина чару, самъ я выпилъ пару.

Сообщилъ Яковъ Ильинскій.

Рекрутскія причитанія.

(Въ Тульской губ.).

Къ солдату народъ относится сочувственно и любовно: въ немъ видятъ защитника царя и отечества, его признаютъ человѣкомъ бывалымъ, много видавшимъ и умудреннымъ долгимъ пребываніемъ на чужой сторонѣ «въ военной наукѣ», и ему посвящаютъ массу сказокъ, въ которыхъ выводятъ его всегда торжествующимъ героемъ.

Но не смотря на это свое уваженіе и на эту любовь къ солдату, народъ не можетъ оставаться равнодушнымъ къ отбыванію воинской повинности, — и уходъ изъ семьи члена въ солдаты для крестьянскаго семейства является великимъ горемъ и представляется большимъ несчастіемъ.

Хотя крестьяне говорятъ, что «въ нонѣшнее время отслужишь—собака съ кошкой не забудутъ, а прежде со службы придешь—ви роду, ни племени», но собственно чувства, которыя приходится испытывать имъ при проводахъ рекрутовъ, почти также тяжелы и ужасны, какъ и въ прежнее время—въ періодъ стараго порядка отбыванія рекрутчины, когда солдатская служба вазывалась «злодійной», «грозной», «убойной», — начальники — «супостатами», «злодіями», «свирѣпыми», «скрозекозными», — солдатское житье — «великимъ безтазаньцемъ и горе-горькимъ живленьицемъ», — когда жена и мать совѣтывали рекруту — «безчастной головушкѣ» «на убѣгъ бѣжать», «укатиться отъ родинки на чужую сторонушку на эти уречныя недѣлюшки», чтобы «не знали судьи не правосудные», «не догадались-бы власти страховитые ¹⁾»...

На сколько въ общемъ страшна еще для крестьянина военная служба, объ этомъ свидѣлствуютъ случающіеся въ деревнѣ факты, когда парни, прывывающіеся ва службу, въ видахъ освобожденія отъ нея, увѣчатъ себя на всю жизнь, выворачивая или обрубая у себя на рукахъ пальцы, употребляя знахарскіе настои, прывивающіе къ нимъ часто неизлѣчиму ю чахотку, и т. п. А народная пѣсня даже не признаетъ никакой другой нужды, никакого другого горя, кромѣ солдатскаго:

Деревенски мужики
Съ псконъ вѣка дураки:
Во солдатахъ не бывали,
Нужды-горя не видали!..

Родные рекрута начинаютъ его оплакивать за вѣсколько недѣль и даже мѣсяцевъ до разлуки съ нимъ, и причитанія въ домѣ его семейныхъ становятся обычнымъ явленіемъ: къ нимъ прибѣгаетъ въ минуту грусти и мать рекрута, и жена его, и сестры.

Самъ рекрутъ послѣдніе дни на родинѣ проводитъ обыкновенно въ пьянствѣ и разгулѣ съ своими сверстниками, — ему какъ-бы не по силамъ трезвому видѣть печальныя осущившіяся лица своихъ близкихъ, слышать ихъ плачь, выносить ихъ лихорадочныя взоры, въ которыхъ видно столько душевной муки, и сознавать, что скоро наступитъ конецъ его «волѣшкѣ»...

Яркую картину тѣхъ чувствъ, которыя приходится переживать близкимъ род-

¹⁾ См. Причитанія Сѣвернаго края, собр. Е. В. Барсовымъ. Ч. II, 1892 г. Москва.

Провожу я своего друга,
Провожу я своего милаго,—
Возвращусь я въ свой домокъ,
На пустую кроватку посмотрю...
Въ какой я уголокъ не гляну,
Въ какой я уголокъ ни кинусь,—
Вездѣ мнѣ холодомъ несеть!..
Свалилась моя бѣдная головушка
По самыя плечки!

Отгорвалось мое сердечко!
Родимая моя матушка!
На что-жъ ты меня породила такую
горькую,
И въ чужіе люди опредѣлила—такую
несчастную?
Лучше-бы мнѣ не родиться на такое
горе,
На такое лютое!

Горе солдатки усложняется, когда она осагается съ малолѣтними дѣтьми на рукахъ, такъ какъ ей приходится переживать результаты своего одиночества и безпомощности, переносить оскорбленія и обиды, уже не одной, а еще съ другимъ существомъ, близкимъ ей, но болѣе слабымъ, чѣмъ она сама.

Милый мой дѣтёнокъ!
Остался ты безъ своего батюшки!
Никто тебя, дитятко, не приласкаетъ,
Никто тебя милаго
Къ своему сердечку не прижметъ!
Сдѣлаешься ты, дитятко, въ семьѣ

Всѣмъ какъ будто не родной, —
Сдѣлаешься ты въ ней
Какъ будто чужой!
Будешь ты холодный и голодный,
Всѣ будутъ надъ тобой надругаться,
Всѣ будутъ говорить ва тебя: обжорный!

Въ причитаніи солдатки встаютъ собственно тѣ-же картины горя, слышится та-же скорбь по уtratѣ любимаго человѣка и вмѣстѣ — кормильца и заступника, что и въ похоронныхъ причитаніяхъ ¹⁾. Да это впрочемъ и естественно, при долговременности предстоящей разлуки и постоянной для солдата возможности, въ случаѣ войны, положить свою душу «за царя и отечество». Но «пока живъ человѣкъ, живое и гадается», говорить народная пословица. Такъ и въ данномъ случаѣ: женщины не хочется думать, что проводы рекрута — для нея «последнее съ нимъ свиданіе»,... и она боится, чтобы другъ ея милый не зміѣнился въ отношеніяхъ къ ней, не увлекся другими «незаконными», и въ свою очередь старается усюконтъ своего мужа на счетъ себя, причитывая:

Голубчикъ мой милый!
Дорогая моя дружечка!
Дай Богъ, чтобы у тебя не нашлось луч-
ше меня,
А я-то и не подумаю...
Другъ мой милый!

Напиши ты съ дальней сторонушки
Хоть словечушко,—
И это мнѣ будетъ радостно,
И это мнѣ будетъ весело,
Что ты меня не забылъ!

Женщина, ясно представивъ себѣ неприглядное будущее, какое ожидаетъ ее по уходѣ мужа,—проникается лишь однимъ желаніемъ, чтобы это безотрадное скорѣе миновало, скорѣе-бы возвратился ея «дружечка», и жизнь ихъ потекла-бы по прежнему... Она голоситъ:

Милое мое дитятко!
Родимое мое дитятко!
Помолись ты Господу Богу милостивому
Возвратиться твоему батюшкѣ..
А то возростешь ты въ неродной семьѣ
Всѣмъ чужой!..
Будемъ мы своего батюшку поджидать,—

Придетъ онъ, мой дружечка,
Придетъ онъ нашъ милый!
Всѣ твои денечки,
Всѣ твои часочки—
Всѣ я сосчитаю:
Авось мой дружечка воротится назадъ!

¹⁾ Ср. мою статью: „Похоронныя причитанія“, т. XIII—XIV Этнографическаго обозрѣнія.

Особенно тяжело это ожиданіе, когда находящійся въ солдатахъ не шлетъ домой никакого извѣстія:

Глянь,—о моей дружечкѣ слуху нѣтъ!
Выйду я на улицу;
Гляну на всѣ четыре сторонушки:
Нейдетъ-ли кто,

Не ѣдетъ-ли,—
Не несетъ-ли слухочку о дружечкѣ моей?
Никакого слуху нѣтъ
И никакой вѣсточки!

Плачь матери, по своему содержанію, въ общемъ одинаковъ съ приведеннымъ плачемъ: и въ томъ и другомъ мы видимъ, прежде всего, воспоминаніе о прежнемъ житіи бытіи,—затѣмъ представленіе о будущемъ одинокомъ положеніи безъ сына или мужа, и наконецъ—томительное ожиданіе его возвращенія.

Прожитое прошлое, до разлуки съ рекрутомъ, рисуется остающимся женщинамъ въ привлекательныхъ краскахъ. —Женѣ рекрута жаль той жизни, когда она имѣла у себя надежнаго защитника и кормильца, который ее любилъ и «привѣчалъ» своими ласками, и съ которымъ ей приходилось жтъ, «на свѣша» людей,—не подавая повода другимъ къ пересудамъ и насмѣшкамъ. Мать-же вспоминаетъ о сынѣ, какъ ее уважавшемъ и общавшемъ было ее поконть до конца ея жизни,—какъ о счастливомъ мужѣ, служившемъ ей на старости лѣтъ лишь однимъ утѣшеніемъ.

Наоборотъ, незавидно и печально положеніе покинутыхъ женщинъ,—матери сыновъ, а жены мужей. —Молодой женѣ, обыкновенно не успѣвшей съ мужемъ устроиться самостоятельнымъ хозяйствомъ, приходится «таскаться по чужимъ уголочкамъ» и претерпѣвать отъ другихъ, не исключая и родственниковъ,—обиды, оскорбленія и всякія огорченія: «безъ своего дружечки никому не угодить». Мать безъ помощника сына принуждена сама править хозяйствомъ: «теперь я сама буду вездѣ ходить», говоритъ она. Горькая участь становится особенно тяжелой для матери, когда ей приходится быть свидѣтельницей непутнаго поведенія своей невѣстки, забывшей мужа и малаго ребенка.

Сравнительно хорошее и неприглядное настоящее заставляетъ томиться и мучиться женщинъ желаніемъ скорѣйшаго прибытія ихъ дорогаго желаннаго кормильца домой. Въ нетерпѣливомъ ожиданіи женщины пересчитываютъ «всѣ денечки, всѣ часочки», когда долженъ вернуться ихъ «надежа»; онѣ высматриваютъ прохожихъ, проезжихъ—въ надеждѣ хоть что-нибудь услышать о своемъ милomъ. Наконецъ, вдохновляясь своимъ горемъ, женщина доходитъ до такого поэтическаго пафоса, который заставляетъ ихъ обращаться къ любимому существу, прося его «встрѣпыхнуться бѣлымъ голубочкомъ, прилетѣть на родную сторону яснымъ соколомъ, сѣсть на широкое подворье, во вѣлenny садъ, и сказать пѣсенку веселую о самомъ себѣ».

Но при общемъ сходномъ содержаніи разбираемыхъ причитаній,—въ нихъ замѣчается и нѣкоторая разница. Именно — плачь жены по мужу значительно уступаетъ плачу матери по сыну въ выражающейся въ нихъ силѣ любви къ отправляющемуся въ военную службу и въ вытекающихъ отсюда — картинности изображенія, а также въ разнообразіи обращеній и эпитетовъ, прилагаемыхъ къ рекруту. Эти особенности являются естественнымъ слѣдствіемъ тѣхъ условій, при которыхъ у крестьянъ устранивается бракъ, когда обращаютъ вниманіе не на сердечную привязанность жениха и невѣсты, а лишь на ихъ физическія силы и матеріальный достатокъ, необходимые для крестьянина, какъ работника и хозяина. Собственно мнѣ лично не приходилось слышать болѣе художественнаго, болѣе красиваго плача, какъ плачь матери по рекрутѣ.—Вотъ этотъ плачь:

Милое мое дитятко,
Разжалкій мой сыночекъ,
Разумный мой голубочекъ!

Куда-же я тебя собираю,
Куда я тебя отправляю?
Въ какую путь-дорожку,

Въ какую работу?

Ты у меня росъ—нужды не видалъ,
А теперь ты тамъ примешь холоду-
голоду,

Приходятся твои ноженъки
По дальней сторонущкѣ,
Примахаютъ твои рученьки
За тяжелое ружье браучи!

Ягодка моя хорошая,
Ягодка моя созрѣлая!

Ты меня уважалъ,
Ты меня уговаривалъ:
«Я тебя, мамычка, не брошу,
Я тебя, мамычка, не кину».

Теперь ты меня обманулъ:
Ты меня вспокинулъ
Горькую-несчастную!

Ты, бывало, въ избѣ ходилъ,
Все равно какъ соколъ леталъ,
Какъ хорошій соловей распѣвалъ!
Теперь же заустѣлый нашъ уголочекъ,
Заустѣлая наша горенка!
Кто-же насъ теперь разбудитъ,
Кто насъ теперь покличетъ?
Ты, бывало, мнѣ скажешь:

«Вставай, моя милая мамычка!
Тоши-жь ты избу,
Навари-же ты намъ картошекъ..
Ты меня накормишь,
На работушку проводишь».
Теперь мнѣ накормить некого!
Теперь я буду сама вездѣ ходить!
Сама всѣ я твои стежечки,
Всѣ твои дороженьки—
Всѣ я прихожу,
Всѣ слезы оболью!

Я тебя женопла,—

Думала, что себѣ радость получила.
И вправду—я утѣшалась вами:
Куда вы, мои дѣтки, не пойдете,
Что ни станете дѣлать,—
Я на васъ, какъ на голубковъ,
Не насмотрюсь, не налюбуюсь..
Точно голубъ съ голубкой гуркуетъ,
Такъ вы, мои дѣточки.
Не наглядитесь, не наговоритесь
Другъ съ другомъ!

Отглядѣлись мои глазунки,
Отглядѣлись мои старые.—

Не встрѣчу я голубковъ такихъ!..
Дорогой мой сыночекъ!
Оставляешь ты горькую,
Оставляешь ты несчастную—

Свою дружечку милую
И дѣточку недавно рожденную.
Будетъ она несчастная
Кукушечкой куковать
Съ своей дѣточкой малой,
Какъ будто въ чужомъ уголочкѣ!
Не порадуется мое сердечко,
Глядя на такихъ несчастныхъ-горь-
кихъ!

Жалко мнѣ моего дитятку,
Жалко мнѣ моего хорошаго,
Что затрепится, затаскается
Его дружечка
По чужимъ людямъ..
Молодой человѣкъ нетерпѣливый,—
Онъ всѣму вѣритъ,
Онъ все слушаетъ;
Хоть и дурно ему говорить,—
Все за добро принимаетъ!..

А стану ей я говорить,
Что это худо,
Что это дурно,—
Она только меня возненавидитъ:
—«Старая вѣдьма гудитъ да ругает-
ся»...

Дитя кричитъ одна въ уголочкѣ..
Пойду я, покличу мать ея нежеланную,
—Ея иѣту!
Забыла она своего друга,
Забыла своего милаго!
Дитѣ брошено—не накормлено,
Не напоено..
Только я подойду—покормлю,
Тебя вспомню..
Ну-ка ты, мое дитятко, былъ-бы,
Ну-ка ты, мое милое, былъ-бы,—
Не было-бы этого ничего-бы!.

Этого горя,
Этого несчастья
Никакъ я не могу забыть!
При престарѣлыхъ моихъ лѣтахъ
Не на кого сердцу моему повеселиться.
Въ этомъ я горѣ трехъ вижу несча-
стныхъ:

Несчастная моя дѣточка кричитъ за-
брошена,
И ты ничего не знаешь о своей же-
нѣ любимой!..

А она закружилась, запуталась!
Отъ такого горя, если-бъ гробъ стоялъ,
Я въ него-бъ легла..
Откройся, гробъ дубовъ!
Раскройся, могила!

Лучше мнѣ умереть,
Чѣмъ видѣть такое горе!
Милая моя невѣстушка!
Будь ты со мною такая-же,
Какъ при своемъ другѣ миломъ,
А при моемъ сынѣ ненаглядномъ!
Будь ты такая-же ласковая, милая!
Будемъ мы однѣ съ тобѣй
Ростить и нѣжить твоего милаго дѣте-
ночка;

Будемъ глядѣть на него,
Вспоминать объ его батюшкѣ,
Вспоминать объ его родимомъ!
Дитятко мой милый!
Дитятко мой хорошій!
Не забудь ты горемычную свою жену
И меня несчастную—мать свою ста-
руху..

Разжалкій мой сыночекъ!
Залетная моя пташечка!
Горемычная кукушечка!
Залетѣла ты далеко—
На чужую сторонушку,
За тѣмны лѣса,
За широкія поля раздольныя,

За дуга привольные!
На далекой чужой сторонѣ плохо жить:
Тамъ нѣтъ ни роду-племени,
Тамъ нѣтъ ни отца, ни матери,
Ни братьевъ, ни сестеръ,
Ни дядюшки, ни тетушки!
Милый мой дитеночекъ!
Ясный мой соколочекъ!
Встрепыхнись, полети бѣлымъ голубоч-
комъ,

Яснымъ соколочкомъ лети-жъ ты ко мнѣ!
Сядь ты на широкое подворьеце,
Сядь-же ты на веленый сѣдокъ,
И скажи-жъ ты пѣсенку,
И скажи-жъ ты веселую
О самомъ себѣ!
И люди-то выйдутъ,
И люди-то услышатъ:
Что-жъ это за пташечка
Въ саду распѣваетъ,
Какъ хорошій соловей пѣсенки играетъ?
Пойду жъ я выйду, я погляжу:
Не мой-ли это сыночекъ,
Не мой ли изъ чужой стороны?

Самъ народъ къ причитаніямъ матери и жены относится также неодинаково: въ первомъ онъ видитъ болѣе искренности, чѣмъ въ последнемъ. —Крестьянскія женщины говорятъ, что «матери всегда голосагъ изъ правды», т. е. что скорбныя чувства, ко- торыя выражаются въ материнскихъ плачахъ, всегда соотвѣтствуютъ дѣйствительнымъ, такъ какъ «свое дитѣ,—плохо-ли, хорошо-ли оно,—всегда матери дорого». Поэтому- же говорятъ: «когда мать плачетъ по сыну-рекруту, наплачется, слушая ея при- четы». Но жены «выливаютъ» въ причетахъ свои дѣйствительныя чувства лишь по тѣмъ мужьямъ, съ какими онѣ жили «во любви и согласіи»; по пьяницамъ-же, «ру- гателямъ» и «бутарагамъ», т. е. по людямъ не покойнымъ, любящимъ драться, пла- чать, «дѣлы людей не стыдно было» и потому, что «надо законъ свой почестъ»... А если и всплакнуть, погласить «взаправду», то «не по мужѣ своему, а по горю своему»,—особенно если имъ приходится оставаться непристроенными къ своему соб- ственному углу, беззащитными да еще съ дѣтьми малыми гориться. Такая женщина, «которая для виду только плачетъ, для отвода глазъ», говоритъ народъ, «иной разъ загородится платкомъ да оглядывается: не пообѣдали-бы дома безъ ней... а на прощанье не задумается своему мужу сказать горькую истину: «жила, молъ, я за тобой, какъ за худой бородой,—не видала ничего хорошаго,—много людей перестрапили»... —«День былъ тѣменъ, ночь, Богъ дастъ, будетъ свѣтла», утѣшаетъ она себя, надеясь «свободно вздохнуть» послѣ мужа...

Не пугаютъ ея и грозныя рѣчи мужа, бесплодно негодующаго противъ наступаю- щей для его жены свободы: «смогри—если, Боже, сохрани и избави,—что безъ меня случится... тогда исповѣдуйся и причастись,—на свѣтъ тебѣ больше не жить»!..

Разницу своихъ взглядовъ на приведенные плачи народъ ясно выражаетъ и въ своихъ пѣсняхъ. Такъ въ одной изъ нихъ, изображая чувства матери и жены по по- гибшемъ молодцу, онъ говоритъ:

Гдѣ мать плачетъ,
Тамъ рѣка шумитъ,—
А гдѣ жена плачетъ
Тамъ роса пала:

Взойдетъ солнце—
Росу высушитъ,
Молода жена
Гулять пойдетъ!..

Кромѣ жены и матери по рекрутѣ плачутъ его сестры, тетка и другія родныя или знакомыя женщины, которыя въ день проводовъ собираются въ домъ его семьи; но плачи такихъ женщинъ обыкновенно содержатъ въ себѣ описаніе горя лицъ, наиболѣе близкихъ рекруту, а именно — его родителей и жены, и въ сущности представляютъ собой лишь перифразъ разбираемыхъ выше плачей. Интересною особенностью этихъ причитаній является обращеніе плачущихъ женщинъ къ отцу, матери и женѣ рекрута съ приглашеніемъ послѣднихъ поплакать надъ своимъ великимъ горемъ,—женщины, иногда хорошо, причитаютъ:

Собрали мы бѣсѣдушку невеселую,—
Собрали мы бѣсѣдушку скучную, горькую:
Провожаемъ мы добра молодца—
Ясна сокола,
На чужую сторонушку,
Во трудную работушку,
Отъ родимаго его батюшки,
Отъ желанной его матушки,
Отъ молодой его дружечки!
Остаетесь вы, несчастные родители, оди-
ночками:

Уходитъ вашъ кормилецъ!
Остаетесь ты, молодая жена,
Непристроенной, беззащитной:
Уходитъ твой защитникъ,
Уходитъ твоя надежда!
Не-то вы дождетесь своего сынка милаго,
Своего дружка сердечнаго,—
Не то нѣтъ!
Плачьте вы надъ своимъ великимъ горемъ,
Надъ своимъ великимъ несчастіемъ,—
Плачьте, не разгадывайте!..

Уходитъ ваша перемиѣна,

Бросая послѣдній взглядъ на рекрутскія причитанія, нельзя не замѣтить, какое большое значеніе они имѣютъ въ отношеніи характеристикъ быта народа: передъ нами въ яркихъ краскахъ рисуются картины крестьянской нужды и тяжелого положенія солдатки въ домѣ своего мужа.

Почему уходитъ рекрута въ военную службу является для его семейнымъ горемъ? — Правда, здѣсь имѣютъ значеніе родственные привязанности: предстоящая, относительно—продолжительная разлука, отправка въ дальній путь на неизвѣстную сторонушку,—служба, сопряженная съ массой лишеній и трудовъ и связанная съ опасностями для жизни и съ соблазнами для нравственности,—все это заставляетъ скрѣпить его семейныхъ. Но не меньшую, если только не большую роль играютъ въ данномъ случаѣ экономическія соображенія: лишеніе одного, понятно—здороваго, работника—тяжелая утрата для крестьянскаго хозяйства. О рекрутѣ жалѣютъ, какъ объ исчезающей для отца и матери «перемиѣнѣ»,—какъ о кормильцѣ своей жены и сына, который безъ отца ходитъ разутымъ, раздѣтымъ, голоднымъ..

При такомъ значеніи рекрута, какъ рабочей силы, и при малоцѣнности въ крестьянскомъ быту женскаго труда—естественно и незавидно положеніе солдатки въ семьѣ свекора и свекрови. Лишившись въ лицѣ мужа своего кормильца и заступника, она является въ семьѣ лишнимъ ртомъ и ненужнымъ человекомъ. Чтобы не выслушивать отъ другихъ постоянныхъ попрековъ, ей приходится «всѣмъ угождать, вездѣ угождать»... И все-таки ребенокъ ея бываетъ «какъ-бы всѣмъ не роукой»,—всѣ говорятъ ему, считая съѣденные имъ куски: «обжорный»!..—Какая-то отчужденность, холодность ложится во взаимныхъ чувствахъ жены рекрута и его матери. Последняя, не стѣсняясь, рисуется передъ рекрутомъ ужасную картину семейнаго несчастія, какое можетъ случиться въ отсутствіе его на родинѣ, благодаря его женѣ... А эта, въ свою очередь, также откровенно признается, что по уходѣ мужа она остается въ «чужихъ» для нея людяхъ...

Д. Успенскій.

ОТДѢЛЪ II.

Критика и библиографія.

Литовско-латышско-польско-русскій словарь, составленный кн. Мих. Межинисомъ. Тильзитъ, 1894 г. стр. 292.

Литовско-нѣмецкій лексиконъ Фридр. Куршата (*Littauisch-deutsches Wörterbuch von Friedrich Kurschat. Halle, 1883*), считающійся въ настоящее время лучшимъ словаремъ литовскаго языка, отличается, какъ извѣстно, крайней неполнотою. Въ него вошли главнымъ образомъ лишь тѣ слова, которыя составитель его, Фр. Куршата, слышалъ у себя на родинѣ, въ прусской Литвѣ. Лучшимъ этотъ словарь считается собственно потому, что Фр. Куршата отдѣляетъ въ немъ слова, слышанныя имъ самимъ, отъ словъ, которыя онъ находилъ лишь въ другихъ литовско-нѣмецкихъ словаряхъ или въ произведеніяхъ литовской печати; кромѣ того, звуки литовскаго языка онъ передаетъ вполне точно, вездѣ обозначая количество (долготу и краткость) гласныхъ и отмѣчая всѣ три вида литовскаго ударенія. Эти качества словаря настолько важны, что ими вполне искупаются и нѣкоторые, впрочемъ незначительные, недостатки, въ родѣ изрѣдка встрѣчающагося смѣшенія звуковъ *é* и *ié*, *o* и *uo*. (Смѣшеніе этихъ звуковъ усмотрѣно въ такихъ, напр., словахъ, какъ: *mîesa, biêda, luokys, lobas* вмѣсто единственно правильныхъ въ нарѣчій Куршата: *mêsa, bêda, lokys, luobas*).

Въ виду указанныхъ достоинствъ словаря Куршата, приходится только пожалѣть, что составитель его былъ мало знакомъ съ тѣмъ лексическимъ матеріаломъ, который могутъ дать говоры русской Литвы. Объ этомъ можно пожалѣть тѣмъ болѣе, что съ одной стороны Куршата имѣлъ, повидимому, хорошо организованное ухо, необходимое для того, чтобы улавливать особенности звуковъ живого языка, а съ другой—и самый языкъ русской Литвы, столь богатый въ лексическомъ отношеніи, до сихъ поръ изслѣдованъ сравнительно мало, во всякомъ случаѣ гораздо менѣе, нежели прусское его нарѣчіе.

Такимъ образомъ, въ настоящее время, съ точки зрѣнія изучающаго литовскій языкъ, слѣдовало-бы признать вполне своевременнымъ появленіе всякаго серьезнаго труда, представляющаго сборникъ словъ русской Литвы. Только такой трудъ, конечно, дѣло не легкое и едва-ли можетъ быть выполненъ съ полнымъ успѣхомъ однимъ, хотя-бы даже компетентнымъ, лицомъ. Въ данномъ случаѣ отдѣльные лица, берущіяся за исполненіе такого труда, могутъ доставить, при своемъ усиліи, только болѣе или менѣе значительный матеріалъ для будущихъ составителей «полнаго словаря литовскаго языка». Вотъ почему, на появляющіеся теперь и могущіе появиться въ ближайшемъ будущемъ литовскіе словари надо смотрѣть главнымъ образомъ, какъ на матеріалъ для будущаго «полнаго» словаря. Какого-бы мнѣнія ни былъ самъ авторъ о своемъ трудѣ, мы а priori можемъ признать, что словарь его не будетъ отличаться полнотою, и потому посудиимъ пока совершенно справедливо, не требуя отъ

его словаря недостижимой въ данное время полноты. Достаточно съ автора, если собранный имъ матеріалъ записанъ умѣло и переведенъ съ достаточною точностью, а полноты будемъ требовать лишь настолько, насколько она возможна въ настоящее время.

Посмотримъ теперь, насколько удовлетворяетъ этимъ скромнымъ требованіямъ словарь Мих. Межиниса, краткій разборъ котораго и представляетъ настоящая замѣтка.

Авторъ разбираемаго словаря—покойный католическій священникъ, проживавшій въ разныхъ приходахъ Ковенской губерніи, преимущественно въ такихъ селахъ, которыя расположены на границѣ Курляндіи, мѣстности, населенной латышами. При составленіи своего словаря, Межинисъ не включилъ въ него всѣхъ словъ, встрѣчающихся въ трудахъ прежнихъ составителей литовскихъ словарей; онъ вносилъ въ словарь, повидимому, только то, что самъ слышалъ въ Ковенской губерніи или находилъ въ случайно попадавшихъ ему книгахъ. Изъ того, что въ разбираемомъ словаре нѣтъ многихъ словъ, находимыхъ у Куршата или у Нессельмана и въ то же время часто встрѣчающихся въ Ковенской губерніи, можно заключить, что Межинисъ былъ совсѣмъ незнакомъ съ трудами своихъ предшественниковъ; иначе, словари Куршата и Нессельмана по крайней мѣрѣ напомнили-бы ему о существованіи въ Ковенской губерніи тѣхъ словъ, которыя онъ, Межинисъ, почему-то упустилъ изъ виду. Кромѣ того, составитель разбираемаго словаря не включилъ въ свой трудъ и всего того матеріала, который могутъ дать собирателю словъ произведенія Н. Даушки, М. Волончевскаго, С. Довконта, а также собранныя въ Ковенской губерніи и уже издавныя литовскія пѣсни, сказки, пословицы, загадки; по крайней мѣрѣ очень много довольно обыкновенныхъ и болѣе или менѣе рѣдкихъ словъ, встрѣчающихся въ этихъ памятникахъ народнаго творчества литовцевъ и въ произведеніяхъ этихъ литовскихъ авторовъ, не получило никакого объясненія въ словаре Межиниса. Въ разбираемый нами словарь не вошли и такіе общедоступные матеріалы по литовскому словарю, какъ слова, записанныя въ Ковенской губерніи и помѣщенные въ «Mittheilungen der litauischen litterarischen Gesellschaft» и въ отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ, какъ напр. въ изданномъ Э. А. Вольтеромъ «Литовскомъ катихизисѣ Н. Даушки». Что въ словаре Межиниса все это упущено изъ виду, въ этомъ легко можетъ убѣдиться каждый, кто попробуетъ, съ этимъ словаремъ въ рукахъ, прочесть хотя-бы, напримѣръ, народныя пѣсни, собранныя Станевичемъ или Довконтомъ; легко будетъ усмотрѣть, что словарь этотъ для указанной цѣли можетъ сослужить не особенно большую службу.

О знакомствѣ автора разсматриваемаго словаря съ данными филологической дисциплины, изслѣдующей литовскій языкъ, не можетъ быть и рѣчи; Межинисъ этой науки, повидимому, совершенно не признаетъ. Мало того; съ латышскимъ, польскимъ и русскимъ языками, на которые переведены въ словарь литовскія слова, составитель разбираемаго труда былъ внакомъ крайне поверхностно. Латышскій языкъ онъ зналъ, повидимому, не лучше литовскаго простолюдина, проживающаго въ мѣстности пограничной съ Курляндіею и имѣющаго частыя сношенія съ латышами, а польскій и русскій языки усвоилъ лишь настолько, насколько знаютъ ихъ тѣ литовцы, которые слышатъ эти языки отъ ополчившейся своей братьи и русскихъ урядниковъ.

Всѣ указанныя обстоятельства, конечно, должны были отразиться самымъ роковымъ образомъ на всемъ трудѣ Межиниса. Чтобы, однако, наше сужденіе объ этомъ трудѣ не показалось читателю голословнымъ, ничѣмъ не мотивированнымъ, переходимъ къ самымъ фактамъ, которые въ обиліи находимъ въ разбираемомъ словаре.

Доказывать, что въ словаре Межиниса пропущена масса самыхъ обыкновенныхъ словъ, считаю излишнимъ. Оно будетъ понятно и само по себѣ, если имѣть въ виду, что въ словарь попало всего около 15,000 литовскихъ словъ. Это число вошедшихъ въ словарь Межиниса словъ, собственно говоря, даже слишкомъ велико; оно гораздо больше того, что даетъ словарь въ дѣйствительности. Дѣло въ томъ, что въ этомъ словаре значатся нерѣдко, какъ особые слова, и такія формы, которыя вызываются въ языкѣ прямо существованіемъ въ немъ извѣстныхъ словъ и легко отъ нихъ обра-

зуются; въ данномъ случаѣ я имѣю въ виду такія «формы словъ», которыя въ другихъ словаряхъ, напр. въ русскомъ академическомъ, не принято считать за отдѣльные слова. Такимъ образомъ, изъ словаря Межиниса слѣдовало-бы исключить принадлежащія имъ за «отдѣльные слова»: 1) всѣ причастія (сравни. *gimęs* при *gimti*, *arvites*—*arvutės* при *arvusti*, *įpintas* при *įpinti*, *keptas* при *kepti* и пр.); 2) формы множеств. числа при существованіи отглагольного въ словарѣ единств. числа (ср. *darbai* при *darbas*, *vaikai* при *vaikas* и др.); 3) полныя формы именъ прилагательныхъ, отглагольных особо отъ краткихъ (ср. *gerasis* и *geras*, *mažasis* и *mažas*, *šventasis* и *šventas* и др.); 4) формы среднего рода и нарѣчій, образованныя отъ качественныхъ именъ прилагательныхъ (сравни. *gergera* и *gerai* при *geras*, *maž*—*maža* и *mažai* при *mažas*, *šalta* и *šaltai* при *šaltas* и пр.); 5) формы сравнительной и превосходной степени именъ прилагательныхъ и нарѣчій (сравни. *mažesnis*, *mažiausias*, *mažiau* при *mažas*; *geresnis*, *geriausias*, *geriau* и *geriaus* при *geras*, и т. д.). Кроме того, въ разбираемомъ словарѣ есть много словъ, составленныхъ самимъ Межинисомъ и не употребляющихся въ живомъ литовскомъ языкѣ; слова эти, какъ дѣланные и неупотребительныя, тоже должны быть исключены изъ словаря. Къ такого рода словамъ слѣдуетъ отнести, напр., слѣдующія: *ašarūnė*, *beržyninis*, *beržotinis*, *brolieninis*, *didumeninis*, *eglyninis*, *gyvskrosena*, *granžalas*, *patvaldingas*, *pirmpradinis*, *parsekioingas*, формы именит. падежа *pusketvirtas*, *pusšeštas* etc., *rašytuva*, *samdinikinis* и многое множество другихъ имъ подобныхъ. Въ такой краткій словарь, какинъ является разбираемый трудъ Межиниса, совершенно напрасно попали и слова чисто латышскія, употребляемыя исключительно на границѣ Курляндіи; къ такимъ словамъ мы относимъ, напр., слѣдующія: *abejotas* (лит. *abejotas*), *ada* (лит. *oda*), *jemeslis* (лит. *priežastis*), *skabas* (лит. *skobus*, *rugštns*), *argerbs* (лит. *drabužis*, *драпа*), *pret* (лит. *prieš*, *priešais*), *liesība* (лит. *liudinimas*), и т. д. Такимъ образомъ, если изъ словаря Межиниса исключить всѣ эти слова, то оставшіяся засимъ литовскія слова, вмѣстѣ съ переводомъ ихъ на три языка, можно будетъ уместить на какихъ-нибудь 200 страницахъ небольшого формата. Представьте себѣ, какая небольшая часть литовскихъ словъ могла попасть въ такой крошечный словарикъ! Надо замѣтить, что и самъ Межинисъ зналъ гораздо больше словъ. Онъ не помѣстилъ ихъ въ свой трудъ только потому, что упустилъ ихъ изъ виду, или они, при составленіи словаря, не пришли ему въ голову. Такъ, по крайней мѣрѣ, позволительно думать, когда не встрѣчаешь въ словарѣ такихъ словъ, какъ *darbštus* работающій, трудолюбивый, *grožis* красота, *kelmnotas* холмистый, *kvailas* глупый, *lokys* медвѣдь, *rugus* рыхлый, *pustyti* (*dalgį*) точить, бить (косу), или когда находишь въ словарѣ причастныя формы, въ родѣ *arkrikštytas* окрещенный, *pasigėręs* напившійся, и нѣтъ на ряду съ ними формъ *arkrikštyti* окрестить, *pasigerti* напиться. Ясно, что тутъ очень важную роль сыграла просто небрежность автора, взявшагося не за свое дѣло.

Посмотримъ теперь, какъ переводилъ Межинисъ попавшія въ его словарь литовскія слова. Говорить о томъ, какъ переведены слова на латышскій и польскій языки, не нахожу возможнымъ просто потому, что это заняло-бы слишкомъ много мѣста. Впрочемъ, и указаніе на особенности, которыми характеризуется передача литовскихъ словъ на русскій языкъ, дастъ возможность читателю уяснить себѣ, какъ могъ отнестись составитель словаря къ другимъ языкамъ, въ данномъ случаѣ къ польскому и латышскому. Здѣсь насъ прежде всего поражаетъ полнѣйшее незнакомство автора съ русскимъ языкомъ. Вотъ нѣсколько образчиковъ русскаго языка, на который переведены литовскія слова: *arkliaganis* «лошадиный пастухъ» (=конскій пастухъ, конопасъ), *aržlibti*, «класть въ спячку» (=ослѣпить и др.), *arkli-din ks* «лошадиный барышникъ» (=торговецъ лошадьми), *atsakytōjis* «отка-

затель» (=кто отказывает, отказывающий), *atskaitymas* «отсчитаніе» (=отсчитываніе, отчисленіе), *arvites* (=arvytes) «овядшій» (=нѣсколько завядшій, нѣск. завянувшій), *branda* «обиліе въ зерно» (=урожай, умолотъ), *dirgė* «задыня» (=костеръ, *bromus secalinus*), *glumdyti* (?) «пѣтивать» (=давать пріютъ), *atgodoties* (?), «припомнитъ» (?=припомнить), *intė* «мужнига брата жена» (=жена мужнина брата), *javimas* «вложеніе въ обувь, вобутіе» (=надѣваніе обуви, и др.), *sėsėraitis, —tė* «племянныя дѣти» (=сынъ или дочь сестры, племянникъ, —ница) и пр. При такомъ слабомъ знаніи русскаго языка, конечно, весьма трудно переводить на него литовскія слова. Но Межиниса не знаніе это, повидимому, нисколько не смущаетъ: онъ переводитъ лит. слова весьма смѣло, нѣрѣдко пользуясь для этого первымъ попавшимся, часто с совершенно неподходящимъ русскимъ словомъ. При этомъ выходятъ иногда крайне курьезно: русскій переводъ не согласуется съ польскимъ, а польскій противорѣчитъ латышскому. Привожу нѣсколько характерныхъ примѣровъ: *atližti* (=atlyžti) «облегчить, убавить» (=смягчиться, перестать сердиться), *baimingas* «благочестивый» (=боязливый), *ėdrus* «прожорливый, хищный» (=прожорливый), *eikvojimas* «расточаніе, распоряженіе» (=расточеніе), *griežlė* «холодный жаворонокъ» (=дегачъ, *crex pratensis*), *kamšlis* (собств. *kamšlys*), «хитрикъ» (=собств. набойщикъ; обжора), *tečiaus* (или *tačiaus*) «лучше» (=однако), *rašytinis* «перо, карандашъ» (слово это—неудачный неологизмъ), *reilus* «головокруженіе» (? = пренаводящій головокруженіе), *važiuotas* «пѣхаться» (=прич. отъ *važiuoti* ѣду), *o mena* «память, правдоубавіе» (=память), и т. д. Нѣсколько удачнѣе переведены эти слова на латышскій и польскій языки, зато тамъ они получили значеніе неслышное съ русскимъ; нѣкоторыя изъ нихъ, какъ *atližti*, *eikvojimas*, *griežlė*, *tečiaus*, *o mena* и на эти языки переведены невѣрно.

Какъ понимаетъ Межинисъ точность перевода литовскихъ словъ, показываетъ слѣдующій характерный примѣръ. Прилагательное *geras* (съ казкимъ окончаніемъ) или *gerasis* (съ полнымъ окончаніемъ), которое значить «хорошій, добрый», сравнительная и превосходная степени этого прилагательнаго—*geresnis*, *geriausias*, а также образованное отъ него существительное *gerumas*, «доброта, хорошее качество» переведены въ разбираемомъ словарѣ такъ: *geras* «добрый, хорошій, милый, добродѣтельный»; *gerasis* «самый хорошій, наилучшій»; *geresnis*, «болѣе соответственный»; *geriausias* «наилучшій, самый болѣе подходящий»; *gerumas* «доброта, добродушіе, благополучность, беззлобіе». Какъ видитъ читатель, составитель словаря за словомъ въ карманъ не дѣветъ; жаль только, что точность перевода отъ этого не только не выигрываетъ, но даже страдаетъ.

При такомъ слабомъ знаніи русскаго языка и такомъ полномъ непониманіи важности точной передачи значенія словъ, Межинисъ былъ совершенно неспособенъ переводить литовскія синонимическія слова, по крайней мѣрѣ словарь его даетъ слѣдующее мало данныхъ для уразумѣнія значенія такихъ словъ. Чтобы видѣть, какъ переводитъ онъ эти слова, возьмемъ два примѣра. Слѣга: *lupsnis*, *kiavalas*, *maukpa* переведены такъ, что можно было-бы подумать, что *lupsnis* (карлофальная шелуха) значить то-же, что *kiavalas* (скорлупа, особ. орѣховая) или *maukpa* (=древесная кора, лыко). Изъ русскаго перевода словъ: *listėnis* (собств. *listinas*, *listvinas*), *kupinas*, *lygmalys* (=lygmalis), *pilnas*, *sklidinas* совершенно невозможно повѣтъ, что эти слова дѣйствительно обозначаютъ. При словѣ *listinas* (оно, кажется, тождественно со *sklidinas*) нѣтъ русскаго перевода, и читатель стсылается враню къ *kupinas* и *sklidinas*; между тѣмъ, *kupinas* переведено «переполненный, полный» (въ дѣйствительности же наполненный «вѣрхомъ», лит. «su kapru»), а *sklidinas*—«полный» (собств. «полнехонный», «совершенно полный», болѣею частью говоря о сосудахъ, неполныхъ жидкостью); *lygmalis* переведено русскими «равносторонній, соразмѣрно берегамъ», хотя, собственно говоря, слово это значить «наполненный до краевъ, вро-

вень съ краями» (ср. *lygus* ровный и *mala* край); вполне вѣрно переведено только *pilnas*, которое, какъ это отмѣчено и у Межиниса, значить «полный».

Часто нѣвѣстное литовское слово переводится на русскій языкъ какимъ-нибудь подходящимъ или еще чаще неподходящимъ сл. словомъ, а единственный примѣръ, приводимый на употребленіе этого слова, какъ разъ показывающъ, что оно употребляется въ нѣмъ значеніи. Вотъ два примѣра. *Gauras* переведено «мохнатый человѣкъ, мохнатое растеніе», между тѣмъ какъ пзъ примѣра *vilkas pavasaryje ragmaino gaurus*, о не *prigimimą* видно, что *gaurai* (plur.)—значить «(мохнатая) шерсть»; слово *lipnus* (или *lipšnus*) переведено русскимъ «липкій», но изъ примѣровъ *lipni kalba*, *lipniai kalbėti* получается для этого слова и другое значеніе, именно «пріятный, милый (въ обращеніи)». И такихъ случаевъ, гдѣ переводъ слова не соответствуетъ его значенію, вытекающему пзъ примѣровъ, въ словарь Межиниса очень много.

Если обратить вниманіе на самое начертаніе словъ литовскаго языка, появившихъ такъ или иначе въ словарь, то окажется, что Межинисъ и тутъ не вполне удовлетворяетъ своего читателя. Такъ, съ одной стороны онъ пишетъ: *asa*, *vašas*, а съ другой—*gražinti*, *raistas*, *taisrus* или *grįžti*; съ одной стороны встрѣчаемъ формы въ родѣ *gronditi*, *kondimas*, *konsnis*, *konklė*, *monta*, *gerinti*, а съ другой находимъ *ranka*, *vanta*, *langas*, и пр. Такая непослѣдовательность въ начертаніи общелитовскихъ *a*, *i* и *an*, *in* (въ сочетаніи съ слѣдующимъ согласнымъ) объясняется просто отсутствіемъ вдумчивости со стороны автора и смѣшеніемъ разныхъ нарѣчій литовскаго языка; еслибы Межинисъ, при начертаніи литовскихъ словъ, положилъ въ основу языка своего словаря какое-нибудь одно, напр. теперешнее литературное нарѣчіе, то приведенныя слова онъ долженъ былъ бы представить въ слѣдующемъ видѣ: *aša*, *vašas* или *ašas*, *gražinti*, *raistas*, *taisrus*, *grįžti*, *grantiñti* или *gramdinti* (или собств. *grandyti*, *gramdyti*), *kandimas*, *kąsnis*, *kanklės*, *manta*, *gerinti*, *ranka*, *vanta*, *langas*. Затѣмъ нужно замѣтить, что долгота гласныхъ *i* и *u* рѣдко обозначается; часто *i*, принимаемый въ словарь за долгій звукъ, т. е. за *ui*, на самомъ дѣлѣ кратокъ, во всякомъ случаѣ не долгъ: сравн. *skrilis* (вм. *skrylis*), *yrklas* (вм. *irklas*), *piplys* (вм. *pyplys*), *puras* (вм. *puras*, *мѣла*), *suris* (вм. *suris*), *dumai* (вм. *dumai*), *gyrdytas* (вм. *dirdytas*), и т. д. Кроме того, литовское удареніе, — оно бываетъ трехъ видовъ, — нигдѣ не обозначено. Это отсутствіе удареній, въ связи съ неуказаніемъ долготы и краткости гласныхъ и смѣшеніемъ разныхъ нарѣчій, дѣлаютъ, конечно, еще болѣе затруднительнымъ пользованіе, словаремъ Межиниса.

Намъ остается отмѣтить еще двѣ стороны разбираемаго труда, на сей разъ уже положительнаго характера. Тутъ, прежде всего, мы должны признать, что въ разбираемомъ нами словарѣ есть и такія чисто литовскія слова, которыхъ не встрѣчаемъ въ другихъ словаряхъ этого языка: сравн. *gilna želna*, *intė*¹⁾ (сравн. лат. *estala*) жена мужнина брата (у Куршата *des Bruders Frau*), *gasmė* умогъ, *tvergmė* прочность, *žioklė* рыло, челюсть, и т. д.; жаль только, что на этихъ словахъ нигдѣ не поставлено удареніе. Во вторыхъ, въ словарь Межиниса есть много загадокъ, поговорокъ и всякихъ чисто народныхъ выраженій. Эти загадки, поговорки и пр. могутъ дать много матеріала для изучающаго произведенія народнаго творчества литовцевъ и синтаксисъ литовскаго языка.

Наконецъ, подводя итоги всѣмъ отмѣченнымъ нами качествамъ литовскаго словаря Межиниса, мы должны признать, что словарь этотъ не удовлетворяетъ са-

¹⁾ Сродн. дрвн. слав. ѡтры, р. ятровъ жена брата; срв. *sesti*, ген. *sesers*—сестра.

нынѣ скромнынѣ требованіямъ, даже тѣмъ, которыя мы нашли возможнымъ предъявить къ теперешнимъ словарямъ литовскаго языка: какого-либо вклада въ филологическую науку этотъ словарь, конечно, составить не можетъ, а того, кто захотѣлъ бы пользоваться имъ для цѣлей практическихъ, напр. для того, чтобы съ помощью его разбирать литовскіе тексты, онъ, какъ мы видѣли, опять-таки не удовлетворить; для самихъ литовцевъ, которые пожелали-бы съ помощью его учиться другому языку, онъ совершенно не годится, скорѣе можетъ даже сбить ихъ съ толку. По нашему мнѣнію, словарь этотъ явился на свѣтъ просто вслѣдствіе самоиѣнія неумѣло собиравшаго слова автора или вслѣдствіе какого-либо иного недоразумѣнія. Не иначе смотреть на этотъ словарь и молодая литовская печать (см. Ваграс, 1894, № 7).

Ив. Яблонскій.

Монголія и Монголы.—Результаты поѣздки въ Монголію, исполненной въ 1892—1893 гг. А. Позднѣвымъ. Томъ I. Дневникъ и маршрутъ. Изданіе И. Р. Г. Общ. Спб. Типогр. И. Ак. Н. 1886. XXX+696 стр. въ больш. 8-му.

Этотъ прекрасно изданный томъ съ рисунками снабженъ двумя предисловіями. Одно написано вице-предсѣдателемъ Г. Общ. П. П. Семеновымъ, гдѣ мастерски очерчено значеніе географическихъ экспедицій, за полувѣковое существованіе Г. Общ., для изслѣдованія Внутренней Азіи или застѣнной части Китайской имперіи и вѣрно указана важность трудовъ проф. Позднѣва по изученію Монголіи, граничащей съ Россією на пространствѣ слишкомъ 3-хъ тысячъ верстъ. Второе предисловіе принадлежитъ перу Позднѣва, гдѣ авторъ говоритъ о послѣдней своей поѣздкѣ въ Монголію въ 1892—1893 г., куда онъ былъ отправленъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, и о матеріалахъ и свѣдѣніяхъ, имъ собранныхъ. Первую свою поѣздку въ Монголію А. М. Позднѣвъ совершилъ еще около 20 лѣтъ назадъ, тотчасъ по окончаніи курса на Восточномъ факультетѣ Петербургскаго Университета. Поѣзка эта продолжалась три года (съ весны 1876 г.), г. Позднѣвъ вошелъ въ составъ экспедиціи Геогр. Общ. Университетъ нашъ приобрѣлъ вывезенную Позднѣвымъ большую коллекцію Монгольскихъ рукописей и книгъ, всего 972 тома подъ 157 заглавіями, а въ лицѣ молодого путешественника—отличнаго преподавателя, доцента въ 1881 г., и въ 1884 г. экстраординарнаго, а съ 1886 г. ординарнаго профессора по кафедрѣ Монгольскаго языка и Словесности. Послѣдняя поѣздка А. М. Позднѣва доставила нашему Университету новую большую коллекцію рукописныхъ и печатныхъ сочиненій китайскихъ, монгольскихъ и манджурскихъ сочиненій, всего 727 томовъ подъ 138 заглавіями. Сверхъ того А. М. для практическихъ занятій со студентами вывезъ рѣдкую коллекцію ламайскихъ и другихъ принадлежностей ламайскаго культа.

Изъ приложеннаго къ предисловію П. П. Семенова списка видно, какъ обогатилъ Позднѣвъ русскую литературу своими трудами, посвященными монгольскому языку, монгольской этнографіи (маг. диссерт. Образцы народной повѣи монгольскихъ племенъ 1880. 346 стр. 8° «Калмыцкія народныя сказки, собранныя въ калмыцкихъ степяхъ Астраханской губ. и изданныя въ подлинномъ калмыцкомъ текстѣ. Спб. 1892. 150 стр. 8°), монгольской словесности, исторіи, монгольскому буддизму (докт. диссерт. Монгольская лѣтопись «Эрденийнъ Эрхэ» съ поясненіями, заключающими въ себѣ матеріалы для исторіи Халхи съ 1686 по 1736 г. Спб. 1883. XXXVIII+421 стр. 8°—Очерки быта буддійскихъ монастырей и буддійскаго духовенства въ Монголіи. 1887 г. XVI+492 стр. 8°), по географіи Монголіи («Города сѣв. Монголіи.

СПБ. 1880. II+114 стр. 8°). «Замѣчанія къ дорожнымъ замѣткамъ Арх. Палладіа 1892. 114 стр. въ Зап. по Общ. Геогр. Т. XXII вып. I. 1892. 114 стр.).

Результаты послѣдней своей поѣздки и всѣхъ прежнихъ своихъ работъ и изслѣдованій проф. Позднѣвъ рѣшился обработать и изложить въ обширномъ трудѣ, начало котораго нынѣ издано Г. Общ. Этотъ первый томъ содержитъ въ себѣ дневникъ путешествія по Монголіи въ 1892 г. и касается главнѣйше сѣверной Монголіи. II т. будетъ содержать въ себѣ дневникъ путешествія 1893 г., т. е. путевыя наблюденія по южной и юговосточной Монголіи. Т. III имѣетъ представить очерки административнаго устройства Монголіи и порядковъ управленія въ этой странѣ, съ выясненіемъ военнаго и политико-экономическаго состоянія Монголовъ въ настоящее время; Т. IV будетъ посвященъ ламаизму въ Монголіи, съ изложеніемъ его догматическаго и нравственнаго вѣроученія, быта и обрядовъ. «Оба эти тома, по словамъ автора, составляютъ собою по преимуществу результаты моихъ занятій въ архивахъ, различныхъ монгольскихъ управленіяхъ, а равно въ монастырскихъ бібліотекахъ и школахъ, подъ руководствомъ мѣстныхъ специалистовъ каждаго изъ этихъ отдѣловъ знанія».

Т. V будетъ содержать свѣдѣнія этнографическія, пріобрѣтенныя частью путемъ личныхъ наблюденій, а частью распросами и изученіемъ народной литературы: пѣсенъ, пословицъ, поговорокъ, загадокъ и пр.

Т. VI—замѣтки о китайской и русской торговлѣ въ Монголіи, съ приложеніемъ свѣдѣній по исторіи развитія торговли собственно русской.

Наконецъ VII томъ посвященъ историческому изслѣдованію обо всѣхъ владѣтельныхъ княжескихъ домахъ Монголіи, возвысившихся собственно въ періодъ подданства Монголовъ Маньчжурамъ и играющимъ роль именно въ настоящую пору въ Монголіи. Матеріаломъ къ составленію этого изслѣдованія послужили періодически составляемые китайскимъ правительствомъ послужные списки каждаго изъ этихъ княжескихъ домовъ. Изданіе этого труда (т. е. VII т.) приняла на себя И. Академія Наукъ. Изданіе же первыхъ шести томовъ взяло на себя И. Р. Географическое Общество.

Конечно, всѣ эти труды являются не результатомъ лишь послѣдней поѣздки проф. Позднѣва въ Монголію (1892—93 г.), а всѣхъ его двадцатилѣтнихъ слишкомъ разностороннихъ занятій Монголіею и Монголами. Само собой на разработку и изданіе всѣхъ этихъ разнообразныхъ трудовъ уйдетъ не мало времени, почему авторъ и прибавляетъ: «если только хватитъ моей жизни на то, чтобы издать ихъ».

Почтенный нашъ ученый еще молодъ, въ цвѣтѣ силъ; остается только пожелать ему бодрости духа и здоровья для успѣшнаго окончанія задуманнаго и такъ прекрасно начатаго имъ ученаго его предпріятія, которое должно доставить ему славу, а наукѣ и Россіи принести великую пользу. Такъ много испытывая отъ Монголовъ, отъ основанной ими монархіи и отъ ея послѣдовъ безъ чужой помощи освободившаяся отъ нихъ—разныхъ татарскихъ ордъ, на Волгѣ и въ Крыму, и съ тѣхъ поръ занявшая и колонизовавшая громадные пространства бывшей Монгольской державы, Россія получила наконецъ возможность непосредственнаго и основательнѣйшаго изученія сосѣдней намъ теперь страны Монголовъ пріобрѣла право на самое многостороннее и глубокое въ ней вліяніе, на распространенію въ ней своей образованности и своего языка: Монголія не принадлежитъ къ густо заселеннымъ краямъ сосѣдней намъ многолюдной Имперіи и можетъ въ послѣдствіи принять много русскихъ поселенцевъ.

Якуты. Опытъ этнографическаго изслѣдованія В. Л. Стрѣшевскаго. И. Р. Г. Общества на средства, пожертвованныя А. И. Громовой. Подъ редакціей проф. Н. И. Веселовскаго. Т. I. Съ 168 рисунками, портретомъ и картою. СПБ. Типографія Главн. Управленія Удѣловъ, Моховая, 40, 1896. XII+719 стр. въ больш. 8-му.

Этотъ изящно изданный трудъ посвященъ авторомъ «Памяти А. Θ. Миддендорфа» и украшенъ портретомъ этого даровитаго, ученаго знатока В. Сибири.

В. А. Сѣрошевскій прожилъ въ Якутской области съ марта 1880 по июль 1892 г. При этомъ онъ прожилъ въ г. Верхоянскѣ съ мая 1880 по мартъ 1883 г. За это время сверхъ небольшихъ экскурсій въ окрестности, онъ проѣхалъ на лодкѣ по р. Янѣ до Ледовитаго Океана и возвратился обратно изъ с. Казачьяго (900 в.) сухимъ путемъ лѣтомъ вдоль лѣваго берега Яны по мѣстностямъ мало извѣстнымъ и слабо населеннымъ. Въ мартѣ 1883 г. онъ выѣхалъ изъ Верхоянска въ г. Средне-Колымскъ, а оттуда на западъ, въ почтовую станцію Андылахъ (300 вер. отъ гор.), гдѣ провѣлъ 8 мѣсяцевъ; затѣмъ опять возвратился въ г. Колымскъ и вторично отправился на урочище Енгжа, которое лежитъ также въ 300 вер. отъ города, но не по тракту, а въ сторонѣ отъ него, въ 100 вер. къ сѣв. Въ 1885 г. онъ выѣхалъ обратно въ г. Якутскъ и оттуда на р. Алданъ въ III Баягантайскій наслѣгъ улуса того же нѣмни. Въ 1887 г. я переѣхалъ въ Намскій улусъ того же округа, гдѣ занялся земледѣлемъ и прожилъ до выѣзда въ Иркутскъ въ июнѣ 1892 г. За это время онъ посѣтилъ: селеніе Амшинское, улусы: Баранскій, Батурусскій, Меченскій, Восточно-Каталаскій; въ западномъ Кангаласкомъ провелъ нѣсколько недѣль, и сверхъ того совершилъ еще на лодкѣ путешествіе по Ленѣ къ устью Алдана. «Эти многократныя перемѣщенія и разѣзды дали мнѣ возможность составить себѣ нѣкоторое представленіе о странѣ, записать и проверить много варіантовъ преданій и обычаевъ. Для этого я въ началѣ пользовался переводчиками, сопутствовавшими мнѣ казаками и знавшими по русски якутами, а затѣмъ самъ настолько узналъ якутскій языкъ, что могъ записывать самостоятельно. Обыкновенно записывалъ я тексты по-русски, а по-якутски вставлялъ только болѣе характерные обороты или рѣдкія сомнительныя и трудныя для перевода слова. Это значительно сокращало время записи и не такъ утомляло рассказчика. Таково происхожденіе матеріаловъ, составившихъ эту книгу. (Предисл. стр. IX—X). Затѣмъ авторъ занимался полтора года въ Иркутскѣ, въ музеѣ и бібліотекѣ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Геогр. Общ. «Литература объ Якутской области, говоритъ авторъ, разрослась въ настоящее время до размѣровъ цѣлой бібліотеки; можно насчитать болѣе полутора тысячи номеровъ книгъ, брошюръ, статей, вышедшихъ отдѣльными выпусками или разбросанныхъ въ періодическихъ научныхъ и популярныхъ изданіяхъ. Къ сожалѣнію, добрая треть, если не больше, представляетъ компіляціи или повторенія однихъ и тѣхъ же первоисточниковъ. Размѣры и назначенія этой книги не позволяли въ ней удѣлять много мѣста ссылкамъ и критикѣ печатныхъ источниковъ; цитаты оказались и безъ того много, между тѣмъ я ограничился только признанными авторитетами и выписками изъ рѣдкихъ и трудно доступныхъ сочиненій». Всего болѣе воспользовался онъ трудами знаменитаго путешественника Миддендорфа и также вывезенными имъ матеріалами, обработанными въ извѣстномъ трудѣ ак. Бетлинга, затѣмъ трудами другихъ старыхъ и по ихъ путешествениковъ и знатоковъ В. Сибири Спаарія (1675 г.), Гмелина, Словцова, Щукина, Косарева, Кривошапкина, Потанина, Худякова и др.

Введеніе (Геогр. очеркъ, климатъ, растительность, фауна, домашній животный), занимающее 141 стр., было дополнено и исправлено авторомъ, по предварительномъ его просмотрѣ въ рукописи, особыми специалистами: Э. Е. Толмъ — (географія и фауна), Э. В. Штеллингъ (климатъ), С. И. Коржинскимъ и Я. П. Преишемъ (ботаника).

Слишкомъ двѣнадцатилѣтнее пребываніе г. Сѣрошевскаго въ Якутской области, его разѣзды по ней, основательная разработка собраннаго матеріала, энергія и даровитость автора, какъ наблюдателя и писателя, его гуманное, любящее отношеніе къ якутамъ придаютъ этому труду истинно-высокое значеніе въ наукѣ этнографической.

Сверхъ введенія, I т. этого капитальнаго труда состоитъ изъ слѣд. XV главъ: I. Объ южномъ происхожденіи якутовъ. — II. Разселеніе — III. Физическія особенности племенъ. IV. Экономическія основы быта. V. Пища. VI. Платье. VII. Постройки. VIII. Ремесла и искусства. IX. О распредѣленіи богатства, условіяхъ труда и найма. X. Родовой строй. XI. Семья. XII. Дѣти. XIII. Бракъ и любовь. XIV. Народное словесное

творчество. XV. Вѣрованія. (стр. 183—675). — Въ приложеніи напечатана «Вѣдомость домовъ, юртъ и народонаселеніе инородцевъ Олёкинскаго округа и улусовъ, съ подраздѣленіемъ на наследи и роды за 1891 г.» Къ тому приложены еще два Указателя: одинъ—собственныхъ именъ, другой—предметовъ.

Живость и нерѣдко истинно-художественное изложеніе автора дополняется еще многочисленными, большою часть весьма удачными рисунками Якутовъ, Якутокъ различныхъ классовъ, состояній и возрастовъ, изъ жилищъ, работъ, предметовъ домашнего обихода и пр. Рисунки по наброскамъ и фотографіямъ автора исполнены художниками С. М. Дудинымъ, А. В. Евреиновымъ и Д. М. Головачевымъ. Наука и русская литература обязаны прекраснымъ изданіемъ этого замѣчательнаго труда Аннѣ Ивановнѣ Громовой, главѣ Торговаго дома, давно уже ведущаго дѣла въ Якутской области; А. И. Громова дала средства автору, дабы облегчить ему «возможность обработать сырой матеріалъ и затѣмъ издать сочиненіе».

Нельзя не отмѣтить съ особенною признательностью того обстоятельства, что, давши средства на это изданіе, А. И. Громова пожелала, чтобы оно считалось изданіемъ И. Р. Г. Общества. Въ нашемъ отечествѣ, гдѣ не немного миллионеровъ и вѣтъ обладателей милліарда въ, нельзя рассчитывать на меценатовъ, которые бы рѣшились тратить на этнографическія и другія изданія по географіи Россіи, такія суммы, которые израсходывало и расходуетъ наше Географическое Общество въ теченіи полувѣка. Ни одинъ меценатъ не превзойдетъ въ этомъ отношеніи Общества, справедливо снискавшаго себѣ уваженіе въ цѣломъ образованномъ мірѣ. Да и честь мецената отъ этого не ужалась, напротивъ увеличилась, ибо такого рода прямыя и вмѣстѣ косвенныя пожертвованія ученымъ и ихъ трудамъ, черезъ ученые общества, только облагораживаютъ мецената въ отношеніи, принося въ нихъ ту гуманную деликатность, которой часто прежде въ нихъ не доставало. По изяществу и роскоши изданія. Якуты Стрешевскаго, изданіе И. Р. Географическаго Общества на средства, пожертвованныя А. И. Громовой, и вышеупомянутый томъ обширнаго труда Позднѣва, изданный на средства Геогр. Общ., превосходятъ всѣ новѣйшія русскія этнографическія изданія.

Обычное право выпускъ второй. Матеріалы для библіографіи обычного права Ярославль. 1896. XXXVII+544 стр. въ 8-ку.

Выпускъ первый вышелъ въ Ярославлѣ въ 1875 г. (подъ тѣмъ же заглавіемъ, но въ меньшемъ форматѣ и объемѣ—XXXVI+249).

Этотъ превосходный образецъ толковой библіографіи, одно изъ важнѣйшихъ пособій по русской этнографіи, принадлежитъ, какъ извѣстно, перу образованнаго юриста, просвѣщеннаго любителя и отличнаго знатока обычного права Е. И. Якушкина. На оберткѣ 2-го вып. мы прочли пріятное извѣстіе о приготовленіи къ печати втораго изданія 1-го вып. Въ этомъ дѣйствительно была крайняя нужда, такъ какъ первый выпускъ давно уже сталъ рѣдкостью. Если припомнимъ, что нашъ маститый этнографъ-юристъ постоянно живетъ и работаетъ (съ 1859 г.) въ Ярославлѣ, что собирать библіографическія свѣдѣнія въ губернскомъ городѣ гораздо труднѣе, чѣмъ въ столицахъ, то тѣмъ болѣе заслуживаютъ удивленія и благодарности тщательность и богатство собранныхъ авторомъ библіографическихъ данныхъ. Во второмъ выпускѣ «указаны сочиненія, касающіяся народнаго юридическаго быта съ 1876 г. по 1889 г. включительно, а также хотя появившіяся и ранѣе, но пропущенныя въ первомъ выпускѣ».

По примѣру перваго выпуска, многія книги и статьи не только указаны, но и снабжены мастерски составленнымъ изложеніемъ ихъ содержанія. И при второмъ выпускѣ имѣются указатели: I. систематическій (I. Русское обычное право. II. Управление-самоуправленіе. III. Судъ. IV. Гражданское Право. А. семейное право. а брачный союзъ. б. союзъ

родителей и дѣтей. в. союзъ членовъ семьи. В. Опѣка и попечительство. В. Право наследственное. Г. Права вещныя. Д. Сдѣлки и обязательства. У. Торговое право. VI. Уголовное право.—Затѣмъ Обычное право инородцевъ)—стр. 457—507. 2. этнографическій стр. 508—511; 3. географическій стр. 512—532; 4. именной указатель (фамиліи авторовъ просмотрѣнныхъ сочиненій) стр. 533—544.

Почтенный трудъ Е. И. Якушкина навсегда сохранитъ значеніе необходимаго пособія при изученіи русской этнографіи и нашего обычнаго права въ особенности.

Бартеневъ Викторъ. На крайнемъ сѣверо-западѣ Сибири. Очерки Обдорскаго края. С.-Петербургъ. 1896. II+154 стр.

Авторъ пробылъ четыре года въ Обдорскѣ и успѣлъ близко ознакомиться съ частью этого дальняго и непригляднаго края. Многія изъ его интересныхъ замѣтокъ о Самоѣдахъ, Остякахъ, Зырянахъ и Русскихъ были бы еще цѣннѣе, если бы не было неряшливости и какой-то растрепанности въ изложеніи. Портитъ книжку и множество опечатокъ.

Харузинъ, Н. Исторія развитія жилища у кочевыхъ и полукочевыхъ Туркскихъ и Монгольскихъ народностей Россіи. Москва. 1896. IV+124 стр. въ 8-ку.

Авторъ представляетъ рядъ любопытныхъ соображеній о типахъ жилищъ кочевыхъ народностей туркскихъ и монгольскихъ переходящихъ постепенно, и сколько извѣстно изъ исторіи, подъ вліяніемъ по большей части чужого земледѣльческаго населенія, къ жизни осѣдой, и какъ по мѣрѣ такихъ переходовъ измѣняются ихъ жилища изъ первоначальныхъ коническихъ шалашей въ рѣшетчатыя юрты, а тѣ въ свою очередь въ балаганы и плетневые жилища, землянки, наконецъ срубы и пр. Почтенный авторъ обращается преимущественно къ новымъ свидѣтельствамъ, но иногда обращается и къ старымъ и къ средневѣковымъ путешественникамъ. Жаль, что авторъ не обратилъ вниманія на любопытѣйшія въ этомъ отношеніи показанія Приска о Гуннахъ Аттилы (Готск. пия, по слов. О тило: От,—отъ нъ, отъцъ, срви. Братило. Ласкательное и у Славянъ, какъ въ Словѣ о П. Иг. «О вѣтрѣ вѣтрило».

Пантюховъ И. И. О пещерахъ и позднѣйшихъ жилищахъ на Кавказѣ. Тифлисъ. 1896. 142 стр. и XVI табл. рисунковъ, въ 8-ку.

Много любопытныхъ указаній на литературу предмета, на средневѣковыя и новыя и новѣйшія описанія быта и жилищъ Кавказскаго населенія (стр. 10—12), на пещеры естественныя и искусственныя въ разныхъ мѣстахъ края, осмотрѣнныя и описанныя посторонними учеными и мѣстными наблюдателями (стр. 12—22), наконецъ осмотрѣнныя и болѣе или менѣе изслѣдованныя самимъ авторомъ (стр. 22—38). Любопытна глава VIII: Древнѣйшія зданія крѣпости, башни, храмы, города.—Интересныя данныя и соображенія сообщены авторомъ о современныхъ полуподземныхъ и подземныхъ жилищахъ (стр. 82 и сл.). т. е. о полуподземныхъ сакляхъ преимущественно у картвельскаго племени по среднему бассейну Куры и ея верхнимъ притокамъ. Оказывается, что грузинскія напр. сакли въ Мукетѣ лучше и чище армянскихъ въ Гдлапахъ; но лучше, просторнѣе и удобнѣе—грузинскія сакли подѣ Тифлисомъ въ с. Дигомахъ Сакли татарскія хуже также грузинскихъ. Отъ этихъ саклей отличаются сакли подземныя, онѣ сидятъ болѣе въ землѣ, преимущественно въ холодныхъ плоскостяхъ

Малого Кавказа и въ соседнихъ мѣстностяхъ. «Къ подземнымъ жилищамъ должно отнести и пещеры въ Запшурскомъ и другихъ уѣздахъ. По словамъ д-ра Гедевалова, селенія армянъ и татаръ того уѣзда часто расположены въ мѣстахъ богатыхъ пещерами, служащихъ для многихъ единственнымъ жилищемъ. Помѣщеніе для скота устраивается рядомъ въ такихъ же пещерахъ. Подземныя жилища можно раздѣлить на два типа—первый по склонамъ плоскогорья, походитъ на грузинскій, причемъ скотъ обыкновенно помѣщается отдѣльно отъ хозяевъ, и второй на самомъ плоскогорьѣ, гдѣ помѣщеніе скота не отдѣляется отъ помѣщенія хозяевъ».—Въ гл. XI идетъ рѣчь о деревянныхъ, каменныхъ и друг. жилищахъ.

«Въ послѣднія 30—40 лѣтъ, особенно послѣ освобожденія крестьянъ, устройство жилищъ начало улучшаться. Въ Кахетіи (Телавскій уѣздъ), кромѣ плетевыхъ и деревянныхъ появились каменные дома, мало отличимы отъ княжескихъ. Въ Кутапсской губ. не только у дворянъ, но и у зажиточныхъ крестьянъ домики выстраиваются весьма привѣтливо. Съ двухъ сторонъ ихъ красная, иногда съ рѣзными рѣшетками галлерея, въ домахъ нѣсколько комнатъ, большія окна, деревянные полы и потолки, каминъ; въ гостиной, кромѣ шахты, и другая мебель. Кухня находится въ отдѣльномъ зданіи... Характеръ построекъ остается однако и въ новыхъ зданіяхъ прежній—стѣны только, непрочны, нерѣдко со шелями, печей нѣтъ, а только каменные». (с. 98—99).

Относительно деревянныхъ жилищъ русскаго крестьянскаго населенія авторъ замѣчаетъ, что «какъ на холодныхъ плоскогорьяхъ Ахалкалакскаго уѣзда и Карской области, такъ и на предгоріяхъ Тифлисскаго и низменностяхъ Ленкоранскаго уѣздовъ, русское населеніе не подчинилось туземнымъ образцамъ, а при устройствѣ какъ жилыхъ зданій, такъ и хозяйственныхъ построекъ, сообразуясь съ мѣстными условіями, почти совершенно сохранило такой же типъ жилищъ, какой онъ и на равнинахъ сѣверной и южной Россіи. Жилища русскихъ большею частью деревянные, рѣдко глиняныя или каменные. Пользуясь достаточнымъ благосостояніемъ, кавказскіе Русскіе живутъ лучше, чѣмъ крестьяне собственной Россіи, въ домахъ ихъ часто нѣсколько комнатъ, стулья, коммоды, зеркала, цвѣты, а иногда и газеты». (с. 101).

Пожелаемъ почтенному автору продолжать свои наблюденія и изысканія и приготовить этотъ трудъ вторымъ изданіемъ, гдѣ бы этотъ весьма важный предметъ былъ разработанъ систематически, съ большими деталями и съ приложеніемъ наибольшаго количества чертежей, рисунковъ и фотографическихъ снимковъ. И. Р. Г. Общество, а также и вѣдшее Арх. Общество, можно надѣяться, не преминули бы оказать автору свое содѣйствіе.

ОТДѢЛЪ V.

Смѣсь.

О Пасхѣ.

Народная легенда, записанная въ Пошхонскомъ уѣздѣ, Ямтлавской губ.

Въ NN одномъ изъ большихъ, но глухихъ селъ Пошхонскаго уѣзда жила молодая вдовая солдатка Оекла; жила она одиноко въ своей селѣ¹⁾ на самомъ краю села. Это было въ сороковыхъ или пятидесятыхъ годахъ текущаго столѣтня.

Хотя издревле про солдатокъ сложилось присловье, что «солдатка мѣркой челоуѣкъ», что солдаткѣ все позволено, — а ужъ «чего ей хочется, то никогда (никогда) не грѣхъ», однако про молодую Оеклу нельзя было сказать ничего худого. Честно и не зазорно вдовѣла она третій годъ, нанимаясь въ поденныя работы къ своимъ односельчанамъ и добывая себѣ этимъ насущный кусокъ хлѣба.

Ничего худого не могли сказать сосѣди про молодую Оеклу, но врагъ силенъ: попуталъ онъ и бѣдную бабу. Слюбилась Оекла съ сѣднимъ парнемъ, а тамъ пришло время и забеременѣла отъ него. Беременность свою она такъ искусно скрывала отъ всѣхъ, что никто не могъ даже и подумать, что Оекла беременна, тѣмъ болѣе, что никто и не подозрѣвалъ, что Оекла начала «баловать»...

Была ночь на Свѣтлое Христово Воскресенье. Во всѣхъ домахъ NN свѣтились огоньки — вездѣ готовились къ встрѣчѣ великаго праздника. Въ церкви давно уже началось чтеніе «Дѣяній», народъ изъ отдаленныхъ деревень понемногу собирался къ свѣтлой заутрени... Свѣтился огонекъ и сквозь занавѣшенное оконце Оеклиной мелейки. Но не встрѣчей Свѣтлаго Праздника была занята въ это время молодая вдова: нѣтъ, заперевъ наглухо двери, она мучилась родами, одна одинешенька. По счастью схватки были не сильны и не продолжительны и Оекла скоро стала матерью.

Стыдъ и боязнь за будущее охватили душу молодой бабы.

— «Что сосѣди теперь скажутъ? думала баба. «Срамъ одинъ только будетъ: приходу не дадутъ шить — засмѣютъ... а какъ кормиться будетъ? съ этимъ на работу не пойдешь найматься: придется по міру собирать итти, такъ думала Оекла и сердце ея защемило отъ ужаса за свою неприглядную будущность, а руки ея все крѣпче и крѣпче сжимали шейку малютки.

Еще одно крѣпкое судорожное движеніе пальцами рукъ, раздался слабый не то крикъ, не то стоны, и малютки не стало въ живыхъ...

¹⁾ Изба въ которой живутъ бобыли.

Закопать малютку въ подъибиці было для Оеклы дѣломъ получаса...

Между тѣмъ радаяся громкій торжественный благовѣстъ къ Свѣтлой заутренѣ...

Оекла поспѣшно прибралась въ кельѣ, одѣлась въ лучшую одежду и отправилась въ церковь...

— «Теперь никто ничего не подумаетъ — никому и въ голову ничего не придетъ», думала Оекла, идѣ къ церкви и отъ слабости еле передвигая ногами.

— «Чтѣй ты это, матка, на тебѣ лица нѣтъ», замѣтила въ церкви Оеклѣ одна изъ ея сосѣдокъ.

— «Не можетъ же что то... головушку всю разломило... простудилась должно быть», равнодушно отвѣчала Оекла.

Сосѣдка вполне удовлетворилась такимъ отвѣтомъ...

Прошло съ тѣхъ поръ нѣсколько дней. Оекла окончательно оправилась отъ родовъ. Все дѣло, какъ говорится, было и «шито и крыто».

Но Богъ судилъ иначе...

По селу понесли иконы. По старинному обычаю причѣтъ съ св. иконами ходилъ о Пасхѣ изъ дома въ домъ и служилъ молебны. За иконами ходили почти всѣ сельчане.

Принесли, наконецъ, иконы и въ Оеклину келью.

Священникъ сдѣлавъ възгласъ и началъ молебенъ. Стартъ дѣвченокъ дребезжащимъ голосомъ загвѣлъ пасхальныя стихиры...

Какъ вдругъ въ это время послышался необычайный шорохъ. Изъ за печки и изъ вѣхъ щелей Оеклиной кельи показались міриады черныхъ крупныхъ таракановъ. Богомольцы съ ужасомъ понягилсъ къ дверямъ. Между тѣмъ легіоны таракановъ двигались по стѣнамъ и по погонку въ стройномъ порядкѣ и все по одному направленію: быстро сползли они на полъ и собрались огромной кучей надъ тѣмъ самымъ мѣстомъ, гдѣ въ подъибиці былъ похороненъ у Оеклы ребенокъ.

На Оеклѣ, какъ говорится, лица не было...

Между тѣмъ тараканы совершенно неподвижно сидѣли до тѣхъ поръ, пока не окончился молебенъ. Тогда снова полчища ихъ двинулись въ стройномъ порядкѣ на стѣны и въ какія нибудь 5—6 минутъ скрылись по щелямъ и за печью, такъ что не видно стало болѣе ни одного таракана...

Священникъ вопросительно глядѣлъ на Оеклу...

Скрываться долѣе было не возможно...

Съ плачемъ упала молодая баба на колѣна передъ священникомъ и въ присутствіи всѣхъ рассказала свой грѣхъ...

А. Баловъ.

Крапивное заговѣнье.

Подъ названіемъ крапивнаго заговѣнья извѣстно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Пешеконскаго уѣзда Воскресеніе «Всѣхъ святыхъ» или заговѣнье на Петровъ постъ. Въ это воскресеніе парни и дѣвушки, собирающіеся на обычныя деревенскія гулянья, жгутъ другъ друга крапивою, откуда и самый день этотъ получилъ названіе «крапивнаго» заговѣнья.

Данный обычай представляетъ изъ себя остатокъ древнихъ «русальныхъ проводовъ», приуроченныхъ первоначально къ купальскимъ игрищамъ, а затѣмъ перенесенныхъ съ купальскаго праздника на всѣхсвятское воскресенье. Русалки (южнослав. «мавки»), по древнему вѣрованію славянъ, суть души умершихъ (Соловьевъ). Весною, когда вся природа оживаетъ, по мѣтнію нашихъ предковъ язычниковъ, оживали и души умершихъ и бродили по землѣ. Такъ какъ путь водный считался у всѣхъ на-

родовъ проводниковъ въ подземное царство и изъ него назадъ, то неудивительно, что по тому же народному повѣрью русалки живутъ съ наступленіемъ весны въ водахъ: рѣкахъ, озерахъ, колодцахъ. Какъ представительницамъ царства смерти, тьмы и холода, русалкамъ всего естественнѣе обитать въ темныхъ нѣдрахъ земныхъ водъ, еще холодныхъ весною.

Но вотъ наступаетъ время купальскихъ праздниковъ. Солнце, купаясь въ водахъ, освящаетъ ихъ и оживотворяетъ ихъ ¹⁾. Въ этихъ водахъ уже нѣтъ болѣе мѣста для русалокъ — представительницъ мрака и смерти. Отсюда, по народному повѣрью, русалки лѣзутъ на земныя деревья — первоначальное обиталище мертвцовъ (см. житіе Константина Муромскаго). Но и эта попытка является для нихъ неудачной: деревья послѣ купальскихъ праздниковъ точно также освящены солнцемъ, и русалкамъ, представительницамъ холода, мрака и смерти, съ наступленіемъ лѣта — царства тьмы и свѣта, нѣтъ болѣе мѣста на землѣ. Для нихъ остается только одно — уйти въ темныя нѣдра земли и заснуть тамъ крѣпкимъ сномъ до новой весны. Въ одной изъ купальскихъ пѣсень по этому поводу говорится:

Русалочки-земляночки
На дубъ лѣзли, кору грызли,
Свалилися, забилися.

Эти то проводы русалокъ въ нѣдра земли и совершались въ старину послѣ купальскихъ игрищъ. Съ принятіемъ христіанства они приурочены были затѣмъ къ началу Петрова поста. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Рязанской губерніи и до сихъ поръ наканунѣ заговѣнья на Петровъ постъ дѣвушекъ изображаютъ изъ себя русалокъ, ходя ночью по улицамъ въ однихъ рубашкахъ съ распущенными волосами. Часомъ въ 12 ночи молодежь вооружается палками, косами, кнутами и бросается на дѣвушекъ, изображающихъ русалокъ, съ крикомъ: «гони русалокъ». Когда «русалкамъ» удастся убѣжать на землю сосѣдней деревни, преслѣдованія прекращаются, и всѣ возвращаются домой говоря: «Ну, теперь прогнали русалокъ». (Жив. Стар. В. IV. 1891 г. 202 стр.).

Между тѣмъ, по старинному народному вѣрованію, русалки, какъ и вѣдьмы, всего болѣе боятся крапивы и осины, растеній, посвященныхъ богу громовнику. Эти растенія очень часто употребляются народомъ для защиты отъ русалокъ и вѣдьмъ: ихъ кладутъ, напр., въ хлѣбахъ, чтобы вѣдьмы не выдаивали коровъ и т. д. Эти растенія играли видную роль и въ старинныхъ купальскихъ русальныхъ проводахъ, т. е. ими старались прогнать русалокъ въ нѣдра земли.

Очевидно, что обычай жечь другъ друга въ «крапивное воскресенье» есть ничто иное, какъ остатокъ древнихъ «русальныхъ проводовъ».

А. Балога.

Свѣчи и ладонь въ народныхъ повѣрьяхъ.

Изъ этнографическихъ матеріаловъ, собранныхъ въ Пошехонскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи.

Слѣды язычества, выразившіеся въ масѣ различныхъ народныхъ суевѣрій и предрасудковъ, настолько укоренилось и распространилось въ жизни нашего народа, что очень часто мы встрѣчаемъ эти слѣды тамъ, гдѣ ихъ, повидному, вовсе не должно бы и быть. Въ статьѣ нашей «Слѣды язычества въ народномъ иконопочитаніи» (Жив.

¹⁾ О характерѣ и значеніи купальскихъ игрищъ нами будетъ представлена въ скоромъ времени особая отдѣльная статья.

вая Старина 1891 г. № 3) мы подробно указывали на тѣ суевѣрія и предрассудки, которые замѣчаются въ народномъ иконопочитаіи и которые представляютъ изъ себя ничто иное, какъ остатки сѣдой языческой старины.

Въ настоящемъ очеркѣ мы постараемся указать на подобныя же суевѣрія и предрассудки, но приуроченныя только къ другимъ священнымъ предметамъ—именно къ «церковнымъ свѣчамъ и ладону».

Особенное значеніе придаетъ народъ свѣчамъ «вѣнчальнымъ». Свѣчи эти тщательно сохраняются народомъ вмѣстѣ съ иконами въ кіотахъ или просто на полкахъ. Уже во время самаго бракосочетанія народъ замѣчаетъ по вѣнчальнымъ свѣчамъ, кто изъ брачующихся скорѣе умретъ. Тотъ у кого вѣнчальная свѣча сгоритъ болѣе во время бракосочетанія, тотъ скорѣе и умретъ. Означенное повѣрье, очевидно, есть ничто иное, какъ видоизмѣненное гаданіе съ огнемъ, приурочиваемое въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ Катеринину дню (24 ноября), а въ другихъ—къ Святкамъ. Гаданье это состоитъ въ томъ, что огарки восковыхъ свѣчъ прикрѣпляютъ къ орѣховымъ скорлупамъ и, зажегши эти огарки, пускаютъ на воду: чей огарокъ погаснетъ скорѣе—тотъ раньше и умретъ.

Вариаций подобнаго гаданья существуетъ очень много, и перечислять ихъ мы не будемъ, такъ какъ это не относится къ интересующему насъ вопросу.

Во время трудныхъ родовъ вмѣстѣ съ прочими народными средствами употребляется между прочимъ и зажиганіе «вѣнчальныхъ» свѣчъ.

Вѣнчальныя свѣчи зажигаются точно также во время грозы и пожара, чтобы отвратить отъ дома громовые удары или прекратить начавшійся пожаръ. Такую же силу въ нѣкоторыхъ мѣстахъ народъ приписываетъ свѣчамъ «богоявленскимъ» и «пасхальнымъ» т. е. свѣчамъ, съ которыми стояли въ эти праздники въ церкви. «Богоявленскія» или же «вѣнчальныя» свѣчи зажигаютъ наконецъ и въ изголовь умирающаго, когда послѣдній долго мучится въ предсмертной агоніи.

Зажигать «богоявленскія» свѣчи во время грозы и пожара, а также въ изголовья умирающаго есть обычай, перешедшій къ намъ съ юго-запада, изъ католической церкви. Здѣсь долго существовалъ обычай въ день Срѣтенія Пресв. Богородицы освѣщать свѣчи и раздавать ихъ народу. Въ католическихъ требникахъ есть и особыя назначенныя для этого молитвы. (Объ уніат. богосл. кн. Хойницкій Хр. Чтен. стр. 596—597). Свѣчи эти зажигались во время пожара и грозы и давались въ руки умирающему. Если припомнимъ, что на Пресв. Богородицу съ принятіемъ христіанства было перенесено почитаніе одной изъ «роженицъ», имѣвшихъ въ своей власти бракосочетаніе, рожденіе и смерть человѣка, то разрѣшительная сила «срѣтенскихъ» свѣчъ при родахъ и при смерти будетъ намъ вполне понятна. Съ теченіемъ времени сила эта стала приписываться не только «срѣтенскимъ», но «богоявленскимъ», «пасхальнымъ» и другимъ церковнымъ свѣчамъ, какъ напр. «четверговымъ».

Что касается до силы «богоявленскихъ», «пасхальныхъ» и «вѣнчальныхъ» свѣчъ охранять отъ молніи и прекращать пожары, то сила эта, по всей вѣроятности, приписывалась вначалѣ только «срѣтенскимъ» свѣчамъ. Вѣрованіе въ такую силу этихъ свѣчъ могло зародиться на христіанскомъ представленіи Пресв. Богородицы «неопалимою куйною». Со «срѣтенскихъ» свѣчъ это вѣрованіе было перенесено затѣмъ на свѣчи «богоявленскія», «вѣнчальныя», «пасхальныя» и т. д.

«Четверговая» свѣча, т. е. свѣча, принесенная изъ церкви въ великій четвертокъ, по народному повѣрью, обладаетъ силою уничтожать чары колдуновъ и прогонять вѣдьмъ. Основа такого повѣрья чисто уже языческая. Вѣрованіе въ колдуновъ и вѣдьмъ есть «перезимокъ» языческаго вѣрованія въ облачныхъ нимфъ, представительницъ царства ночи и зны, тѣхъ самыхъ нимфъ, которыхъ Перунъ разгоняетъ своими молніями.

Между тѣмъ четвергъ и посвящался нашими предками Перуну—богу громовнику, разгоняющему облачныхъ нимфъ своими молніями. Четверговая свѣча и служитъ въ данномъ случаѣ эмблемою молній бога громовника.

Что касается до ладона, то по народному вѣрованію онъ обладаетъ свойствомъ прогонять отъ человѣка нечистыхъ духовъ. Поэтому то до сихъ поръ въ народѣ довольно распространенъ обычай носить на шеѣ «ладонки», т. е. мѣшечки съ зашитымъ въ нихъ ладонь. Обычай этотъ восходитъ къ глубокой древности. Всѣ языческіе народы съ незапамятныхъ поръ носили на шеяхъ особые мѣшечки, называемые амулетами. Въ мѣшечкахъ хранились камешки съ таинственными словами и надписями, лекарственныя травы и волшебныя вещи, которымъ приписывалась таинственная чудесная сила. Все это въ древности строго запрещалось не только христіанскою церковью, но даже и языческими царями.

Ношеніе ладонковъ есть ничто иное, какъ видоизмѣненный обычай ношенія амулетовъ, такъ какъ ладонка есть тотъ же амулетъ, въ которомъ чудесная сила приписывается ладону.

А. Баловз.

Живая старина.

Жители различныхъ мѣстностей Россіи нерѣдко извѣстны бываютъ среди остальнаго населенія подъ различными шутивными прозвищами, соединенными съ такими же шутивными легендами объ этихъ жителяхъ. Такъ напр. про «ярославцевъ» жители остальныхъ уѣздовъ Ярославской губерніи говорятъ, что «ярославцы бѣлотѣлы: семь лѣтъ въ бавѣ не были, разъ побывали—семь пудовъ грязи съ одного пятнышка на тѣлѣ наскребли», про «даниловцевъ» говорятъ, что «они теленка въ люлькѣ закали», про любинцевъ, что они «козу пряниками кормили», про пошехонцевъ, что «они въ трехъ соснахъ заблудились». Анекдоты о пошехонцахъ еще съ 1798 г. были изложены пѣкинъ Березайскимъ въ отдельной книгѣ подъ заглавіемъ: «анекдоты о древнихъ пошехонцахъ» Сиб. 1798.

Шутливое отношеніе жителей однихъ мѣстностей къ своимъ сосѣдямъ, выражающееся въ различныхъ шуточныхъ прозвищахъ, даваемыхъ этимъ сосѣдямъ, довольно рельефно выказалось въ слѣдующей народной пѣсенкѣ, записанной нами въ Пошехонскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи.

...Даниловски дѣвки—путаницы,
Романовски—луковницы,
Костромскія—пароходницы,
Онѣ дуры не работницы,
Ярославски дѣвки модницы и т. д.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что многія изъ такихъ шуточныхъ прозвищъ, усвоенныхъ жителямъ извѣстной мѣстности, берутъ свое начало въ глубокой древности. Прослѣдить происхожденіе такихъ прозвищъ, указать на причины ихъ появленія—было бы весьма интересно. Къ несчастію, дѣло это далеко нелегкое.

Въ нашемъ настоящемъ очеркѣ мы остановимся на прозвищѣ Угожанъ, т. е. жителей села Угодичъ Ростовскаго уѣзда. Угожанъ обыкновенно называютъ «ершѣвниками», утверждая, что они «ерша со звономъ встрѣчали». (Село Угодичи, Ростовскаго уѣзда. Изъ восп. Артынова Яр. Губ. Вѣд.).

Какой смыслъ этого прозвища и гдѣ его начало?

Извѣстный эллинистъ, ученый изслѣдователь Порфірій, епископъ чигиринскій, говоритъ: «я въ юности своей слышалъ отъ отца своего, что въ Ростовскомъ озерѣ во время оно, являлся большой ракъ и обѣими клешнями благословлялъ, какъ архіерей». (Исторія Аѳона. ч. II. Аѳонъ христіанскій. Тр. Кіев. Духовн. Акад. 1871 г., т. 3, стр. 365).

По мнѣнію ученаго изслѣдователя, «насмѣшки язычниковъ надъ христіанами въ первыя времена христіанства и христіанъ надъ язычниками надолго сохранились въ народныхъ повѣрьяхъ». Такъ напр. между жителями Афонскаго городка Ериссо до сихъ поръ сохранилось шуточное повѣрье, что потомки притѣснителей св. Апостола Павла не ѣдятъ воловьего мяса изъ боязни, чтобы изъ нихъ не потекла кровь. Здѣсь видна явная насмѣшка христіанъ надъ язычниками—почитателями Аполлона, какъ извѣстно, не употреблявшими въ пищу воловьего мяса.

По мнѣнію ученаго изслѣдователя и въ сказаніи о ракъ, благословлявшемъ по архіерейски, видна явная насмѣшка ростовскихъ язычниковъ надъ первыми тамъ христіанами и надъ епископомъ ихъ.

Вполнѣ соглашаясь въ данномъ случаѣ съ мнѣніемъ почтеннаго изслѣдователя, мы осмѣлились провести параллель съ сказаніемъ, приведеннымъ имъ о ракъ ростовскаго озера, благословляющимъ какъ архіерей, и съ выраженіемъ что «Угожане ерша со звономъ встрѣчали».

И послѣднее выраженіе не представляетъ ли изъ себя явную насмѣшку древнихъ ростовскихъ язычниковъ надъ первыми ростовскими христіанами и надъ ихъ епископомъ? Пожалуй, что да.

Во всякомъ случаѣ, если мы примемъ высказанное нами предположеніе, то темное и неясное выраженіе, что «угожане ерша со звономъ встрѣчали» будетъ для насъ вполнѣ ясно и вразумительно.

Желательно бы было, чтобы мѣстные изслѣдователи обратили свое вниманіе на шуточные прозвища, даваемые жителями однихъ мѣстностей жителямъ другихъ. Многія изъ такихъ прозвищъ, безъ всякаго сомнѣнія, получили свое начало въ глубокой древности и представляютъ изъ себя ту «живую старину», о которой говорили мы и въ предъидущихъ нашихъ очеркахъ.

Для образца укажемъ, напимѣръ, на шуточное прозвище «окованко», дававшееся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще не особенно давно жителямъ Ростовскаго уѣзда. Прозвище это получило свое начало отъ слова «оковы»—деревянная лодка, окованная желѣзными обручами, которая употреблялась ростовцами встарину въ мѣсто лѣбной шеры.

Уяснить всѣ такія прозвища было бы крайне интересно.

А. Баловъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

БОГОСЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ

Въ 1897 году Московская Духовная Академія будетъ продолжать изданіе Богословскаго Вѣстника ежемѣсячно, книжками отъ двѣнадцати до пятнадцати листовъ, по прежней программѣ.

Содержаніе журнала распадается на пять отдѣловъ.

ОТДѢЛЪ I.

Творенія Св. Отцевъ въ русскомъ переводѣ.

ОТДѢЛЪ II.

Исслѣдованія и статьи по наукамъ богословскимъ, философскимъ и историческимъ.

ОТДѢЛЪ III.

Изъ современной жизни. Въ этотъ отдѣлъ войдутъ обзорнія современныхъ событій изъ церковной жизни въ Россіи, православнаго Востока, странъ славянскихъ и западно-европейскихъ, а также свѣдѣнія о внутренней жизни Академіи.

ОТДѢЛЪ IV.

Критика, рецензіи и библіографія по богословскимъ, философскимъ и историческимъ наукамъ.

ОТДѢЛЪ V.

Приложенія.

Подписная цѣна за годъ: безъ пересылки *шесть рублей*, съ пересылкой *семь рублей*, за границу *восемь рублей*.

Адресъ: въ Сергіевъ посадъ, Московской губерніи, въ редакцію «Богословскаго Вѣстника».

Редакторъ в.-орд. проф. В. Соколовъ.
